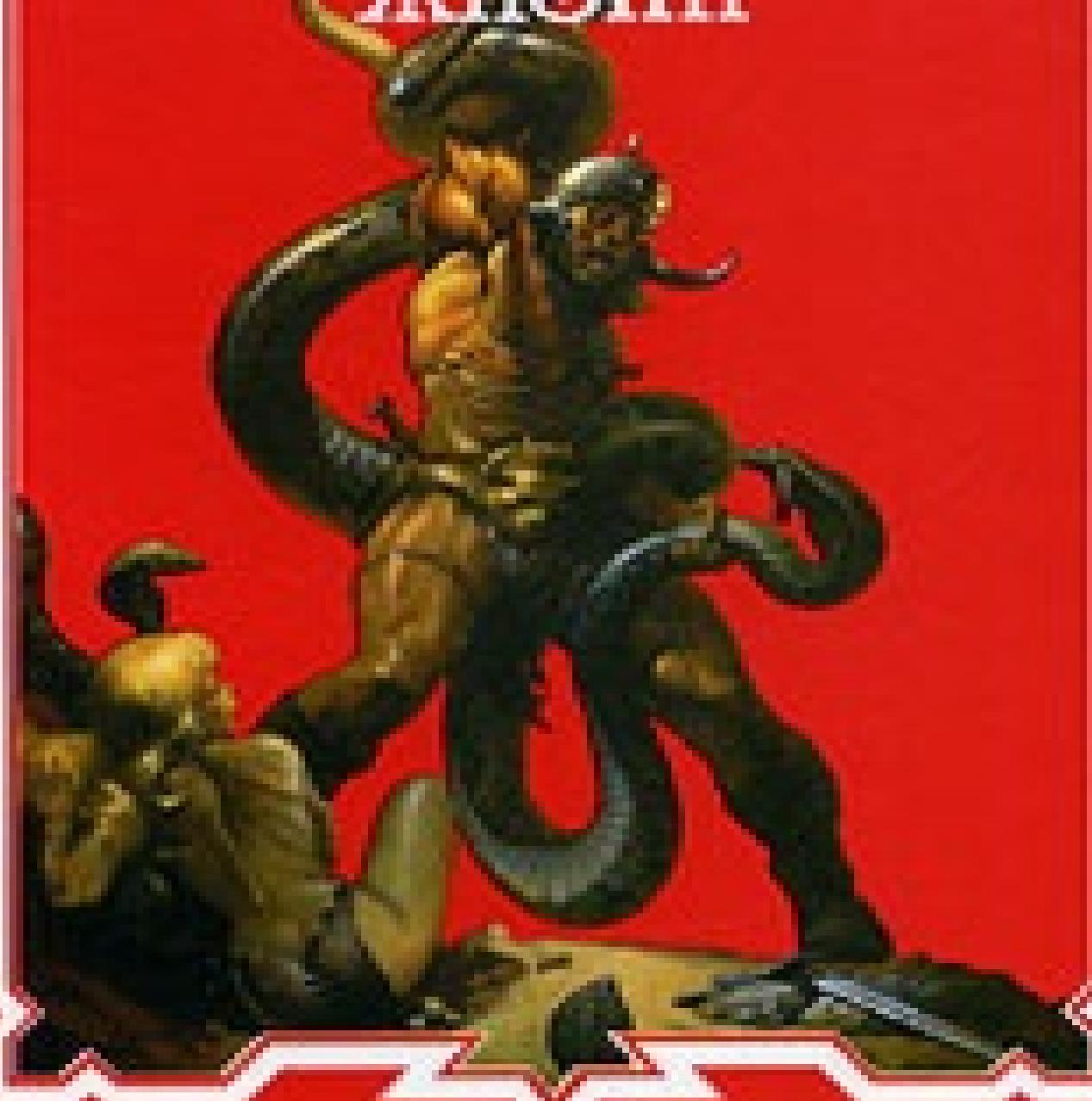

Библиотека
Конан
и Фонтан
Жизни

Annotation

Четвертая книга цикла “Пленники Камня”

Северо-Запад, 2006 г. Том 118 "Конан и Фонтан Жизни"
Брэнт Йенсен. Фонтан Жизни (роман), стр. 179-398

- [Брэнт Йенсен](#)
 - [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
-

Брэнт Йенсен

Фонтан Жизни

Цикл “Пленники Камня” – часть 4

Северо-Запад, 2006 г. Том 118 "Конан и

Фонтан Жизни"

Глава 1.

«О потаенных уголках души»

Ощущения были очень странные.

Монтейро вновь очутился в одном из видений грядущего, но на этот раз ему выпала не просто роль наблюдателя. Он оказался одним из главных героев своего сновидения, в то же время он не был собой. Уж в этом он не сомневался.

Его сознание переселилось в чужое тело, чей обладатель совершил ночное путешествие по Сартосу.

Монтейро раздражала незначительность собственной личности на фоне окружающих процессов. Для начала, он не могказать никакого влияния на человека, глазами которого видел мир. Тот был полностью самостоятелен в своих решениях и внушению не поддавался. Не то чтобы подобное было очень надо зингарцу, но просто хотелось знать, что всегда можно взять власть в свои руки. Но и это еще не всё. Видение не оставило ему даже элементарной возможности думать. Он лишь созерцал, будучи не в силах осмыслить увиденное. Конечно, у Монтейро происходили отдельные всплески сознания, но выносить сложные суждения он был не в состоянии.

Так Монтейро трясся в неведомо чьей голове, озирался по сторонам чужими глазами, испытывал чужой страх и чужое отчаяние и через пару мгновений забывал всё это. Оставался лишь неприятный осадок в душе, что то, что он чувствует сейчас, он ощущал и прошлом.

Но наконец наступил желанный момент перемен к лучшему. Зингарец погрузился чуть более глубоко в сознание любителяочных прогулок, одновременно заполучив назад способность анализировать текущие события. Инстинкт самосохранения, недвусмысленно намекавший на важность видения, всё-таки поборол в Монтейро ненависть и злобу, одолевавшие душу зингарца, и заставил сосредоточиться на окружающей действительности, а не пытаться взять под контроль чужое тело.

Человек находился где-то в бедняцком районе. Двигался он медленно, то и дело останавливался и озирался по сторонам, ждал чего-то, потом продолжал путешествие. Объяснялось подобное поведение очень просто. Человек боялся, сильно, очень сильно. Но он боролся со своим страхом,

побеждал его и использовал. Эмоции его Монтеиро чувствовал очень глубоко, хотя к мыслительным процессам доступа так и не заполучил.

Но вот вроде бы прогулка приблизилась к своему завершению. Целью её было дряхлое двухэтажное здание, едва различимое в лунном свете. Человек долго смотрел на него, укрывшись в узком переулке. Наконец он решился и совершил быструю перебежку к изциальному дому.

И только он очутился внутри, как Монтеиро понял, куда именно пришел человек!

В тот же миг зингарец проснулся. Посыпать проклятья небесам времени не оставалось. Монтеиро бесшумно поднялся с дивана и прильнул к стене у двери. Стارаясь не дышать, зингарец стал ждать, когда появится ночной визитер. В то, что после столь нетривиального предупреждения гость обойдет вниманием его комнату, бывший монах решительно не верил.

И действительно, вскорости раздались шаги. Похоже, достигнув пределов дома, человек растерял часть своей осторожности и позволил себе слегка расслабиться. Это было на руку Монтеиро.

Человек поднялся по лестнице, замер перед дверным проемом, словно учゅял что-то неладное. Но здесь могла сработать лишь его интуиция, Монтеиро не выдал себя ни единым звуком. Однако сил на сомнения у ночного гостя, похоже, уже не осталось и он, нисколько не таясь, вошел в комнату.

Монтеиро, не тратя время на приветствия, предложения или угрозы, схватил незнакомца за волосы и со всей силы приложил лбом об стену. Тот попытался вывернуться из объятий зингарца, но второй и третий удары охладили его жар. Добивать гостя Монтеиро не стал, лишь удостоверился, что тот потерял сознание.

После этого бывший монах подобрал с пола чудом уцелевшую лампу, что изначально находилась в правой руке гостя. К счастью, в момент столкновения зингарца и ночного визитера она находилась в погашенном состоянии, иначе пожара было не миновать. На поясе у поверженного незнакомца обнаружилось и огниво.

— Зачем тебе здесь эти вещи? — спросил Монтеиро у бессознательного тела.

Оно ему не ответило.

В голове у зингарца зародилось одно нехорошее подозрение. Гость с очень большой вероятностью мог оказаться «лиловым». Тогда, скорее всего, лампа предназначалась для отправки тайных сообщений. Монтеиро читал о таком способе связи. Значит, зажигать свет в комнате не безопасно, но без него тоже не обойтись. Обязательно надо рассмотреть, кого это

принесла сюда нелегкая в столь поздний час. Вряд ли, видение пришло бы к нему на помощь без веских на то оснований.

Монтейро схватил тело за ноги и оттащил его в коридор, подальше от дверного проема, чтобы отблески света лампы не проникли наружу. Огонек зингареца зажег совсем слабенький, на всякий случай. Но и его хватило, чтобы различить черты лица ночного гостя.

Им оказался сам Карфот. Глава «лиловых».

«Интересно», — подумал Монтейро. Страха или волнения он не испытывал, наоборот был собран и полон решимости. — «Что ему могло здесь понадобиться в такое время? Насколько безопасно и дальше оставаться в доме?»

Еще зингарца очень сильно смущало поведение Карфота, предшествовавшее его появлению в гостях у Монтейро. К монаху вернулись все воспоминания из видения, обретя при этом стройность, четкость и протяженность. Глава «лиловых» явно от кого-то прятался. Не вязался с обликом зеленоглазого мага и тот ужас, что переполнял его существа с головы до пят.

«Хватит с меня стигийцев», — решил Монтейро. — «Я ухожу».

Но что-то остановило его. Некое неясное чувство, порыв. Его руки уже сомкнулись на горле Карфота, готовые оборвать нить жизни Хозяина Побережья. Но лишь затем, чтобы спустя мгновенье, вцепиться в одежду Карфота, дабы порвать её на веревки, которыми можно было бы спеленать руки и ноги мага. Затем зингарец приспособил к процессу нож, найденный за пазухой у «лилового», и дело пошло быстрее.

— Сет, — раздалось шипение Карфота. Маг понемногу начал приходить в сознание.

Но к этому времени он уже был надежно связан, а неподалеку от его правого глаза находился нож, который Монтейро собирался погрузить в голову «лилового» при первых признаках волшбы.

Карфот, однако, быстро оценил обстановку и к колдовству прибегать не стал.

— Если не везет, — пробормотал он, — то не везет во всем.

— Что ты здесь делаешь? — спросил «лилового» Монтейро.

— То же, что и ты, — ответил Карфот. Окружающую обстановку он уже успел изучить и сейчас внимательно вглядывался в лицо зингарца. Еще изредка бросал взгляды на лампу. — Прячусь. Так что лучше убери свет. Надежней будет.

Зингарец ударил «лилового» по лицу тыльной стороной ладони. Не сильно, но ощутимо.

— Не дерзи мне, — приказал он. — И не пытайся обмануть. Для тебя это может плохо закончиться.

— Знаю, — усмехнулся стигиец. — Уже наслышан о твоих похождениях.

Теперь Мондейро нанес два удара.

— Больше предупреждений не будет, — сказал зингарец.

— Хорошо, — согласился зеленоглазый. — Я всё понял.

— От кого ты прятался? — спросил Мондейро.

— От своих же, — ответил Карфот и пояснил. — От «лиловых». Против меня выдвинули ложное обвинение в краже артефактов из сокровищницы поместья. Сфабриковано оно качественно. Большинство «лиловых» поверило в эту обманку, и сейчас они охотятся за мной.

— У тебя остались союзники? — поинтересовался Мондейро. Если зеленоглазый назовет имя Рашила, он не жилец. Лучше будет поскорее порвать ниточку, связывающую его с Хозяевами. Карфот и толстый офицер — это те два человека, которым большего всего известно о договоре с митрианцем по имени Мондейро. Остальные о нем если и вспомнят, то в третью очередь.

— Мало, — признался маг. — Все высшие чины наверняка уже переметнулись на сторону Арзареса. Лично мне верны от силы человек пятнадцать, но связаться с ними не получится. Благодаря тебе.

Мондейро занес руку для удара, но наносить его не стал. Дал зеленоглазому возможность объясниться.

— Так получилось, — сказал Карфот, — что это место, помимо прочего еще и та точка, в которой может назначить встречу своим товарищам человек, попавший в ситуацию, вроде моей. За окнами этого дома следили. Я должен был подать серию сигналов с помощью лампы и сделать это некоторое время назад.

— Ты так уверен, что не успел? — удивился Мондейро.

— Я и так опаздывал, — ответил маг. — Поспевал к самому концу означенного срока. Потому осторожность и утратил. Теперь с моими людьми мне до следующей ночи не связаться.

— Если я дам тебе такой шанс, — сказал зингарец.

— Думаю, мы сумеем договориться, — уверенно произнес Карфот. — Ты ведь хочешь жить? Лично я — хочу.

— Угрожаешь? — спросил Мондейро и приблизил лезвие ножа к глазу «лилового».

Тот и бровью не повел.

— Нет, — ответил он. — Просто желаю сообщить, что завтра на тебя

устроят настоящую охоту. Митрианцы преодолеют робость и обратятся к Хозяевам с официальной просьбой о твоей поимке. Им не откажут. Но выдавать тебя монахам никто не будет. Ты умрешь, и вместе с тобой на Серые Равнины отправится тайна нашего маленького соглашения. Поиски начали бы уже сегодня, но Рашилу и другим посвященным нужен повод для выделения на это предприятие значительных сил.

— Звучит реалистично, — согласился Монтеиро, — но может быть и выдумкой.

— Рискни и проверь, — посоветовал Карфот.

Наказания за дерзость не последовало. Зингарец успел убедиться в тщетности своих усилий в деле перевоспитания мага.

— Если сохранишь мне жизнь, — продолжал зеленоглазый, — я проведу тебя мимо патрулей и помогу покинуть город.

— Первая часть предложения меня заинтересовала, — сказал зингарец. — Вторая — нет. У меня есть еще дела в Сартосе, но проводник мне и впрямь может понадобиться. Я должен отыскать одного человека. После того, как я встречусь с ним, ты сможешь отправиться на все четыре стороны. Устраивает? Думаю, да. Выбора у тебя нет.

— Я согласен, — Карфот не стал спорить.

— Теперь подумаем, — сказал Монтеиро, — как обеспечить твою преданность. Помню, ты читал мне лекции о служении богам. Думаю, если ты поклянешься Сетом, это даст мне некоторые гарантии.

— Да, — ответил «лиловый».

— Клянись, что не причинишь мне вреда, — начал диктовать Монтеиро, — и что будешь строго придерживать установленных договоренностей и оберегать мою жизнь.

Карфот повторил слова зингарца, присовокупив к ним имя Сета.

— И еще, — сказал Монтеиро, — поклянись не прибегать в течение следующего дня к помощи магии. Так будет надежнее. Не хочу тебя недооценивать.

— Это заметно усложнит наше положение, — попытался оспорить предложение Карфот. — Я не смогу навести даже элементарных личин. Какой тебе вред от моей магии?

— Не спорь, — скрипнул зубами зингарец. — Условия здесь ставлю я.

— Хорошо, — сказал «лиловый». — Клянусь именем Сета не колдовать следующие двадцать четыре колокола! Теперь всё?

— Нет, — ответил Монтеиро. — Теперь обязательство не сходить с этого места, пока я тебя об этом не попрошу. Мне непременно нужно спать, и я не желаю, чтобы ты в это время сбежал.

Карфот выругался, но просьбу исполнил.

Больше для Монтеiro он интереса не представлял. В данный конкретный момент. Куда важнее было посетить иллюзорный мир с осязаемой темнотой. И он отправился спать.

Воспоминаний о каких-либо сновидениях в голове зингарца на утро не обнаружилось. Однако он ощущал, что теперь способен преодолеть весь путь до незнакомца из синего огонька.

«Хорошо, что удалось заручиться поддержкой Карфота», — подумал Монтеiro. — «Без него я бы, скорее всего, очень быстро попался в лапы «лиловых».

— Долго спиши, — попрекнул его зеленоглазый.

Этим утром он смотрелся более уверенными в своих силах.

— Привычка, — ответил Монтеiro и лишь спустя мгновение понял, что сказал глупость. Служителям Митры надлежало вставать с рассветом.

Карфот улыбнулся уголком губ. Нехорошо так, с нескрываемой иронией. Похоже, он много успел переосмыслить за эту ночь.

— Ты не забыл о нашей договоренности? — поинтересовался у него Монтеiro.

— Я поклялся, — напомнил Карфот. — Можешь не беспокоиться на свой счет. Твою жизнь сегодня я буду оберегать изо всех сил. К чему торопиться? Согласившись отречься от своего бога, ты вынес сам себе смертный приговор. Митра исполнит его, когда сочтет нужным, и я не буду вмешиваться в его промысел.

— Не боишься, что я убью тебя? — спросил Монтеiro, положив ладонь на рукоятку ножа.

Бывший монах всерьез задумался, а не пустить ли его, и в самом деле, в ход.

— Я уже мертв, — усмехнулся зеленоглазый. — В этом отношении я ничем не лучше тебя. Мои шансы на спасение равны нулю. Рано или поздно «лиловые» поймают меня. Даже если Арзарес решится казнить всю верхушку тайной службы, всё равно даже среди второго эшелона отыщется немало толковых людей, способных правильно организовать мои поиски. В лучшем случае у меня в запасе два-три дня.

— Неужели не хватит сил, — спросил зингарец, — убедить Хозяев в своей невиновности?

— Арзарес не предоставит мне такой возможности, — ответил Карфот. — Он не позволит мне живым добраться до Карун-Ра или до Биреса. Нельзя его недооценивать, я уже допустил эту ошибку и теперь расплачиваюсь. Никогда бы не подумал, что он сумеет организовать это похищение да так,

чтобы сомнений в моей виновности ни у кого не осталось.

— И что из всего этого следует? — руки с ножа Мондейро не убирал. Стигиец, каким он стал, мог быть для него опасен.

— Я собираюсь поквитатьсяся, — сказал Карфот. — Начну с того, что уведу тебя из-под носа у «лиловых». Пусть Арзарес себе голову поломает, как не позволить правде о договоре с митрианцем выплыть на поверхность. Потом еще чего-нибудь придумаю. Узнаю, кто активней всех под меня копал, и отправлю их на Серые Равнины.

— Как всё-таки переменчива судьба! — озвучил зингарец мысль, возникшую во время рассказа стигийца. — Сначала кажется, что ты король мира, а через мгновение жизнь твоя не стоит и гроша.

— Полностью согласен! — расхохотался зеленоглазый маг. — Посмотреть хотя бы на тебя. От проклятия ты обрел спасенье, а вот от внутреннего безумия не уберегся.

— Я не сумасшедший, — произнес зингарец с громадной внутренней убежденностью. — Ты ошибаешься, «лиловый». Всё, что произошло со мной вчера, всего лишь недоразумение.

— Есть много видов помутнения рассудка, — продолжал Карфот. — Ты вовсе не обязан ходить по улицам и приставать ко всем с нелепыми предсказаниями о скором конце света или пускать слюни себе на рубаху. Главное это то, что гибнет твоя личность. Внешние проявления не столь важны, хоть и любопытны. Поверь мне, зингарец, ты стал совершенно другим человеком. Прежний Мондейро умер, его разум не выдержал переживаний. А быть может это Митра постарался, не исключаю такого варианта. И теперь...

— Заткнись! — бывший монах в два шага преодолел расстояние до стигийца и приставил кинжал тому к горлу. Зубы зингарца были сжаты в оскале, подобном звериному. В глазах читался страх.

Мондейро чувствовал, что маг говорит правду. На смену его старой личности приходила новая, и он ничего не мог с этим поделать.

«Чушь!» — мысленно воскликнул зингарец и в отчаянье замотал головой. — «Всё со мной в порядке. Просто переволновался».

— Кто тот человек, которого мы собираемся искать? — Карфот, казалось, не замечал кинжала. — Ты его знаешь?

Сам того не желая, зеленоглазый маг даровал зингарцу желанное успокоение. Мондейро вернулся воспоминаниями к огоньку, сиявшему во тьме. Этой ночью он преодолел весь путь. Так и днем он отыщет того человека, и тогда всё будет, как прежде. Нет, Карфот не прав — Мондейро жив! Ему тяжело, но он обязательно справится и обретет спасение.

— Не твоё дело, — мрачно ответил Мондейро. Кинжал он засунул за пояс. Больше нельзя позволять этому стигийцу выводить себя из равновесия.

— Где его искать, — сказал Карфот, — я так полагаю, ты мне тоже не скажешь?

— Оставь свои намеки, — в голосе зингарца явственно чувствовалась угроза. — Я не гоняюсь за фантомом, рожденным моим болезненным сознанием. Однако приводить доказательства и убеждать тебя в чем-либо я не намерен. Просто запомни: еще один такой выпад, и ты покойник.

Карфот ничего не ответил, лишь кивнул головой. Мондейро показалось, что сделал он это, чтобы скрыть свою извечную ехидную ухмылку.

— Достаточно бессмысленного словоблудства, — сказал зингарец. — Отправляемся в путь, я укажу направление.

— Не спеши, — попридержал его порыв зеленоглазый. — Выйти в город без подготовки значит передать себя в руки моих бывших подчиненных. Магией ты мне запретил пользоваться, но к счастью у меня кое-что припасено на случай вроде этого.

Мондейро ждал продолжения. По тону стигийца он понял, что время шуток и острот прошло. Карфот сейчас вполне серьезен.

— Одолжи мне ножичек, — сказал маг. Зингарец после небольшой паузы протянул ему кинжал. «Лиловый» подошел к дивану, на котором провел эту ночь Мондейро, и аккуратно вскрыл лезвием обшивку. Внутри под слоем соломы обнаружился целый ворох одежды. — Сейчас подберем пару вещичек понеприметней для меня и что-нибудь яркое для тебя.

— Зачем яркое? — не понял Мондейро.

— Ты свою рожу когда последний раз видел? — и вновь Карфоту не удалось скрыть иронии. — Со времени нашего знакомства она претерпела значительные изменения. Узнать тебя, конечно, можно, но с трудом. А словесным портретам ты вообще практически полностью соответствовать перестал.

— Отчего это? — со страхом спросил зингарец. Хоть он сердцем и чувствовал, что всё происходит так, как должно происходить, но головой понимал, что это ненормально.

— Причин много может быть, — холодно ответил Карфот. Мондейро показалось, что стигиец и впрямь воспринимает его как ходячего покойника. — Я думаю изменения во внешности связаны с тем же, что вызвало помутнение твоего рассудка. Впрочем, ты просил не затрагивать эту тему.

Тут стигиец как-то странно воззрился на Мондейро. Тот от удивления даже шаг назад сделал, но потом взял себя в руки и вернулся на оставленную позицию.

— А ведь ты мне кого-то напоминаешь, — объяснился «лиловый». — До боли знакомая рожа, но никак не могу вспомнить, где её видел. Обычно со мной такого не случается. Странно...

— Не думаю, что это сейчас так важно, — сказал Мондейро.

— Ты прав, — неожиданно быстро согласился Карфот. — Вернемся к теме одежды. Наряд тебе следует подбирать, исходя из того, что опознать теперь тебя можно, только если долго к тебе приглядываться. На блистающего модной рубахой щеголя внимание редкий «лиловый» обратит. Со мной же картина обратная. Я затеряться смогу, сливвшись с окружающим пейзажем.

— На моем фоне не получится, — резонно заметил Мондейро.

— Разумеется! — принял довод зеленоглазый. — Но нам и не обязательно всё время находиться вместе. Ты будешь двигаться чуть впереди, я сзади. Если тебе удастся миновать дозор, то и я спокойненько мимо него проскользну. В случае же опасности приду тебе на выручку. Либо словом, либо кинжалом. Надеюсь, ты мне его оставишь. Так пользы будет больше.

— Хорошо, — ответил зингарец. Клятве «лилового» он верил.

Примерно третью колокола Карфот занимался подбором надлежащей одежды. На себя четыре рубахи и две пары штанов успел примерить, а на зингарца так вообще в два раза больше. Тот держался из последних сил, но держался. Когда с нарядами было покончено, «лиловый» приступил к преобразованию собственного лица, посредством хранившихся по соседству с тряпками кремов, порошков и прочих красителей. Мондейро решили к наложению грима не привлекать. От добра — добра не ищут, тот и так на себя прежнего слабо походил.

— Всё-таки очень у тебя лицо знакомое, — вздыхал стигиец.

— Может, хватит? — попросил его Мондейро.

— Хорошо, — кивнул «лиловый». — С подготовкой покончено, пора приступать к активным действиям.

На улицу первым вышел Карфот. Убедившись, что всё в порядке и заслонов поблизости не наблюдается, подал знак зингарцу, чтобы тот к нему присоединялся.

Дальше двигались по согласованному в доме плану. Впереди шел Мондейро. Не скрываясь, важно, по середине улицы. Пытался соответствовать образу. Карфот предупреждал зингарца, чтобы тот не

волновался, если его остановят «лиловые». Это даже к лучшему, говорил он, вступить в контакт всё равно придется и лучше раньше, чем позже.

Несколько раз Монтеиро обворачивался, хоть Карфот и умолял его этого не делать. Стигийца позади видно не было. Мало того, зингарец не мог разглядеть даже следов, как-то указывающих на его присутствие. В душу Монтеиро закрадывались сомнения, уж не дал ли «лиловый» деру, однако бывший монах неизменно себя одергивал, вспоминая о принесенной клятве и том, что его случайный товарищ истинный мастер своего дела. Он где-то здесь, просто прячется. Очень хорошо прячется.

Карфот напомнил о себе, когда Монтеиро уже приближался к границе бедняцкого района

— Монтеиро, — раздался шепот из окна полуразвалившегося дома. Голос принадлежал стигийцу. — Лезь сюда.

Зингарец не стал понимать совет буквально и вошел через дверь.

— Смотри, кого я заловил, — похвастался Карфот, указывая мыском на двух избитых бессознательных людей. — Молодчики эти тебя пропустили, а вот я от соблазна вызвать их на откровенный разговор не удержался. Тем более место подходящее, домов пустующих полно.

— Уже поговорили? — спросил Монтеиро.

Сказать по правде, его захваченные «лиловые» не сильно интересовали. В сознании зингарца начал вырисовываться путь, открывшийся ему этой ночью. Он уже находился на грани перемещения в иллюзорный мир, чувствовал его соприкосновение с реальностью. Еще один шаг, и он уже там.

Но Монтеиро помнил и об осторожности. Чудо, что вчера он не лишился жизни из-за своей нерассудительности. Повторять прошлые свои ошибки зингарец не собирался. Он будет держать себя в руках, сколь бы не был велик соблазн махнуть рукой на все и устремиться навстречу иллюзии.

— Нет, — сказал Карфот и, прислонив одного из пленников к стене, стал отвешивать ему пощечины. Тот застонал и начал медленно приходить в себя. — Решил дождаться тебя. Послушай, что скажут. Лишним не будет.

— Пожалуй, — ответил Монтеиро.

Зеленоглазый окатил пленника водой из отобранной у него же фляги. «Лиловый» фыркнул и очнулся окончательно.

— Признаешь, ублюдок? — поинтересовался у него Карфот.

Пленник попытался ответить, но вместо слов изо рта пошла кровавая слюна вперемешку с осколками зубов. Карфот протянул ему флягу и велел «промыть свою поганую пасть».

— Теперь говорить можешь? — спросил зеленоглазый по завершению

процедуры.

— Да, — сказал пленный.

— Вот и отлично, — порадовался маг. — Сейчас и расскажешь нам с другом-митрианцем о последних полученных приказах. И, вообще, новостями поделишься.

— В живых оставишь? — с надеждой спросил «лиловый».

— Ишь ты, размечтался! — хмыкнул Карфот. — Что-то я не помню тебя среди моих ближайших сподвижников, а это, дружок, уже смертный приговор. Ты же сразу о случившемся докладываться побежиши. К чему мне свидетели? А вот легкую смерть я тебе пообещать могу. Это если всё честно расскажешь. Если нет, придется помучиться. Веришь, что я могу заставить тебя боль испытывать, или тебе пример нужен?

— Верю, — дрожащими губами произнес пленник. Страх его перед бывшим начальником, казалось, был столь велик, что парень готов был расплакаться.

— Значит, беседа состоится? — уточнил Карфот.

— Состоится, — вновь однозначно ответил пленник.

— Что же ты так немногословен? — зеленоглазый маг тоже обратил внимание на этот момент. — Мне это очень не нравится. Ведь тебе предстоит подробно поведать мне обо всем. Ну-ка, соберись.

После этих слов Карфот улыбнулся и стал выжидающе смотреть на парня.

— Я буду говорить так, — сказал тот, отводя глаза, — как вы того пожелаете.

— Знаешь, — продолжал Карфот. — Еще мне не нравится нездоровое дрожание твоего голоска.

Пленник сжал зубы, попытался сконцентрироваться. Монтеиро, однако, подозревал, что ему сейчас ни что не поможет избавиться от предательской дрожи.

— Ладно, — сказал зеленоглазый, — потерплю. Но на твоей участии это с положительной стороны не отразится.

— Я жить хочу, — взмолился парень.

В этот момент зашевелился второй пленник. Карфот схватил его за волосы и приложил головой об пол, не очень сильно, чтобы не прикончить ненароком.

— Давай, не будем терять время на глупости, — обратился он к допрашиваемому. — Не принуждай меня к излишней жестокости. Отвечай, какие перестановки произошли в руководстве!

— За главного теперь Арзарес, — ответил парень. Ему вроде бы

удалось слегка успокоиться. — Приказы исходят непосредственно от него. Он завязал всю службу непосредственно на себя, устранил все промежуточные звенья, какие только мог.

Карфот нехорошо посмотрел на пленника, затем схватил его правую руку, прижал её к полу и коротким движением ножа отрубил мизинец и безымянный палец.

Несчастный парень заорал. Из глаз брызнули слезы.

— За преданность надо платить, — сказал ему зеленоглазый. — Но не надейся, это всего лишь предупреждение, напоминание о цене. Ты понял меня?

— Понял, — процедил сквозь зубы пленник. Ненависть ненадолго одолела в нем страх.

— Злишься, ублюдок? — спросил Карфот. — Считаешь себя невинно обиженным? А теперь представь каково мне. Я жизнь своему служению посвятил, а меня предали, с грязью смешали. Как я должен со своими врагами поступать? Или с их пособниками, вроде тебя?

Мондейро внезапно понял, что всё это зеленоглазый говорит для себя. Оправдаться перед собой пытается или ненависть распалить, а быть может и то, и другое. Жалко «лиловому» паренька, но обида всё ж сильнее. Или нет?

Вновь зингарца посетила мысль, что Карфот может быть для него опасен. Предать он не предаст, но в самый неподходящий момент может поддаться сомнениям и тем самым погубит и себя, и Мондейро.

И тут же поколебалось равновесие окружающего мира, исчезли ориентиры. Темнота, огонек, человек, иллюзорный мир — они долго ждали, и вот наконец получили свой шанс. Мондейро ощущил, как преображается реальность. Звуки, запахи, цвета — всё становилось иным.

«Нет!» — мысленно осек себя зингарец — «Рано, еще рано. Я должен держаться, иначе мне не дойти. Один, без Карфота, я не справлюсь, меня непременно схватят. А это конец».

Тогда иллюзорность отступила. Не исчезла, а просто отошла в тень и застыла там в ожидании.

Из-за этой внутренней борьбы Мондейро упустил часть разговора Карфота с его бывшим подчиненным. Но похоже, что ничего важного. Сейчас «лиловый» перечислял имена и посты.

— Что с Рашилом? — спросил Карфот, когда парень закончил со списком назначенцев. — Он перебежал к Арзаресу?

— На словах — да, — ответил пленный «лиловый». — Как на самом деле, никто не знает.

Монтейро думал, что зеленоглазый сейчас сотворит очередное членовредительство, но тот лишь расхохотался. Добродушно.

— С ним всегда так, — сказал он. — Загадочный человек, но работник хороший.

Тут Карфот запнулся. Видимо, хотел еще что-то сказать о своей службе, но поймал себя на мысли, что всё это в прошлом. И загрустил. И замолчал.

— Это неправда? — нарушил тишину пленник. На искалеченную руку он старался не смотреть. — Та кража, в которой вас обвинили?

— Нет, конечно, — рявкнул Карфот.

— Вернитесь тогда в поместье, — убежденно произнес парень. — Карун-Ра во всем разберется, виновных найдут и накажут.

Зеленоглазый маг не отвечал, думал. Глядел при этом куда-то в пустоту и вздыхал изредка, словно давая понять окружающим, что еще жив.

А иллюзорная реальность покинула своё убежище и изготовилась к очередной атаке. Монтейро понял, что не сможет её отразить. В его силах лишь было отодвинуть срок окончательного погружения в иллюзорный мир. И то ненадолго, уже сейчас он видел огни призрачного океана бытия.

— Не могу, — сказал Карфот. — Не пройду, не пробьюсь, не сумею. Только лишу себя возможности отомстить. Лучше уж так, как сейчас.

— Но почему?! — воскликнул пленник.

За свою горячность он расплатился еще одним пальцем.

Его вопль ненадолго вернулся Монтейро в привычный мир. Но вот минуло несколько мгновений, и вместо рыдающего юноши возник язык алого пламени. Хорошо хоть внутри просматривались контуры искалеченного «лилового». И способности воспринимать речь зингарец пока не потерял.

— Не пытайся заговорить мне зубы, — предупредил пленника Карфот.

— Я ничего не пытаюсь, — сквозь слезы произнес парень. Нож, вновь приставленный к руке, заставил его завершить на этом фразу.

— Теперь поговорим о приказах, — предложил Карфот.

— Вас велено доставить в поместье, — ответил пленник, — живым или мертвым. Предпочтительно, живым.

— Как и ожидалось, — сказал зеленоглазый маг. — Какие-нибудь дополнения были? Полуофициальные.

— Нет, — покачал было головой парень, а потом добавил. — Только степень опасности Арзарес назначил шестую.

Карфота проняло. Он даже присвистнул.

— Ничего себе! — восхитился он и пояснил для Монтейро. — Магу

уровня Тот-Амона и то определили бы только пятую. И как они меня живым брать собирались?

Пленный «лиловый» хотел попытаться ответить, но потом сообразил, что вопрос риторический.

— А с митрианцем что? — поинтересовался Карфот.

— С каким? — дрожащим голосом произнес пленник, полагавший, что за недогадливость его накажут.

Но Карфот решил проявить терпение.

— С этим, — сказал он и указал на Мондейро.

Парень вылупился на зингарца полными страха глазами. Смотрел долго, но узнавание во взгляде так и не промелькнуло.

— И что с ним не так? — решился еще на одну отчаянную реплику пленник.

Эффект вышел, однако, обратный тому, который он ожидал. Карфот расплылся в довольной улыбке.

— Так и не понял, кто перед тобой? — спросил он.

Парень замотал головой из стороны в сторону. Произнести в слух еще одно отрицание сил уже не оставалось.

— Мондейро, — обратился к «лиловому» Карфот, — это имя тебе что-нибудь говорит?

Вместо ответа парень обернулся к зингарцу, и теперь чувствовалось, что он сумел соотнести описание Мондейро с представшим перед ним человеком.

— Его не узнать, — не удержался от восклицания пленник. — Магия?

— Нет, — не счел нужным вратить смертнику зеленоглазый. — Он тебе никого, кстати, не напоминает?

— Не знаю, — ответил «лиловый». — Черты лица чуть более стигийские, что ли, чем на портрете, который нам показывали. Больше ничего сказать не могу. С ним нам приказали не церемониться, живым даже и не пытаться брать. Разве что в темный уголок отвести, где прикончить сподручнее.

— Чьё именно распоряжение? — спросил Карфот.

— Рашила, — сказал пленник, — но Арзарес одобрил.

— Куда уж без него! — фыркнул зеленоглазый.

Иллюзия отвоевывала для себя всё новые и новые участки в мироощущении Мондейро. Чтобы сохранить хоть минимальный контроль над своим рассудком, зингарцу пришлось сосредоточить почти всё своё внимание на внутренней борьбе. Он слышал, как Карфот о чём-то спрашивал пленника, слышал ответы на вопросы, но всё это

представлялось ему лишь бессмысленным набором звуков.

Вскоре начались проблемы и со зрительными образами. Фигуры, облаченные в языки пламени, постепенно утрачивали четкость. Последним, что Монтейро удалось различить, было то, как Карфот лишал жизни своего бывшего подчиненного. Зеленоглазый маг сдержал обещание. Он нанес смертельный удар в тот момент, когда парень этого не ожидал. Он не успел ничего понять, да и практически ничего не почувствовал. Пламя его жизни опало очень ровно. На зингарца в этот миг снизошло некое необъяснимое умиротворение.

Очертания реальности таяли теперь с невероятной скоростью. Монтейро понял, что продолжать схватку бессмысленно. Иллюзия гнала его к человеку из грез, не оставляя иного выбора, кроме как следовать зову. И он смирился.

Монтейро отступил на шаг от пламени, бывшего Карфотом, что склонилось над пламенем пленника. Призрачный мир словно почувствовал готовность зингарца сотрудничать и предоставил ему маленькую поблажку. К Монтейро частично вернулся слух. Он смог различить интонации Карфота, допрашивающего второго «лилового». Зеленоглазый был разгневан, этот пленник оказался более стойким. О Монтейро бывший глава тайной службы, похоже, и думать забыл. Тогда зингарец продолжил своё движение к выходу из дома.

Оказавшись на улице, Монтейро не смог сдержать восхищенного вздоха. Мир превратился в мириады сверкающих огней. Часть из них сохраняла неподвижность, другие выделявали в воздухе самые невообразимые пируэты. Звуки, окружавшие в тот миг Монтейро, не были звуками человеческого мира. Голоса исходили отовсюду и ниоткуда одновременно. Они пели, смеялись, плакали, щебетали, жужжали и не делали ничего из вышеперечисленного. Для описания происходящего просто не нашлось бы слов ни в одном из человеческих языков.

Монтейро не решался сдвинуться с места, боясь обрушить это великолепие. И тогда иллюзия сама выстроила для него путь, по которому зингарцу надлежало следовать. Тысяча оранжевых и красных огоньков сорвалась с небес, чтобы пасть под ноги бывшему монаху, образовать для него дорогу, ведущую к человеку, что так долго его ждал.

Течение времени в иллюзорном мире ощущалось иначе. Привычные ориентиры отсутствовали. Лишь наблюдая за перемещениями языков пламени, что в реальности были людьми, можно было отслеживать скорость временного потока. Потеряв зрение, слух, обоняние и осязание, Монтейро вернул себе свою волю. Он осознано следовал на зов человека из

грез. Он помнил, что может не дойти, если не будет соблюдать осторожность.

Зингарец соизмерял свой шаг по дорожке из огней с тем, как двигались другие люди. Он старательно избегал их крупных скоплений, но и не шарахался в сторону от каждого встречного. Проблем не возникало, и Мондейро уверился в мысли, что подобная тактика принесет ему успех.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное. К Мондейро начали постепенно возвращаться утраченные чувства, хотя никаких видимых предпосылок для этого не имелось. Зингарец точно знал, что цель путешествия еще достаточно далека, преодолел он только две третьих пути.

«Значит что-то другое», — насторожился Мондейро. — «Иллюзия сегодня более живая, чем вчера. С неё стало бы и предупредить об опасности».

Если это действительно так, то впереди таится нечто серьезное. Мелких поводов для волнения во время путешествия наверняка набралось с два десятка, но мир ради них не менялся.

Однако постепенно первоначальное волнение начало сходить на нет. В Мондейро укрепилась вера в то, что иллюзия не просто укажет ему на опасность, но и поможет её преодолеть.

Каждый следующий шаг зингарца был шагом из мира призрачных огней в мир реальный. Уже не языки пламени шествовали навстречу Мондейро, а погрязшие в повседневных делах и заботах жители Сартоса. Под ногами уже не устипалось переливающаяся красками дорожка, но чувство направления, к счастью, не исчезло.

Подсказала ли ему иллюзия, на кого следует обратить внимание, или он сам не сплоховал, зингарец так и разобрался. Очевидным было лишь то, что трое «лиловых», находившихся от него шагах в десяти, готовились отправить его на Серые Равнины. Таиться они не собирались. Мечи всех троих уже покинули ножны.

Самый высокий из троицы первым сделал шаг навстречу зингарцу.

Мондейро хотел испугаться, но не успел.

Сознание его раздвоилось, а время стало двигаться со скоростью черепахи.

Первый Мондейро сделал шаг вперед, навстречу своему противнику.

Второй, поразившись происходящему, повторил его маневр.

Стигиец на миг замер, удивленный тем, что безоружный человек не стремится уклониться от боя, но потом продолжил наступление.

Первый Мондейро сблизился с ним, плонул в глаза и попытался сбить с ног. «Лиловый» успел отскочить и нанес колючий удар мечом. Он достиг

цели. Первый Мондейро свалился пораженный в сердце у ног своего противника.

Второй Мондейро внимательно наблюдал за схваткой. Конечно, он мог и не повторять не принесшей успеха подсечки, но предпочел рискнуть. Вновь стигиец увернулся и вновь атаковал колющим ударом. Но на этот раз он пришелся в пустоту. Ускользнувший в последний момент от разящей стали, второй Мондейро ударил своего противника кулаком по носу. Тонкая косточка хрустнула внутри черепа стигийца и пробила его мозг. Второй Мондейро усмехнулся. Он впервые применил этот прием на практике, до этого ему удавалось лишь лицезреть его.

Следующий «лиловый» двинулся на встречу бывшему монаху, желая исполнить приказ и отомстить за своего товарища. Третий стигиец замер в нерешительности. Зингарец чувствовал его страх и радовался ему. Атакуй они вдвоем у них еще оставались бы шансы, а так...

Первый Мондейро, что ожил сразу же после смерти своего палача, вынул меч из руки мертвеца и вступил в сражение с «лиловым». Стигиец оказался превосходным фехтовальщиком. Меч воистину был продолжением его руки. Первый Мондейро держался достойно, но недолго. Слишком уж неравными были силы.

Второй Мондейро предпочел не рисковать. Этот противник был опасен. Зингарец помнил все движения меча «лилового», но ему хватило бы и одного. Того, которым он отвел первый удар его предшественника. Достаточно было направить меч чуть-чуть левее, и вот уже второй стигиец спешит на свидание к Нергалу.

Последний «лиловый» всё-таки решился напасть. Следовало отдать ему должное, он был быстр. Стигиец оказался рядом с Мондейро, когда тот доставал меч из груди его товарища.

Не тратя времени на подготовку, слуга Хозяев с ходу сделал выпад. Первый Мондейро чудом успел увернуться от клинка. Тут же на него обрушился рубящий удар сверху. Блок. Слева. Нырок в сторону и попытка контратаковать. Но стигиец читает этот маневр и легко ускользает от меча зингарца. Первому Мондейро приходится несладко, но не потому что «лиловый» хороший фехтовальщик, его предшественник был куда мастеровитее. Всё дело в том, что зингарец сам стал невероятно тяжело двигаться. Он был столь медлителен, что кажется, будто стигиец порхает вокруг него, как невесомый мотылек. Умер первый Мондейро в тот момент, когда второй понял, что видит перед собой искаженную картину боя, которой повториться не суждено. Он будет действовать иначе, равно как и его противник.

Второй, и теперь уже единственный Мондейро, постарался достать стигийца первым же ударом после его выпада. Но тот успел закрыться. Он действовал в том же стиле, что и против первого Мондейро, но всё же чуть-чуть иначе. Предположение об искажении оказалось верным. Теперь оставалось только сражаться самому или умереть. Второй вариант представлялся Мондейро куда более вероятным, и он начал паниковать. Так не должно было закончиться!

«Лиловый» почувствовал, что с его противником что-то не так и усилил натиск. Дважды его меч ранил зингарца, но не сильно. Мондейро даже не замечал этих порезов. Он изо всех сил старался вернуть к жизни своего двойника. Лишь с ним он связывал надежды на спасения. Однако все усилия были тщетны. Меч стигийца всё ближе и ближе подбирался к своей цели. Тогда Мондейро понял, что конец неизбежен. Он проиграл. Еще два-три удара он отведет, а потом смерть.

Но вдруг ни с того, ни с сего стигиец начал медленно оседать на землю. Не сразу Мондейро различил торчащий из его живота стальной кончик кинжала. В последний момент Карфот успел придти ему на выручку.

— Скорее, уходим! — крикнул зеленоглазый. — Сейчас сюда «лиловые» со всего города сбегутся!

Не давая времени ответить, Карфот схватил Мондейро за руку и поволок в один из переулков. Потом они пробежали шагов двадцать по параллельной улице, чтобы затем, прописнувшись в щель между домами, выйти в переплетение дворов, засаженных абрикосовыми деревьями.

Ни на миг Карфот не позволял Мондейро сбить темп. Погони не было не видно и не слышно, но это не означало, что её нет. Зингарец это прекрасно понимал, а потому тупо следовал за зеленоглазым, полагая, что тому лучше знать, где можно спрятаться.

Миновав сад, пару улиц, пробежавшись по крыше сарая, Карфот и Мондейро наконец укрылись в старом бревенчатом курятнике. Вонь здесь стояла невыносимая, да и бесконечное кудахтанье действовало на нервы.

— Вроде оторвались, — сказал Карфот, отдохнувшись. — Вряд ли они станут тебя здесь искать, а меня, надеюсь, опознать не успели.

— Я должен тебя поблагодарить, — признал Мондейро. — Ты спас мне жизнь.

— Расскажи, что с тобой произошло, — попросил зеленоглазый. Из его голоса напрочь исчезло привычное ехидство. Наоборот, ощущалось некое благоволение, — после того, как ты исчез.

Мондейро собирался послать Карфота с его просьбами Нергалу

прислуживать, но передумал. Маг спас ему жизнь, почему бы не проявить к нему великолодущие.

— Это вроде одного из тех видений, — сказал Мондейро, — вызванных митрианским проклятьем. И всё-таки нечто иное. Во сне я вижу темноту, а в ней того человека, которого стремлюсь отыскать. Чтобы найти его в реальности, я должен был найти его и во тьме. Сегодня ночью мне удалось это сделать, и путь открылся передо мной. В том доме, куда ты завел «лиловых» на меня накатило непреодолимое желание немедля отправиться в дорогу. Мое зрение изменилось. И слух. Наш мир стал для меня подобен тьме, в которой я следовал по дороге из красных и оранжевых огоньков, а потом я встретился с этими тремя и...

— Постой, — перебил его Карфот. — А то, что происходило до этого?

— И что же происходило до этого? — не понял Мондейро.

— Ты не знаешь? — изумился зеленоглазый.

Конечно, его удивление могло оказаться и деланным, но ситуация слабо располагала к розыгрышу спектаклей.

— Рассказывай, — то ли приказал, то ли попросил Мондейро.

— Когда я прикончил первого пленника, — сказал Карфот, — то обернулся посмотреть, как ты на это отреагировал. Мне еще тогда насторожиться стоило. Взгляд у тебя совершенно пустой был, но я решил, что так даже лучше — не станешь в наш разговор вмешиваться. А потом я этой самой беседой чересчур увлекся, парень крепкий оказался да еще смекнул, что я магией почему-то не пользоваться не могу. Долго он держался, но я ему в конце концов язык развязал. Самое обидное, ничего нового он мне не рассказал. И тут выясняется, что тебя к тому моменту уже и след простыл. Какими я словами тогда себя только не крыл?! Но, как выяснялось, напрасно. Буквально через пару кварталов я тебя нагнал. Двигался ты, похоже, по первости совсем не быстро или запутал в темноте своей. Сначала хотел тебя окликнуть, но потом передумал. Решил проследить, вдруг тебя магией заманивают. Тут мне вспомнилось, что клятвы не определять наличие волшбы ты с меня не брал. Процесс этот не на магии основан, а на определенных способностях человеческого сознания, развитых при помощи регулярных тренировок.

— Зря я скучился в формулировках, — посетовал Мондейро, хотя особого сожаления в голосе не слышалось.

— Зря ты на магию запрет наложил! — ответил Карфот. — Сейчас бы мои способности нам обоим очень сильно бы пригодились. Когда я твою ауру проверил, меня чуть удар не хватил. Вокруг тебя образовалось сильнейшее магическое поле. Похоже, что твоя темнота — это заклятье,

созданное магом, каких в Хайбории единицы.

— И что же это за волшба такая? — Монтейро постарался не выдать охватившего его волнения. Слова Карфота очень походили на правду.

— Проводник, я полагаю, — сказал зеленоглазый. — Если то, что ты рассказал о своих снах, правда. Подробностей я не знаю, а потому могу только предполагать, что некий могущественный маг сначала испытал тебя, а теперь призывает к себе. Зачем-то ты ему нужен.

— То, что я изменился, — сейчас Монтейро, вспоминая вчерашний разговор с Карфотом, признавал правоту мага. Его личность претерпевала столь значительные метаморфозы, что на них нельзя было не обращать внимания. Зингарца это пугало. А еще он знал, что пройдет совсем немного времени, и он вновь будет воспринимать все изменения, как должное. Но пока в нем живо желание бороться и добиваться правды, он будет искать ответы на вопросы, — может быть связано с этим заклятьем?

Глава «лиловых» задумался.

— Наверное, да, — ответил он. — Но не совсем в том смысле, который ты подразумеваешь. Изменение могло быть тем условием, без которого ты не преодолел бы путь во тьме, не прошел бы испытания. Вполне возможно, что ты именно под влиянием необходимости достичь той своей цели и преобразовывал себя. Как — не знаю. Всё это очень сложно. Волшба, что вела тебя по Сартосу, хоть и сильна, но узор её сплетен очень хитро.

— Так что же всё-таки случилось? — Монтейро поспешил вернуть Карфота к основной теме разговора. Волнение за судьбу собственной личности постепенно отступало. — Что-то связанное с заклятьем?

— Да, — сказал зеленоглазый маг. — Оно не только вело, но еще и охраняло. Такого я на своем веку еще ни видел. Первый пост «лиловых» ты миновал незамеченным, ну и я вслед за тобой проскочил, хотя хотелось задержаться, прикончить одного молодчика, дружка Арзареса. Со вторым та же историю. А вот на третьем и начались приключения. «Лиловые» тебя опознали и двинулись на перехват. Я только собирался вмешаться, как один из них поскользнулся и упал на собственный кинжал, толкнув при этом второго под колеса проезжавшей мимо телеги. Последний заклятье как-то попытался сотворить, но в словах запутался и самого себя магией и приложил. Насмерть. А ты этого вроде даже и не заметил, как брел неспешным шагом, так и продолжал.

— В темноте этого не отразилось, — сообщил зингарец.

— Или это, или твоей выдержке можно позавидовать, — усмехнулся Карфот. — Следующий пост твое заклятье также быстро и надежно препроводило на Серые Равнины, а на четвертом дало сбой. Четверых

убило, а вот пятом удалось уйти. Думаю, спасло его то, что он не рвался тебе вред чинить. Посмотрел на гибель товарищей и деру дал. Тех троих, что тебя с мечами встречали, именно он предупредил. Сейчас еще где-нибудь докладывается. Но это пустяки, главное, что ты и без магии «лиловых» порубить смог. На помощь я к тебе опаздывал.

— Ошибаешься, — сказал Мондейро. — Заклятье по-прежнему действовало, просто несколько иным образом. В конце только ослабло немного.

Карфот покачал головой.

— Поверь мне, — сказал он, — то поле, в котором ты находился, распалось незадолго до начала драки. Если бы я это не почувствовал, то и вмешиваться бы не стал из опасения ненароком от твоей защиты подарок получить.

Мондейро задумался, решая стоит ли рассказывать Карфоту о своих двойниках и поединках, что они проводили. В итоге счел, что ни к чему ему об этом знать. Кто знает, как жизнь обернется? А зеленоглазый, он, из каждой мелочи пользу извлечь сумеет.

— Ну, значит, — ответил зингарец, — и вправду я сам с ними сладил.

Уголок рта у стигийца слегка дернулся, словно тот хотел улыбнуться, но сдержался. Не поверил. Ну, и Сет с ним!

— Долго нам тут стоять придется? — спросил Мондейро. — Вонь дикая, задохнемся ведь скоро.

— Путь сможешь указать? — спросил «лиловый».

Мондейро закрыл глаза и попытался представить себе дорожку из оранжевых и красных огоньков. Но вместо видения пришло простое осознание того, что надлежит двигаться на восход. Путь исчез, но отпечаток его навсегда остался в голове зингарца.

— Да, — ответил он. — Мы почти у цели. Четверть колокола и доберемся.

— Тогда пошли, — сказал Карфот. — Знаешь, мне тоже захотелось повидаться с этим твоим незнакомцем из грез. Быть может, он и моей беде сумеет помочь.

— Быть может, — ответил Мондейро, а сам подумал, что по прибытию на место с «лиловым» нужно будет непременно разделаться. Он не собирался делить внимание человека из тьмы с какой-то ищейкой.

На улице Карфот преподнес зингарцу очередной неприятный сюрприз. Вместо оговоренного восходного направления, маг повернул на полночь. Мондейро немедленно потребовал объяснений.

— Здесь совсем неподалеку, — заговорщицким тоном произнес

Карфот, — есть еще одна наша схоронка. Не всех «лиловых», а, так сказать, избранных. Вроде дома, где мы ночевали. Ну, я тебе рассказывал. Но в том месте, куда я тебя веду не только убежище располагается, там еще и шикарный алхимический склад имеется. Запасались на тот случай, если вдруг магией не с руки пользоваться будет.

— Зачем?! — гневно спросил Монтеиро.

— Не пройдем мы без маскировки, — вздохнул Карфот. — Сетом клянусь, не пройдем, если не повезет нам, как в жизни никому не везло.

— Не думаешь, что там засада? — поинтересовался зингарец.

— Если что и было, то сняли, — ответил зеленоглазый маг. — Всех «лиловых», что поблизости располагались, на твои поиски отрядили. Надо рискнуть.

— Хорошо, я согласен, — сказал зингарец. — Веди.

Склад, и правда, оказался в двух шагах. В голову Монтеиро закрались подозрения, что не просто так Карфот в этот курятник прятаться побежал. Хотел «лиловый» в своем тайном убежище побывать, вот и забрался поближе к нему. Наверняка, и в том саду с абрикосами от погони укрыться можно было. Но это дело прошлое.

— Что-то тихо здесь, — задумчиво произнес «лиловый», глядя на неказистое одноэтажное здание, в котором находилась схоронка.

Монтеиро прислушался, но ничего такого не заметил. Птицы поют, насекомые жужжат, с соседних улиц голоса человеческие доносятся. Слишком мгновенным Карфот стал. Не ко времени это.

— Я один пойду, — сказал зеленоглазый. — Жди меня на этом месте.

Зингарец собирался возразить, но Карфот ему не позволил.

— И не спорь! — велел он и направился к складу.

Слушаться приказов мага Монтеиро, разумеется, не собирался. Нельзя позволять стигийцу бесконтрольно запасаться алхимическими снадобьями, которые он может исхитриться и применить против него. Дождавшись когда Карфот скроется за дверью, зингарец двинулся следом.

Ступал бывший монах мягко, аккуратно, стараясь, чтобы «лиловый» не рассыпал его шагов. К счастью, внутри домик оказался еще меньше, чем это представлялось снаружи. От входной двери шел узкий коридор, направо было ответвление к кухне, налево к крохотной комнатке непонятного назначения. Путь Монтеиро лежал прямо, к комнате, вход в которую прикрывало толстое синее полотнище. Из-за него доносился приглушенный голос Карфота. Слов зингарец разобрать не мог.

Немного постояв перед тканью, дабы убедиться, что никто не заметил его появления в доме, Монтеиро слегка сдвинул в сторону полотнище и

заглянул внутрь комнаты.

Там царил настоящий хаос. В тусклом свете двух лампад зингарец сумел различить тысячи стеклянных осколков на полу, погруженных на полфаланги пальца в маслянистый раствор сизого цвета. На поверхности его плавали стебельки, листики, корешки, листья бумаги и остатки порошков, что не желали стать составной частью жидкости. Еще в комнате находилось шесть мертвецов. Тела их были обезображенны до неузнаваемости, отличить их друг от друга возможным не представлялось. Похоже, многие алхимические составы перед тем, как оказаться на полу, успели засвидетельствовать своё почтение лицам мертвецов.

Карфот замер на коленях посреди комнаты и плакал. Его не пугало то, что маслянистый раствор касается его кожи. То ли он знал, что смесь не имеет силы, то ли ему было всё равно.

Мондейро стоял не в силах стронуться с места. Он даже не решался сделать щель пошире или же наоборот задернуть ткань. В груди зингарца неприятно покалывало. Он не сразу распознал это чувство, словно оно было и не его вовсе. Звалось оно жалостью. Мондейро явственно представлял себе, как мучились эти шестеро перед смертью, и было его от этого мелкой дрожью. Из глаз его полились слезы. Он оплакивал ту боль через, которую прошли эти «лиловые». До смерти их ему не было никакого дела. Все люди смертны. Смешно отрицать неизбежное, а вот тем, кто причиняет боль нет оправдания.

Временами Мондейро отрывался от причитаний и ловил себя на мысли, что не его это переживания. Он настоящей боли и не испытывал-то никогда, а сейчас так убивается.

«Всё-таки прав Карфот», — думал он. — «Я схожу с ума или уже сошел. Не помог мне договор с Хозяевами, мой собственный мозг меня и предал».

Но вскоре он выбросил этот и прочий бред из своей головы. В такой момент должно проявлять сострадание к несчастным, а не бороздить океаны собственного сознания, гоняясь за несуществующими призраками. С ним всё хорошо, а этим беднягам было очень плохо.

Карфот так и не заметил, что за ним наблюдают. Он поднялся с колен, подошел к самому дальнему от зингарца мертвецу. Усевшись рядом с ним и уложив его обезображенную голову у себя на коленях, «лиловый» начал ему о чём-то шепотом рассказывать. Иногда он срывался на плач, иногда его лицо искажала гримаса гнева. В конце он в полный голос вознес молитву Сету, прося Змея позаботиться о душе несчастного, и перешел к следующему телу. Здесь всё повторилось Снова долгий монолог, снова боль

и гнев. Но никакой наигранности не ощущалось. Зеленоглазый маг не просто отдавал свой долг, ему и вправду было что сказать этим людям. При жизни он, видимо, не успел и стремился заполнить этот пробел сейчас, пока еще сам ходит по земле.

Мондейро чувствовал, как неумолимо убегает время. Ему надо было спешить, а он ждал. Столь велико было его почтение к этим несчастным. Когда Карфот направился к последнему из мертвцев, зингарец задвинул ткань и покинул дом. Столь же бесшумно, как и проник внутрь.

Через четверть колокола вышел и Карфот.

— Замаскироваться не получится, — сказал он, подходя к Мондейро.

Зингарец всем своим видом демонстрировал нетерпение. Переминался с ноги на ногу, тер руки. Ни к чему Карфоту знать, что он был внутри и всё видел.

— Следовало ожидать, — фыркнул Мондейро. — Идем.

Он первым сделал шаг в сторону восхода, туда, где его ждал незнакомец из темноты.

— Перебью ублюдков, — прошептал себе под нос Карфот. — Сетом клянусь.

— Ты что-то сказал? — переспросил всё прекрасно слышавший Мондейро.

— Нет, — покачал головой «лиловый». — Тебе показалось.

И снова зингарец шагал впереди, зато Карфот отставал от него теперь всего на несколько шагов. Как действовать в случае, если им повстречаются «лиловые», Мондейро и его связанный клятвой и жаждой мести подручный не договаривались.

Несколько раз Мондейро оборачивался, чтобы убедиться, что Карфот всё еще следует за ним. Стигиец в силу выработанной годами привычки ходил совершенно бесшумно вне зависимости от того состояния, в котором пребывал. Сбегать и идти резать своих бывших подчиненных зеленоглазый вроде бы не собирался, но вид у него был препоганый. На лице гримаса боли, правое веко то и дело дергалось.

Зингарец отлично понимал чувства своего попутчика. Привычный мир рушится, а ты ничего не можешь сделать. Только смотришь, как события приобретают всё более зловещие очертания. И самое неприятное это знать, что во всем этом твоей вины нет ни на грош. Просто так сложилось, что судьба избрала своей жертвой именно тебя. Но он, Мондейро, сумел выпутаться, с честью преодолеть все испытания, а в том, что это получится у Карфота, он сильно сомневался.

Неожиданно «лиловый» расхохотался. Смех у него был безумный.

— Митрианец, ты богами проклятый везунчик! — не прекращая смеяться, он сказал Монтеиро. — Нас уже должны были десять раз схватить! Так просто не бывает. Ни одного патруля не повстречали, а их здесь должно быть как блох на собаке. Далеко нам еще?

— Почти пришли, — сказал Монтеиро. — Где-то в следующем квартале.

— Хорошее место твой маг выбрал, — без иронии поведал Карфот. — В этом районе раньше заезжие конфиденты селились, комнату здесь всегда без проблем найти можно было. Сейчас агенты предпочитают ближе к базару устраиваться, но у народа местного прежние привычки остались. Болтают мало, лишнего стараются не замечать.

— И о чем это говорит? — спросил Монтеиро. Он уже окончательно уверился в собственной удаче в деле незапланированных встреч с «лиловыми» и мог позволить себе отвлечься на беседу.

— Скорее всего, твой человек — стигиец, — ответил зеленоглазый. — Из Черного Круга. За их людьми замечена приязнь к этому месту.

— Сейчас всё узнаем, — сказал зингарец, указывая на крепкий трехэтажный дом. — Вот она — цель нашего путешествия. Ты исполнил свою часть договора, можешь быть свободен.

Карфот окинул взглядом строение, словно силясь понять, кто или что может находиться за его стенами.

— Я уже сказал, — напомнил зингарцу маг. — Я с тобой, желаю лично поприветствовать твоего человека из грез.

— Нам наверх, — не стал спорить Монтеиро. Он же сделал и первый шаг по направлению к лестнице, ведущей на третий этаж. Дверь была вынесена наружу.

— Внутри, наверняка, есть еще один вход, — попытался остановить зингарца Карфот, положив тому руку на плечо. — Может лучше через него?

— К чему таиться? — усмехнулся зингарец.

Зеленоглазый маг пожал плечами и последовал за ним.

Перед самой дверью на мгновенье Монтеиро замер в нерешительности. Карфот тоже не рвался проявить инициативу. То, что он нервничает, заметил бы, наверное, и слепой.

Наконец митрианец преодолел волнение и постучал.

— Входите, — хозяин комнаты не замедлил выслать приглашение. Говорил на стигийском, без акцента жителя Побережья.

Монтеиро толкнул дверь и вошел внутрь.

Его примеру последовал и Карфот. «Лиловому» к этому моменту удалось взять себя в руки, он был собран и готов действовать. Оттеснив

плечом зингарца, он сделал несколько широких шагов по направлению к хозяину комнаты... и неожиданно замер на месте. Монтейро очень жалел, что не видел в тот миг выражение его лица. Зрелище, скорее всего, было стоящее.

— Это ты? — обратил «лиловый» к человеку из снов. Был это типичный стигиец. Высокий, худой, с наголо бритой головой. Очень глубоко посаженные глаза были настолько темны, что казались черными. Тонкие, бесцветные губы и нос с горбинкой дополняли картину, делая хозяина комнаты идеально похожим на образ стигийца из детских страшилок.

Впрочем, если верить реакции Карфота, человека этого и впрямь бояться стоило.

— Сомневаешься? — спросил хозяин. Ни тени улыбки не возникло на его лице. — Я думал, у людей твоей профессии хорошая память.

— Что ты здесь делаешь? — судя по тону, «лиловый» так и не отошел от шока.

— Ты пришел, чтобы вести допрос? — зло поинтересовался хозяин. — Предложиши мне заполнить одну из стандартных форм? Или это уже не в твоей компетенции?

— Нет, я хотел просить о помощи! — выпалил Карфот.

— Я не собираюсь оповещать Ксарти о своем присутствии в городе, — покачал головой человек из темноты. Теперь Монтейро точно вспомнил, что именно его лицо он видел в том огоньке. Никакого волнения, в отличие от Карфота, он не испытывал. Его здесь ждали. — Слишком много сил придется потратить, чтобы очищать те образы, что он забирает из твоей головы, от мыслей обо мне. Прости, в другой ситуации ты мог бы оказаться полезным союзником.

— Но..., — попытался возразить «лиловый».

Договорить ему темноглазый хозяин комнаты не позволил. Он щелкнул большим и указательным пальцем правой руки, и сердце Карфота остановилось.

— Подойди ко мне, — обратился он к Монтейро.

Зингарец послушался. Перешагнув через бездыханное тело «лилового», он приблизился к стигийцу. Внутри Монтейро зарождалось чувство, что он когда-то знал этого человека.

— Зачем ты еще носишь эту маску? — ласково спросил стигиец у монаха. — Время возрождения настало.

Монтейро открыл рот, чтобы узнать у хозяина комнаты, что тот имеет ввиду, но тут его сознание подхватил уже порядком забытый вихрь, что

вверг в ничто все краски и звуки.

Мир стал тьмой.

Монтейро стал её частью.

Возникший свет уже не был благом. Добра от него зингарец не ждал.

— Пришла пора нам снова повидаться, — сказал митрианцу его двойник, сидевший на деревянной лавке в деревянном доме. Вновь Монтейро очутился в этом странном месте. — Не стой, садись. Что за странная у тебя привычка? Разговор нам предстоит не простой, и лучше тебе иметь надежную точку опоры.

Зингарец не нашел сил спорить и занял то же место, что и во время своего прошлого «визита» в этот дом.

— Неважно выглядишь, — сообщил Монтейро двойник. — Наверное, не доволен, что я выдернул тебя из реальности. Зря, надо радоваться. Ведь это твой шанс прожить еще несколько мгновений.

— Что произошло? — спросил зингарец. На слова о смерти он внимания не обратил. — Почему я здесь очутился? Ведь Хозяева сняли с меня бремя своего проклятья.

Двойник расхохотался так, будто Монтейро явил свету лучший образчик юмора за несколько столетий.

Сначала зингарец собирался разозлиться на свою бурно веселящуюся копию, потом решил не обращать внимания. Ведь это же он сам, только взгляд со стороны. Неприятно, конечно, что часть его сознания несколько неадекватна, но жить с этим можно. Лучше поскорее разобраться с тем, зачем его затащило в это место. В прошлый «визит» он обрел здесь путь к избавлению от проклятья.

«Может, и в этот раз двойник мне поможет», — подумал Монтейро. — «Что там говорил стигиец о масках и возрождении?»

— Прекращай смеяться! — приказал своей копии зингарец. — Нам нужно поговорить.

Эти слова вызывали очередной взрыв смеха, но вскоре двойник угомонился и стал способен к продолжению разговора.

— До чего ж ты забавный! — сказал двойник, утирая слезы. — Как твердо ты уцепился за ту сказочку, что я тебе скормил!

— О чём ты? — нервно спросил Монтейро. Его начала уже серьезно бесить вольность в поведении собеседника.

— Кто, ты думаешь, я такой? — поинтересовался двойник.

— У меня нет желания философствовать, — ответил Монтейро. — Ты — одно из проявлений моего сознания, уточнять не собираюсь.

— А если я тебе скажу, что ты ошибаешься? — предложил двойник. —

Как ты на это отреагируешь?

— Постараюсь выбраться в реальность, — зло сказал зингарец. — Ни к чему мне слушать твой бред. Я и так знаю, что голова у меня варит не самым лучшим образом. Мне хватит духу обратиться к хорошему лекарю или магу. Надеюсь, сыщется лекарство. Так что — проваливай!

— Жаль, — вздохнул двойник. — Умрешь так и не узнав правды.

Монтейро вдруг испугался. Если этот весельчак не врет?

— Ладно, — сказал он. — Я согласен поиграть в твою игру. Если ты не я, то кто?

— Зовут меня Геваш, — отвечал двойник. — Но это имя давным-давно прокляли и забыли, да и мне оно нисколько не дорого. Слишком много с ним связано боли и страданий. Что же до моей сути, то я это нечто вроде блуждающей души. Никогда не слышал ни о чем подобном и дать тебе подробных разъяснений не могу. Сам надеюсь их получить по завершению нашего разговора, но тебе тогда уже будет всё равно. Вот уже несколько столетий тело мое находится на границе между миром живых и миром мертвых. Мне казалось, что если я и сделаю шаг, то только в сторону последнего. Но недавно я получил тот шанс, о котором мечтал все эти долгие годы. Когда меня посетило очередное видение, ничего хорошего я не ждал. Я успел свыкнуться с тем, что мои предсказания несут людям войны, мор и смерть. Но ничего такого я не увидел. Ко мне явился незнакомый человек и сказал, чтобы я внимательно слушал, ибо у него очень мало времени. Он поведал мне, что в Сартосе объявилось существо, что прямо-таки пышет магической энергией и часть её вылилась на меня. Эффект от такого воздействия мог выйти самый невероятный, но он предпочел не рисковать и направил изменения в определенное русло. Вскоре моя душа должна была начать переселяться в тело одного из обитателей Сартоса. Им не повезло оказаться тебе.

— Это несправедливо, — простонал Монтейро. Во время рассказа двойника он вспоминал свои ощущения. То, что в его теле вселилась вторая душа, объясняло очень многое, почти всё. Если это только не бред...

— Нет, — покачал головой Ганеш. — О несправедливости и разговора быть не может. Я вел игру по-честному.

— Какую игру?! — заорал Монтейро. — Ты отобрал мое тело. Или собираешься это сделать.

— Снова ошибка, — сказал Ганеш. — Эту оболочку я получу в дар от твоего бога. И вообще зря ты озабочиваешься этим вопросом. Я бы на твоем месте лил слезы по душе, что доживает последние мгновенья. Ты исчезнешь, Монтейро. Тебя не будет ни здесь, ни на Серых Равнинах.

Ставки в нашей игре были высоки. В случае проигрыша меня постигла бы та же участь.

Кровь ударила в голову Монтеиро. В ярости он врезал Ганешу по правой скуле, затем схватил за волосы и приложил его дважды головой об стол. Совсем недавно он точно так же расправлялся с отцом-настоятелем. Затем он бросил своего двойника на пол и принялся обрабатывать его ногами.

— Получай, негодяй! — орал Монтеиро, круша ребра Ганеша. — Сетов выродыш!

Сначала двойник пытался закрываться от ударов зингарца, но потом у него сил на это не осталось, и все самые чувствительные места оказались открытыми для Монтеиро. Он зверел всё больше и больше. Ноги, руки и даже зубы шли в ход в его стремлении покарать Ганеша и защитить свою душу.

Но самым удивительным было то, что за время этой экзекуции двойник так и не потерял сознания. Он смотрел на Монтеиро полными боли глазами... и ждал.

— Когда же ты сдохнешь, сволочь?! — взмолился наконец зингарец и в последний раз ударил распростертого на полу Ганеша. После этого уселся на лавку и начал раскачиваться взад-вперед, обхватив голову руками.

Лишившийся внимания зингарца двойник попытался подняться на ноги. Как ему это удалось, оставалось непонятным. Ганеш превратился в страшную пародию на человеческое тело. Половина костей изломана, вся одежда в крови. Лица так вообще просто не стало.

Со вздохом, обернувшись приступом кашля, двойник опустился на противоположную от Монтеиро скамью.

— Скотина, — произнес Монтеиро, не соизволив поднять взгляд на Ганеша. — Ты ведь даже ничего не почувствовал.

— Тебе бы так, — прохрипел двойник. Видимо, один из ударов зингарца повредил ему связки. Про зубы-то и разговора не шло, осталось их не более десятка. — Враз молодость свою вспомнил. Только тогда я хоть отключиться мог, а сейчас решил позволить тебе по полной душу отвести.

— Зачем? — спросил продолжавший раскачиваться зингарец. — Ты же говоришь, всё справедливо вышло. А теперь долги какие-то раздаешь.

— Ты — гадкое, самовлюбленное существо, — сказал Ганеш. — Но уподобляться тебе я не собираюсь. Перед окончательной гибелью человек имеет право чуть-чуть порадоваться жизни.

Монтеиро грустно усмехнулся. Ненависть прошла, место её медленно занимал страх. Вкупе с безысходностью он образовывал

пренеприятнейшую смесь.

— Расскажи мне о той игре, в которой ты одержал надо мной верх, — попросил зингарец. Ему было не очень интересно. Он скорее хотел потянуть время, отсрочить момент гибели. — Я ведь даже не знал, что она шла. Не говоря уж о правилах.

— Знание правил было моей привилегией, — объяснил Ганеш. — Оно же было и моей обузой. Чтобы победить мне надлежало заставить Митру отказаться от твоей души. Это очень не просто, поверь мне. Боги дорожат душами даже самых распоследних грешников. Руководить твоими действиями я не мог, равно как и давать указаний. Впрочем, конкретных границ дозволенного никто не устанавливала. Человек из моего видения просто сообщил мне, что они есть. И как видишь, твой бог вполне благосклонно отнесся к моему пониманию, как ты говоришь, правил.

— Ты заставил меня отвернуться от Митры, — чувства исчезли из голоса Монтейро. Он просто констатировал факт.

— Я мог наслать на тебя призраков, от вида которых твоя кровь застыла бы в жилах, — сообщил зингарцу Ганеш. — Мог явиться в образе бога или одного из митрианских святых. Сделать так, чтобы у тебя не осталось иного выбора, кроме как поверить мне. Вот это было принуждение, и за него я расплатился бы душой.

— Ты поставил передо мной дилемму, — сказал Монтейро. — Принять безумие или отвернуться от бога. И я бы не сказал, что ты не смещал акценты. Почему же Митра тебя не покарал?

— Боги с трудом понимают человеческие чувства, — ответил Ганеш. — У них иная природа, а потому они смотрят на слова и поступки. Я ведь убеждал тебя принять свою судьбу, не противиться ей, рассказывал о прелестях новой жизни. Митре и невдомек было, что эти слова тебе, как соль на открытую рану.

— Вот мы и вернулись к справедливости, — усмехнулся Монтейро.

— Я себя виноватым перед тобой не ощущаю, — сказал Ганеш. — У меня больше прав на жизнь, чем у тебя. Так рассудили боги. Вспомни сам свои деяния!

— Ты об убийстве настоятеля? — спросил зингарец. — Думаешь я не знаю, что это был ты, а не я?!

— Это были мы, — ответил двойник. — Ты уже потерял душу, но тело цеплялось за неё и не хотело пускать меня внутрь. Отсюда и эти постоянные смены настроения. К тому же я хотел поскорее вновь ощутить мир, а мне постоянно кто-то мешал. Но я говорил о другом. Когда ты договорился с Карфотом о снятии проклятия, ты отверг своего бога. Но он

не отверг тебя. Тогда я думал, что проиграл, что нарушил границы и теперь обречен на гибель души. Но, видимо, Митра просто услышал мои слова о добрых делах. Он дал тебе шанс вернуться. Вспомни того паренька, что убили грабители, и мальчика со змеей. Именно в тот момент, когда ты прошел мимо них, ты подписал себе приговор.

— Если бы не проклятье, — сказал Монтеиро, — я бы так не поступил. Митра первый предал меня!

— Не было никакого проклятья, — разочаровал зингарца Ганеш. — Ты не попал в число тех, кому надлежало обратиться в безумцев. Они, кстати, самые обыкновенные идиоты, а не какие-то там бессловесные слуги Митры.

— Но эти видения, — возразил Монтеиро. — Откуда они взялись?

— Они пришли к тебе вместе с моей душой, — сказал Ганеш. — Я пророк, что три столетия предрекал только смерть. Рассказывал о том, что будет, о том, что нельзя изменить. Когда же я очутился в твоем теле, то понял, что всё стало иначе. Вновь я видел гибель людей, но зато я знал, что могу предотвратить грядущие события. Можешь мне не верить, но я утешал себя тем, что если сгину в пучине небытия, то ты с моими способностями сумеешь изменить этот мир к лучшему. Потому я и пытался свести нашу с тобой игру к двум вероятностям. Либо ты найдешь в себе силы спасти тех людей, либо твоё место займу я.

Монтеиро молчал. Последних слов Ганеша он уже не слышал. Страх полностью завладел его существом.

— Как это произойдет? — спросил он у своего двойника.

— Сейчас узнаешь, — ответил Ганеша. — Я исполнил свой последний долг.

Медленно, очень медленно деревянная комната начала исчезать. Всё вокруг становилось серым. Это была не такая привычная тьма. Теперь её власти здесь не было.

Монтеиро закричал в полный голос...

... и вернулся в реальный мир.

Он снова стал самим собой, но в тоже время всё было иначе. Он ощущал своё тело, но руководить им не мог. Слышал свой голос, но говорил вместо него кто-то другой. Он потерял контроль, но не жизнь.

Не жизнь!

Ганеш ошибся. Он думал, что Монтеиро не выбраться живым из деревянной комнаты, но оказалось, что погубить бывшего монаха не так-то просто. Он еще поборется за свое тело.

— Как долго я шел к тебе! — воскликнул Ганеш и обнял стигийца. — Ты

вернул мне мою жизнь! Тот-Амон?

— Да, это я, — ответил темноглазый. — И я тоже очень рад тебя видеть. Прости, но я не мог позволить тебе прийти ко мне раньше срока. Твоей душе нужно было время, чтобы освоиться в новом теле. Да и я хотел кое-что проверить.

— Я слышу грусть в твоем голосе, великий, — Ганеш встал на колени перед Тот-Амоном. — Поведай мне. Если бы я только мог помочь.

— Я вынужден буду огорчить тебя, Ганеш, — сказал маг. — Сегодня-завтра ты утратишь свои способности. Почему это произошло, я не знаю, но сомневаться не приходится. По пути сюда я устроил тебе испытание, вспомни результат.

— Те трое «лиловых»? — спросил Ганеш. Глаза пророка были полны печали.

Тот-Амон кивнул.

— Я не смог воспользоваться даром предвиденья в схватке с третьим, — скорее сам для себя сказал Ганеш. — Неужели нет никакого средства вернуть то, что было утрачено. Я только обрел власть над своими видениями. Я мог менять будущее.

— Знаю, — сказал Тот-Амон. — Ради этого я и помог тебе раздобыть тело. Сделал так, чтоб магия древнего духа преобразовала твой дар. А он изменился... и исчез. Но я рад, что ты вернулся к жизни, Ганеш. Глядя на тебя, я всегда буду вспоминать свой успех. Редкому магу удавалось подобное.

— Я благодарен тебе, — сказал пророк.

— Знаю, — улыбнулся Тот-Амон. — Что же ты теперь намерен делать?

— Если позволишь, — сказал Ганеш, — я воспользуюсь теми остатками знаний, что у меня есть. Быть может, пророчество насчет меня правдиво и без моей помощи духов не одолеть.

— Правильный выбор, — похвалил предсказателя Тот-Амон. — Только прислушайся к одному совету. Не подходи близко к поместью. Вскорости там будет очень жарко. Хотя ты же всё это видел...

Дальнейшего Монтеiro не услышал, ибо в этот миг его душа погибла.

Глава 2.

«О колдовстве»

Проснуться Биресу пришлось рано. И дело было не в том, что некий незваный визитер принял ломиться в покой мага. Таковых, к счастью, не наблюдалось. Просто Биреса снедали нехорошие предчувствия относительно предстоящих суток, и нормальный глубокий сон подходить к магу ближе, чем на десять шагов отказывался. Как результат, два предрассветных колокола несчастный Хозяин Побережья первого круга приближения ворочался с боку на бок и посыпал проклятия всем известным богам.

На шестом послеполуночном колоколе маг решил, что с этим маразмом надо заканчивать. Бирес кряхтя поднялся с постели и отправился приводить себя в порядок. За этими процедурами он проснулся окончательно и даже вернул себе более менее сносное состояние духа.

Далее перед магом встал вопрос, куда себя приложить. Дел, в принципе, имелось множество. Неотложных среди них не наблюдалось, равно как и тех, что принято считать приятными. Чтобы хоть как-то растянуть время, Бирес решил соорудить себе хороший, качественный завтрак. Обычно он пользовал пищу изготовленную магами третьего круга, специализирующимися на готовке, которых в поместье так и называли – поварами. Иногда, когда спешил, кидал простенькое заклятье, и перед ним возникала краюха хлеба и сыр или яичница, или еще чего-нибудь. Случалось так, что волшба срывалась, и пред очи мага являлось такое непотребство, что после этого есть он не хотел целый день.

Однако практика с вызовом винных изделий настолько пришлась Биресу по душе, что он решил в более полной мере раскрыть для себя область магической кулинарии.

«После завтрака», — решил Бирес, — «можно будет еще и на базар заглянуть. Взять трех девочек помоложе да покрасивее, а потом напиться... Никак нам Ксарти не побороть!»

И впрямь напоследок стоило бы уладить свое бренное тело, раз обрести душевное спокойствие и веру в будущее не получается. Только, всё равно, хорошо бы еще сделать так, чтоб и о духе не думалось. Маг вполне резонно предполагал, что в обратном случае даже самый изысканный

деликатес покажется ему травой, а уж о девочках лучше сразу забыть.

Со злости стигиец долбанул кулаком по столу и грязно выругался.

От этих звуков проснулся пес и вопросительно уставился на мага. Тот примирительно махнул рукой, давая понять, что всё в порядке. Хвостатый постоялец вроде бы успокоился, но Бирес решил подстраховаться и наколдовал звуковую завесу, которая бы защищала пространство вокруг пса от посторонних шумов.

«Точно также и Ксарти», — подумал маг. — «Если захочет, возьмет да и спеленает нас со Слепцом, как младенцев. Мы даже пикнуть не успеем. Против кого заговор устраивать собрались? Дух этот проклятый сильнее всего Черного Круга в десятки или даже сотни раз. На что мы, дураки, надеемся? На собаку?»

Бирес представил как патетично выглядела бы сцена гибели Ксарти от зубов маленького пса, науськанного им и Карун-Ра. Потом бы Слепец создал исцеляющее заклинание и в торжественной обстановке вернул спасителю Побережья человеческий облик. Какой же идиотизм! Бирес не выдержал и расхохотался, хотя на душе было так погано, что плакать хотелось.

— Всё, хватит! — одернул себя маг. — Так или с ума сойду, или счеты с жизнью свести попытаюсь. Надо отвлечься. Обязательно. Задумал завтрак готовить — приступай!

И Бирес начал думать, чего ему хочется. Первым, что пришло на ум, оказался апельсиновый шербет. Мага аж скривило от столь убого образчика собственного вкуса. Предполагалось же наколдовать нечто изысканное, а не то, что и так каждый день пользуешь. Но как стигиец фантазию не напрягал, ничего оригинально на ум не приходило.

Тогда он начал вспоминать, что он уже некогда ел. И тут же на него снизошло озарение. Однажды к Хозяевам Сартоса приезжала на переговоры во вопросам покупки трех атлайских артефактов делегация магов из этой дальней полуденной страны. Чтобы уважить гостей в поместье пригласили повара, специализирующегося на экзотической кухне. Тот наготовил столько яств, что от них столы ломились, но от конфузза стигийцев это не спасло. Выяснилось, что все атлайские маги, что по совместительству являются жрецами тамошнего бога, имя которого Бирес забыл, с рождения исповедуют аскетический образ жизни. Соответственно увидев всё это кулинарное великолепие, гости оскорбились в лучших чувствах и в спешном порядке покинули Сартос. Артефакты, по которым собирались вести переговоры, спустя два года выкрад один из наемников-пиратов. Но суть не в этом. Выбрасывать атлайскую еду маги не стали, а

употребили по прямому назначению. Кому-то понравилось, кому-то нет. Бирес относился к числу первых. Он тогда очень сильно сокрушался, что повару второпях устроили показательное отсечение головы.

Больше всего в душу магу запало блюдо под названием — «Крокодил, фаршированный пятью сортами рыбы морской и тремя рыбы речной, с добавлением ананасов, апельсинов, бамбука, цукини и приправ всевозможных, число коих равняется тридцати». На атлайском это умещалось в семь слов.

Творить пищу, на самом деле, ничуть не проще, чем готовить. И там, и здесь надобно умение да и усилие прикладывать приходиться. В первые годы своего ученичества Бирес недоумевал, как вообще возможно просто так наколдовать себе еды, взять её, можно сказать, из воздуха. Вопрос этот разрешился во время курса по теоретическим основам магического искусства. Энергия, потребная для колдовства, является неотъемлемой составляющей нашего мира. Маг может использовать её для своих нужд, переводя в стихийный или материальный вид. Соприкасаясь с предметами или людьми, эта энергия преобразует их, что в обязательном порядке изменяет и их духовную сущность, то есть тот самый свой изначальный пласт. Часть магов-теоретиков в предыдущие годы настаивала на том, что данная деформация вещей материального мира не всегда увеличивает количественный состав энергии, влияя лишь на качественный. В результате, считали они, может наступить истощение «колдовского» пласти и тогда магия навсегда покинет мир. Но сейчас этих позиций уже никто не придерживается. В чести другая теория, по которой маг, касаясь «колдовского» пласти, не всегда забирает оттуда энергию. Наоборот он может исторгать её из себя или видоизменять, здесь всё зависит от заклятия. Таким образом соблюдается равновесие.

Создать желаемое блюдо можно было двумя способами. Либо исходить из объективных свойств продуктовой составляющей. Именно так и готовят маги-кулинары. Данный метод достаточно трудоёмкий, требующий от колдуна познаний в области традиционной кухни. Зато результат такой волшбы наверняка окажется если и не удовлетворяющим запросы каждого притязательного гурмана, то хотя бы удобоваримым. Либо можно было ориентироваться на собственные воспоминания или представления о вкусовых качествах конечного продукта и о его внешнем виде. В данном случае, никто не мог гарантировать, что результатом такого пиршества не окажется несварение.

Как именно крокодильчика готовить, Бирес не имел ни малейшего представления, а потому оказался вынужден прибегнуть ко второму

способу. Прежде всего следовало задать консистенцию блюда. Использовал он на этом этапе, впрочем как и на остальных, стандартные заклинания творения и видоизменения стигийской школы. Задал основные составляющие: шкуру крокодила, его мясо, рыбу, фрукты и овощи. Прибегать к делению сортов рыбы и сотворению приправ на данном этапе маг счел нецелесообразным. Далее надлежало наградить получившуюся субстанцию питательными свойствами. Тут Бирес решил поберечься и взял за основу говядину и апельсины, вещи полезные и безопасные. В результате, рыба будет на вкус как рыба, но на самом-то деле она будет представлять собой ничто иное, как мясо молодой стигийской коровы. Теперь предстояло вспомнить в подробностях, какой же он был из себя «Крокодил фаршированный». Современные заклинания неплохо работали с мысленными образами. Родись Бирес четыреста лет назад, ему пришлось бы наколдовывать вручную все вкусовые свойства желаемого блюда, а так достаточно было напрячь память. Вот собственно и всё, оставались последние штрихи. Маг решил конкретизировать несколько сортов рыб и часть приправ, остальное было отдано на откуп воспоминаниям.

Шедевр стигийско-атлайской кухни возник на обеденном столике, лишь только Бирес произнес последние слова заклятия. Выглядел крокодильчик вполне даже аппетитно, и хоть магу так и удалось выкинуть из головы мысли о Ксарти, к трапезе он был готов приступить немедля. Но без вина шедевр по достоинству оценить не имелось ни малейшего шанса, и Бирес наколдовал себе бутылочку белого.

Однако, одновременно с вином в комнате начало возникать и кое-что другое. Сначала Бирес этого явления даже не заметил, но когда оно заполнило почти всё пространство под потолком оказался вынужден обратить на него своё внимание. Представляло оно собой вполне натуральные облака, каковых в небе над Сартосом в холодное время года наблюдается великое множество. В том, кто является виновником этого происшествия, сомневаться не приходилось. В поместье был лишь один выявленный и ненаказанный любитель подобных эффектов.

— Собрался покончить жизнь самоубийством? — поприветствовал Карун-Ра собрата по магическому ремеслу. Светловолосая голова вылезла из облачного слоя и обозревала крокодильчика. — Поверь мне, это есть нельзя.

— Как фантом мог это понять? — фыркнул Бирес. — Или ты просто решил использовать столь неординарный способ для перемещения в пространстве. Коли так, признаю, смотрится неплохо, но падать вниз будет больно.

— Нет, я пока всё еще у себя, — покачал головой Карун-Ра. В облаках это смотрелось дико. — Зайду к тебе попозже. Это я так заглянул, убедиться, что всё в порядке. Больно уж обстановка нервная.

— От темы не уходи! — одернул альбиноса Бирес. — Отвечай, чем тебе мой завтрак не понравился!

В глубине души маг подозревал, что блюдо и впрямь могло получиться не совсем для здоровья безопасное.

— Выглядит как крокодил, набитый рыбой, — Карун-Ра при этих словах явственно морщился, а потом на него словно снизошло прозрение. — Или ты это и пытался приготовить?

Бирес кивнул.

— Извращенец! — вынес вердикт альбинос. — При мне хотя бы не ешь.

— Не буду, — согласился Бирес. — Ладно, говори, чего еще хотел? Не верю, что ты здесь только из-за заботы о моем здоровье.

— Помнишь наш план? — спросил Карун-Ра.

Бирес план помнил. Вчера его разработке они посвятили немало времени.

После того, как Карун-Ра забрал Биреса из его покоев, тут же приступил к подготовке своего союзника по части сложных магических заклятий. Трижды он входил в искаженное пространство, перемещаясь в различные части поместья. Воспроизвести волшбу он от Биреса не требовал, хотя вполне прозрачно намекал на то, что тому было бы неплохо выступить с подобной инициативой. Последний делал вид, что не понимал, и просто старательно запоминал магические конструкции.

Перед путешествием в белую комнату Карун-Ра основательно подготовился, соорудив сеть отвлекающих заклятий. Всё-таки Слепец заметно побаивался Ксарти, хоть и говорил, что тот ослабил свой контроль за обитателями поместья.

Стоило магам оказаться в мастерской альбиноса, находящейся вне власти духа, как Карун-Ра приступил к корректировке поведения астральных двойников. Бирес уселся за стол, что заменил в белой комнате кушетку, и принялся выводить на папирусе формулы перемещения по искаженному пространству. Плохо, когда знаешь как звучит заклятье, но не представляешь себе принципов его работы. Карун-Ра между делом кивнул ему в знак одобрения.

Закончив с двойниками, он начал вычислять тот момент, когда Ксарти покончит со всеми приготовлениями и начнет свою волшбу с непременными человеческими жертвоприношениями. Слепец считал, что снижение контроля за магами связано с тем, что духу приходится все

больше внимания уделять составлению формулы своего коронного заклятия. Так проследив движение от полноценного наблюдения за всеми, даже самыми тайными, мыслями Хозяев до полного его исчезновения, можно будет установить время жертвоприношения. Исходил Карун-Ра из того, что Ксарти по своей природе и складу ума, обязан являться существом сверхрациональным и творить заклятие начнет именно в тот момент, когда маги обретут свободу. Разумеется, в следующий же миг он их её лишит, чтоб удобней было вести на убой.

Слепец объяснил Биресу, что когда в твой мозг проникает чужое сознание, оно оставляет там своего рода метки. Отыскать их тяжело, но не невозможно. Именно с их помощью Карун-Ра и собирался установить срок окончания подготовки. Конечно, лучше было бы поработать с магом, не ускользнувшим из-под власти духа, но из соображений безопасности этого решили не делать и ограничились присутствующими в комнате Хозяевами. Первым процедуре подвергся Карун-Ра. Он же и колдовал, Бирес только помогал ему энергией. Волшба вышла достаточно тяжелой. Уже после проверки сознания Слепца оба мага почувствовали слабость, а когда покончили и с Биресом, то с трудом могли устоять на ногах. По молчаливому согласию с полколокола отдыхали, не мудрствуя растянувшись прямо на полу. Когда силы удалось более менее восстановить, Карун-Ра огласил не самые приятные результаты. Полностью контроль спадет на завтрашний второй послеполуденный колокол. В это же время, соответственно, и начнется жертвоприношение.

После этого начались споры. Бирес считал, что предпринимать покушение на Ксарти лучше этой ночью или, в крайнем случае, утром. Устраивать долгую подготовку он смысла не видел. Сходить в сокровищницу, набрать артефактов и постараться устроить для пса прикрытие. В качестве основного аргумента Бирес приводил то, что Ксарти будет занят подготовкой формулы и попытается отбить атаку в полсилы. Карун-Ра с этими доводами не соглашался. Дух, по его мнению, труслив настолько, что заподозрив угрозу для своей жизни, в миг забудет о своем заклятии. Ксарти уже не раз показывал, что склонен всюду видеть происки братьев, в особенности того, что желает стать богом, потому и защищаться станет по полной. Слепец предлагал назначить временем покушения момент жертвоприношения или предшествующей ему вводной волшбы. Пса он брался незаметно протащить в заклинательную залу. А там уже следовало положиться на чутье Зелтрана. Если тот выберет подходящий момент для атаки, Ксарти ничего даже не успеет понять. Бирес хоть и видел слабые моменты в своем плане, но предложение Карун-Ра казалось ему и

вовсе форменным безумием. Слепец собирался поставить всё на то, что псу удастся добраться до духа. И никаких запасных вариантов. В случае провала — верная смерть. Но маг-альбинос продолжал настаивать, что только столь сумасшедший план может принести успех. На стандартные ходы у Ксарти, наверняка, припасено противоядие. Еще Карун-Ра клялся Сетом, Нергалом и Дэркето, что до завтрашнего утра успеет составить такое заклинание невидимости, что дух ни за что не разглядит пса, если тот будет вести себя смирно. Слов на ветер Слепец бросать не привык, раз обещал значит сделает. А это значило, что невероятная задумка альбиноса может и сработать.

Еще около колокола маги обсуждали конкретные детали предстоящего покушения. Следует ли пытаться привлечь внимание Ксарти, когда пес пойдет в атаку? Нет. Нужно ли давать знак псу, что настал подходящий момент? Нет. Когда лучше заколдовать зубы и когти пса? Утром, чтобы Ксарти ничего ненароком не учудил. Можно ли позволить духу убить нескольких магов? Нужно. И пса следует поставить в известность, что нападать лучше, когда Ксарти займется заклятьем и жертвоприношением. Но окончательное решение, всё равно, должно было остаться за Зелтраном, с этим согласились и Бирес, и Карун-Ра.

— Решил что-то пересмотреть? — поинтересовался у альбиноса Бирес.

— Вынужден был, — признался Карун-Ра. — Вышли небольшие проблемы с заклинанием невидимости. Оно намного лучше сработает, если после применения пес будет длительное время стоять. Движение его разрушает. На рывок к Ксарти запаса хватит, а вот вводить пса в заклинательную залу придется в его нормальном виде.

— Используй для этого более слабое заклятье, — предложил Бирес, — а основное используешь в зале.

— Не смогу, — ответил Слепец, — сил не хватит.

Бирес удивился. Редко подобное приходилось слышать от Карун-Ра. Похоже, заклятье невидимости, над которым он работал всю ночь, вещь, и правда, стоящая. Бирес порадовался такому ходу своих мыслей.

— Если я поколду, — спросил он, — дух это заметит?

— Что-то слабенькое навряд ли, — сказал альбинос. — Сделай что-нибудь совсем элементарное, вроде отвода глаз. Другим Хозяевам до нашего пса никакого дела не будет, Ксарти их на крепких поводке к себе потащит.

— Договорились, — кивнул Бирес.

— Вот и хорошо, — сказала из заоблачных высот голова Слепца. — Оставляю тебя наедине с этой кулинарной мерзопакостью.

Карун-Ра напоследок загадочно улыбнулся и исчез в толще облаков, которые проболтались под потолком еще не менее десятой части колокола.

К трапезе Бирес приступил только тогда, когда его комната полностью очистилась от чужеродных магических явлений. После разговора со Слепцом маг почувствовал себя заметно лучше, ощутил в себе решимость и жажду действия.

Под такие настроения фаршированный крокодильчик улетел в мгновение ока. Поспособствовало этому и оказавшееся просто превосходным вино.

Удовлетворенный сытной и на удивление вкусной трапезой Бирес направился к псу. Тот уже давным-давно не спал. Разговора со Слепцом из-за звуковой завесы Зелтран услышать не мог, но вот зреющим парящей в облаках головы насладиться сумел.

План по устраниению Ксарти, разработанный Биресом и Карун-Ра, пес воспринял вполне нормально. Кое-где гавкал одобрительно, кое-где, как казалось магу, скептически. Но главное, что на основной вопрос, согласен ли принять участие в этой авантюре, заколдованый моряк ответил яростным лаем, символизирующим крайнюю степень решимости порвать на клочки злостного духа.

Солнце к тому времени только-только поднялось над верхушкой храма Сета, вид на который открывался из окон комнаты Биреса. Выходило так, что визита Карун-Ра ждать еще два-три колокола. Раньше полдня он вряд ли появится.

И вновь началось мучительное ожидание.

Чтобы скрасить сей нерадостный период, Бирес наколдовал себе еще бутылочку белого вина по образу и подобию её предшественницы. Приятный кисловато-терпкий вкус заставил мага довольно улыбнуться.

«Не всё так плохо», — подумал он. — «Вот и пророк, наконец, на Серые Равнины отправился».

Весть о гибели скелетоподобного прорицателя по сути своей была и не плохой, и не хорошей, но символично, что это произошло именно сейчас. Посыльному вчера трижды пришлось повторить сообщение прежде, чем Бирес убедился, что не ослышался. Произошедшее казалось немыслимым. Это, как если бы все кошки и собаки вмиг научились говорить или в Ванахайме стали бы расти бананы. Умер тот, что уже триста лет предсказывал немыслимые беды и несчастья. Жил-то он собственно лишь ради того, чтобы исполнить древнее пророчество и спасти мир. А он вместо этого возьми да и отправься спокойненько на Серые Равнины. Выходило так, что зря столько времени в нем жизнь поддерживали. С одной стороны

— обидно, а с другой чувствуешь облегчение от того, что этот гад завтра очередное смертоносное пророчество не выдаст. Об этом вчера и говорили Бирес, Арзарес и Карун-Ра, стоя над телом мертвого пророка, в комнате, которая наконец увидела свет, пусть он был и лунный. Ксарти о кончине прорицателя решили не оповещать.

Перед тем, как заснуть этой ночью, маг думал, а не могло ли последнее предсказание пророка и быть тем самым, что должно было спасти мир. Вдруг он исполнил свой долг перед человечеством, показав ему, Биресу, как Сартос гибнет в пламени, объятым безумием.

Сейчас лежа на кровати и потягивая белое вино, маг всячески старался утвердить себя в этой мысли. Что он избранный или они с Карун-Ра на пару, что это именно видение подвигло их на борьбу с Ксарти и его братьями. Быть может, без пророка всё было бы иначе, и через несколько колоколов они как покорные овцы пошли бы на заклание. Если это действительно так, то их предприятие не просто имеет шансы на успех, оно обречено на него.

От гибели пророка мысли стигийца перетекли на другое важное событие в жизни поместье, на проникновение в сокровищницу. Бирес так и не смог до конца проникнуться фаталистической позицией Слепца по этому вопросу. Его пугало, что один из Хозяев сосредоточил в руках столь великую силу, что давало соединение похищенных артефактов. Неведомый игрок в партии, которую им с альбиносом предстояло разыграть против Ксарти, казался совершенно лишним.

И ладно бы, если точно знать, что это Карфот. Его люди Арзареса, уже официально возглавившего службу «лиловых», сейчас по всему Сартосу ищут. В условиях, когда необходимо постоянно прятаться и перебегать с места на место, у него не хватит времени, чтобы соорудить цепочку. Но несмотря на кажущиеся неоспоримыми доказательства, Бирес не мог до конца поверить, что похититель это Карфот. Не надо ему это, и действовал он бы, скорее всего, иначе. Магу казалось, что истинный виновник происшествия сейчас находится в поместье, радуясь тому, как хорошо удалось замести следы. И скоро, очень скоро он начнет действовать. Бирес старательно гнал из головы эти лишенные логики мысли. Он же не какая-то там изнеженная девица, чтобы поступать сообразно интуиции, а не рассудку.

Когда вина в бутылке осталась ровнехонько треть от первоначального количества, в дверь постучали.

— Входи, Арзарес, — крикнул Бирес. Столь четко отчеканить дробь по дереву мог только этот бывший страж.

Магу было интересно повидаться с новым главой «лиловых». У того, наверняка, в запасе имеется пара-тройка свежих новостей. Может, хоть одна из них хорошая.

— Добрый день, Бирес, — поздоровался бывший страж, проходя в комнату.

— Судя по тону, — усмехнулся маг, — ты его таковым не считаешь. Что случилось?

— Много чего, — хмуро ответил Арзарес. — У тебя найдется что-нибудь выпить? Всю ночь не спал, голова раскалывается.

— Держи, — Бирес переправил по воздуху недопитую бутыль вина. — Только это не поможет.

— Сет с ней, с болью, — отмахнулся Арзарес. — Мне расслабиться хоть немного надо.

— Так не пойдет, — ответил Бирес. — Давай, усаживайся в кресло, пей вино, а я пару целебных заклятий пока на тебя наложу.

— Если не сложно, — сказал страж.

Почти четверть колокола Бирес трудился над здоровьем нового главы «лиловых». Занимался он этим не из человеколюбия или сострадания, а ввиду того, что именно от Арзареса зависело, как быстро найдут Карфота. С большой головой правильно организовать поиски не получится. К тому же маг очень сильно подозревал, что печальная мина бывшего стражи связана с тем, что ему пока не удалось выйти на след беглеца.

— Спасибо, — поблагодарил мага Арзарес, когда лечение было окончено. Вино к этому времени он уже успел допить, а предлагать ему новую бутыль никто не спешил. Еще не хватало, чтобы он и дальше продолжал расслабляться. — Так намного лучше.

— Теперь можешь рассказать, — сказал Бирес, — чем ты себя до такого состояния довел.

— С Карфотом проблемы, — подтвердил подозрения мага Арзарес. — Вчера ему удалось ускользнуть от нас. Пару раз казалось, что мы выходили на его след, но каждый раз надежды оказывались ложными. Похоже, у него имелся план на случай, если ему придется скрываться от своих же подчиненных.

— Разумеется! — воскликнул Бирес, пораженный недогадливостью бывшего стража.

— Это моя вина, — покаялся Арзарес. — Карфот казался мне человеком, не ставящим под сомнение личную преданность ему всех «лиловых». К слову, чтобы убедить их в его предательстве пришлось приложить немало усилий, да и то многие, если и увидят его в толпе,

докладываться не побегут. Верить можно только тем людям, что служили мне еще при Карфоте.

— Ты не мог со мной посоветоваться?! — злился Бирес. — Я его знаю получше многих, и можешь не сомневаться, просветил бы тебя, что у него в Сартосе два десятка нор, где можно спрятаться. Да и агентов, официально в «лиловых» не числящихся, что и сейчас продолжают работать на него, предостаточно. Карфот предпочитает предусмотреть всё, что имеет хоть малейший шанс стать реальностью.

— Теперь я это знаю, — горько усмехнулся Арзарес. — Этой ночью я как раз и занимался тем, что искал в наших рядах тех, кто мог бы знать об этих заготовленных укрытиях.

— И как? — спросил Бирес. — Многих запытал?

— Тридцать двух «лиловых», — ответил бывший страж. — И еще тринадцать горожан, на которых они указали. Узнали от них об одиннадцати убежищах, но ни в одном из них Карфота не оказалось.

— Плохо, — нахмурился Бирес. — Значит у него была целая ночь, чтобы задействовать цепочку. Чудо, что он этого не сделал.

— Не факт, — нехотя ответил Арзарес.

— Что?! — воскликнул Бирес.

— Рано утром, — сказал Арзарес, — к нам через Рашила обратились представители митрианской общины с просьбой изловить одного из их монахов. Он, вроде как, кого-то у них в обители убил. Намекнули, что лучше с ним не церемониться и доставить в виде трупа. С чего Рашил отрядил на его поиски достаточно значительные силы, я не знаю. Интуиция, наверное. В любом случае, он угадал. Когда мы обнаружили монаха, в его компании оказался и Карфот.

— И вы их упустили?! — Бирес не спрашивал, он обличал.

— Дай рассказать до конца, — одернул мага Арзарес. — С этим монахом такое творилось, что о Карфоте все и думать позабыли. Этот митрианец отправил на Серые Равнины тринадцать «лиловых». Десять погибли как бы сами по себе, от несчастных случаев. Из показаний опрошенных горожан можно сделать вывод, что они столкнулись с охранным заклятием, которое выпотрошило их несмотря на все защитные амулеты. Еще двоих он убил практически голыми руками. Последний его почти достал, но на выручку ему пришел Карфот, и они сбежали.

— Окружите район, — сказал Бирес. — Проверьте все близлежащие дома.

— Уже поздно, — ответил бывший страж. — Там в первые мгновенья из-за этого митрианца нешуточная паника возникла, всех «лиловых»

подняли на его поиски. В том числе и тех, которые убежища Карфота стерегли. Дело в том, что ни одного «лилового» рядом не было, когда он к митринцу присоединился. Только потом, когда со слов свидетелей портрет пособника монаха составили, кто-то умудрился по нему Карфота опознать. Все снятые дозоры тут же на место вернули. Обнаружили следы в одной из заготовленных нор, высчитали время, когда Карфот в ней побывал. Ну, и осознали, что он три раза успел бы из огражденного района выйти. Ловили ведь митрианца, а не «лилового», который всю этой службой руководил.

— Наказал виноватых? — спросил Бирес.

— За что? — не понял Арзарес. — Это же случайность, что так всё получилось. Зачем людей против себя на пустом месте настраивать?

— Твое дело, — согласился Бирес. Наверное, бывший страж в вопросах организации службы и впрямь получше него разбирается. — Что дальше делать собираетесь?

— Я с тобой насчет этого посоветоваться хотел, — неожиданно сказал Арзарес. — Направление, в котором Карфот с митрианцем двинулись, мы вычислили. А дальше полная пустота — как сквозь землю провалились, ни единой зацепки. Есть у тебя идеи, что может Карфот предпринять, если всю силу артефактов он уже истратил на защитное заклинание для митрианца?

— Я же объяснял тебе, — вздохнул Бирес, — что когда он их задействует, то свету явится нечто такое, что сможет весь Сартос уничтожить.

— В зависимости от стержневого артефакта, — возразил бывший страж. — Может, он рассчитан на тонкие эффекты. Если бы защитное заклятье с митрианца неожиданно не спало, он бы немалых бед натворить мог. К тому же, вполне возможно, что мы видели только пробу сил.

— Не может такого быть, — возразил Бирес. — Цепочка рассчитана на одинарное применение.

— Ну, я тебя и спрашивал, — улыбнулся Арзарес, — что он станет делать, если цепочка разрушена. Карфот не самый сильный маг, он мог допустить ошибку.

— Он будет мстить, — без всякого сочувствия к будущему собеседника произнес Бирес. — Попытается добраться до тех, кто за ним охотится. В первую очередь поквитается с предателями, потом с теми, кто пытал его людей. А если у него появиться хоть малейшая возможность убить тебя, он в неё зубами вцепится.

— За себя не боишься? — спросил Арзарес. — Вы с ним не очень-то дружны были.

— Хочешь использовать меня как приманку? — ответил маг вопросом на вопрос. — Ничего у тебя не получится. Жизнь, в которой мы враждовали, ныне для Карфота прошлая. Теперь его цель ты и твои люди.

— Значит, я смогу его выманить на себя? — спросил бывший страж.

Бирес не сомневался, что тот захочет рискнуть. Жаль, что придется разочаровать нового главу «лиловых».

— Нет, — ответил маг. — Он догадается, что это ловушка, и даже если увидит, как можно безболезненно тебя достать, не станет этого делать. Предпочтет сначала расправиться с твоими людьми. Захочет, чтоб ты помучился перед смертью.

— Сволочь! — скрипнул зубами Арзарес и ударил кулаком по ручке кресла.

— Не ломай мебель, — попросил Бирес.

Бывший страж кинул на него испытующий взгляд, потом рывком поднялся на ноги и направился в сторону мага. Схватив его за плечи своими огромными руками, он принялся увещевать.

— Ты должен мне помочь! — говорил он, глядя магу в глаза. — Отыщи его для меня, для всех нас. Он предал Хозяев и должен заплатить за это!

Бирес настолько опешил от такого напора, что даже не пытался освободиться.

— А если ты прав, — продолжал Арзарес, — и он еще не задействовал цепочку, то прямо сейчас он может заниматься подготовкой заклятий. Нельзя медлить!

— Успокойся ты! — крикнул уже немного отошедший Бирес. — Отпусти меня, Нергал тебя в бездну!

Арзарес сначала непонимающе посмотрел на него, потом мотнул головой, снял руки с плеч мага и отступил на несколько шагов.

— Прости, — сказал он. — Окунулся ненадолго в поток прежней жизни да и не спал всю ночь, вот и результат.

— Со всеми бывает, — ответил Бирес, подходя к окну. На ярко-голубом небе не было видно ни облачка. В воздухе стоял запах спелых груш, что росли в саду поместья.

До полдня оставался еще колокол.

Скоро Ксарти начнет собирать всех Хозяев на жертвоприношения. Если Карфот с помощью артефактов не освободится от контроля со стороны духа, то и он явится в поместье. Знать бы, что за стержневой предмет он украл, для чего он служит, как действует.

Всё-таки Карун-Ра излишне пренебрежительно отнесся к похищению. Если Карфот избавится от ментального контроля, это наверняка привлечет

внимание Ксарти к этой проблеме. И тогда придется надеяться лишь на крепость астральных двойников.

«А если он попытается его убить», — подумал Бирес, — «последствия могут быть еще хуже. Или предположим, мы с помощью пса отсылаем духа в небытие, а Карфот, понявший что к чему, тут же, прямо в заклинательной зале, задействует свою цепочку».

— Бирес, а вдруг мы ошиблись? — неожиданно сказал Арзарес. — Тогда истинный похититель сейчас совершенно спокойно готовит обряд соединения артефактов или как это называется.

— Перед тем, как действовать, — сказал Бирес, — надо установить, какой артефакт является стержневым для похищенных. Без этого мы рискуем только усугубить ситуацию, вне зависимости от того виновен Карфот или нет.

— Я так не считаю, — ответил бывший страж. — Но подозрения, что ты откажешься мне помочь, пока не прояснишь все детали, у меня имелись. Я этим утром успел покорпеть над архивной книгой сокровищницы и кое-что оттуда выписал.

— Это может помочь отыскать стержневой артефакт? — удивленно спросил Бирес, отрываясь от созерцания небес.

— Да, — сказал Арзарес.

— Что же ты молчал?! — напустился на него бритый наголо маг.

— Полагал, что лучше обойтись без этого, — невозмутимо ответил Арзарес. — На вычисление нужной вещицы уйдет уйма времени. Легче изловить Карфота и под пытками выведать, крал он артефакты из сокровищницы или нет.

— Идти на него вслепую — это риск, — возразил Бирес. — И расплачиваться за возможную ошибку придется по полной.

— Выжидать не менее опасно, — не сдавался Арзарес. — Ладно, использую последнюю попытку тебя переубедить. Если не получится, пойдем ко мне, отдам тебе все наработки.

Бывший страж вынул из сумочки на поясе папирус и протянул его Биресу.

— Здесь указаны даты получения всех артефактов, — пояснил Арзарес. — Все приобретены в последние два года. Как раз, когда Карфота назначали казначеем поместья.

— Интересно, — хмыкнул Бирес, пробегая глазами по тексту. — Очень интересно. Ты выписывал тех, от кого исходили сведения об артефактах и кто выносил прошение о покупке?

— Да, на всякий случай, — сказал Арзарес. — Но поверь мне, и там всё

указывает на Карфота.

— Я должен всё увидеть лично, — едва слышно прошептал Бирес. От волнения его голос выкидывал странные фокусы. — Я почти уверен, что Карфот невиновен.

Арзарес, сам того не желая, умудрился откапать свидетельство того, что бывший глава «лиловых» к похищению артефактов не причастен. Если верить выкладкам Слепца, то вора к активным действиям побудило появление духа в поместье. Часть вещей он, может, похитил и заранее, но остальные точно утащил в последние дни. Потом он нанял вора для инсценировки, организовав дело таким образом, что виновным должен был казаться Карфот. Он и не надеялся оставаться незамеченным, ему требовалось лишь выиграть время для подготовки. Конечно, не совсем ясен смысл комедии с проникновением наемника в сокровищницу. Попытка перестраховаться или желание подставить Карфота? И всё бы у злоумышленника получилось, если б не записи в архивной книге, указывающие на виновность главы «лиловых». Будь Карфот истинным преступником, похитившим артефакты, чтобы избавиться от власти Ксарти, он бы украл первые попавшиеся вещицы с достаточной магической силой. Тот же вор, с которым суждено было столкнуть Хозяевам, действовал не спеша, загодя приобретая вещи для своего набора. Подобное поведение шло глубоко в разрез с привычками Карфота, их Бирес успел хорошо изучить. Главу «лиловых» подставляли и подготовка к этому была проведена приличная, но нескольких штрихов не хватило, чтобы можно было поверить в предательство Карфота.

«Вот еще одна опасность на мою голову», — подумал Бирес. — «Если вор прознает, что я напал на его след, то покушения мне не избежать. И ведь есть все основания бояться. Раз похититель сумел столь тонко организовать «виновность» Карфота, то и к моему убийству он подойдет со всей тщательностью. Тогда надо сделать так, чтобы он ни о чем не узнал, попросить Арзареса молчать... Если только вор — это не Арзарес...»

Бывший страж по здравому размышлению представлялся идеальной кандидатурой на эту роль. В сложившейся ситуации он сориентировался быстрее всех. Он же изловил вора в сокровищнице. Он же требовал помочь ему найти Карфота, который может быть для него опасен. И магический потенциал у него огромный.

Вот только не рассчитал, что озлобленный на Карфота Бирес сумеет его раскусить. Надеялся использовать его ненависть. Но ничего у него из этого не получилось.

Бирес сделал вид, что погружен в изучение деталей предоставленного

списка, а сам тем временем решал, как бы получше спеленать Арзареса. Заклинания надо использовать достаточно замысловатые, чтобы бывший страж не смог их разорвать простым стихийным напором.

И только Бирес собирался выкрикнуть начало формулы, как Арзарес молча развернулся и пошел к двери. Маг глупо смотрел ему в спину, не зная что делать. Он ожидал, чего угодно, но не такого.

Однако жизнь решила, что и такого количества сюрпризов на сегодня недостаточно, и преподнесла магу еще один. Прямо посреди комнаты возник фантомный образ Слепца. Выглядел Карун-Ра и ошарашенным, и взбешенным одновременно.

— Не стой на месте, кретин! — рявкнул он на Биреса. — Двигайся! Ходи!

Сказано это было таким тоном, что магу не оставалось ничего иного, кроме как подчиниться.

— Будь всё проклято! — вещал фантом. — Ксарти начал созывать магов в заклинательную залу. Я ошибся в расчетах. Оказывается, уже колокол назад все Хозяева Сартоса собрались в поместье!

— Что нам делать?! — заорал Бирес. Еще немного и он был готов поддаться панике.

— Не останавливайся! — крикнул в ответ Карун-Ра. — Ксарти может заметить, твой астральный двойник сейчас прикреплен к тебе. Пса мы заколдовать уже не успеем. Остается надеяться, что это не обряд, а нечто иное. Иди в заклинательную залу, Бирес... и молись.

Вот и всё. Фантом исчез.

Бирес словно во сне двинулсь к выходу из комнаты, взгляд его был направлен в пустоту. Шок от услышанного оказался слишком велик. Но на полпути маг начал понемногу приходить в себя. Очередной смертный приговор, уже не первый за несколько последних дней. Что здесь такого необычного? Скорее стоит удивляться тому, что он так близко к сердцу принял весть о нем. Видимо, слишком сильно тешил себя напрасными надеждами.

Коридоры поместья были заполнены спешащими в заклинательную залу магами низших кругов. Бирес подумал, что где-то среди них и Карфот. От «лиловых» он может и сбежал, а вот против Ксарти у него шансов не было. Бирес немного завидовал всем этим лишенным воли людям. Они не понимают, куда идут, а если и понимают, то хотя бы не испытывают соблазна бежать. Карун-Ра даже не стал его предупреждать, чтобы он никуда не рыпался. Подобное означало бы верную смерть. Она, наверное, была бы легче той, что предстояло принять в заклинательной зале, но

отказаться от надежды, сколь бы мизерной она ни казалось, невероятно тяжело. Наверное, это заложено в самой человеческой природе. Головой понимаешь, что гибель неизбежна, а сердцем всё равно рвешься пожить еще немного.

Бирес глядел на лица магов и вспоминал, что он знал о каждом из них. Оказывается, не так и мало. За годы своего пребывания в поместье он успел перезнакомиться почти со всеми его обитателями. Кто-то ему симпатизировал больше, кто-то меньше. Раньше он думал, что на всех них ему плевать, а сейчас чувствовал, что это были самые близкие для него люди. Если бы он только мог хоть что-нибудь для них сделать...

Двери в заклинательную залу были широко распахнуты. Никаких препятствий на пути желающих принять непосредственное участие в человеческом жертвоприношении. Лишь чудовищным усилием воли Бирес заставил переступить себя этот порог. Когда он наконец это сделал и занял привычную позицию, напряжение слегка спало. Маг даже ощутил нездоровую гордость за то, что собрался посмотреть своей смерти прямо в лицо.

К слову сказать, за прошедшие дни она нисколько не изменилась. Тот же молодой стигийский паренек в слегка поношенном доспехе. Разве что вид у Ксарти теперь был еще более самодовольный. Картины прибытия магов он наблюдал с явным удовольствием. Оказавшись на месте, Хозяева обрели частичку воли. Они с видимым опасением косились по сторонам, правда, на Ксарти никто подолгу взгляд не задерживал.

Арзарес, как и предполагал Бирес, пришел в залу еще до него, а вот Карун-Ра пока видно не было. Хотя для этого имелось вполне рациональное объяснение: покой Слепца находились на приличном расстоянии от заклинательной залы. Место Карфота также пустовало. Не повезло, скорее всего, бедняге. Встретил на пути в поместье «лиловых» и не смог выполнить приказа остановиться.

Вот в зале появился и Карун-Ра. Живой Слепец выглядел ни чуть не лучше того фантома, что он прислал в покой Биреса. Оказавшись на месте, альбинос по сторонам крутиться не стал, вперил взгляд в пол и стал ждать.

Вскоре последний из призванных Ксарти Хозяев объявился в пределах залы. Дух отметил это событие широкой улыбкой.

По мановению его руки дверь в залу затворилась.

— Рад вас всех видеть здесь, — поприветствовал дух собравшихся. — Сегодня великий день, будет вершиться история.

Говоря эти слова, Ксарти шествовал от мага к магу, заглядывал им в глаза.

— Этот молодой человек, — произнес дух, приподняв двумя пальцами подбородок одного из Хозяев третьего круга, — очень боится, что не выйдет отсюда живым. И знаете, у него есть все основания испытывать подобные чувства. Я собираюсь принести вас в жертву.

Бирес никак не отреагировал на эти слова. Ничего иного он и не ждал. Хотя надежда даже сейчас теплилась в душе мага.

— Но прежде, — здесь Ксарти выдержал легкую паузу. — Прежде, я немного потешу свое самолюбие. Для людей вы все неплохо разбираетесь в магии и сможете по достоинству оценить моё творение. Я хочу почувствовать ваш восторг, увидеть как он возобладает над страхом смерти. Да и вам приятнее будет умирать, зная что ваши жизни послужат фундаментом для истинного чуда.

Ксарти встал в дальний конец залы, куда во время колдовства сводилась вся магическая энергия. Но, похоже, что на этот раз данная точка была избрана еще по одной причине: она идеально просматривалась с позиции любого из Хозяев. Дух воздел руки вверх и между ними начали мелькать зеленые искры, внешний эффект заклинания «вызыва» высшего порядка. Бирес ожидал, что в зале появится демон из одной из сопредельных сфер, но вместо этого возникла полупрозрачная оболочка существа, похожего на заросшего шерстью человека с головой орла. Выглядел он достаточно противно. Ни уважения, ни трепета не внушал.

Дух обвел многозначительным взглядом всех собравшихся и громко расхохотался, когда сообразил, какую именно реакцию вызвал у магов его питомец.

— Глупцы! — сказал Ксарти. — Дарую вам право заглянуть в его магическую сущность. Смотрите, люди, кто перед вами.

Прежде, чем осматривать оболочку, Бирес прошелся по себе отборнейшими ругательствами. Он чуть было не полез колдовать еще до слов Ксарти. Неужели не мог догадаться, что Ксарти блокировал магические способности Хозяев?! Но медлить с просмотром тоже не стоило.

Бирес аккуратно пропустил внутрь существа заклятье истинной природы... и впечатлился. Перед глазами мага возникла эта тварь в том виде, который она обретет по окончанию обряда. Состоящая из множества миниатюрных демонов, стремящихся к поглощению и воссозданию себе подобных организмов, она была способна переживать за время равное удару сердца около двух сотен перерождений. Твари этой по своей природе надлежало жить охотой. Она уподобиться любому существу и через миг его поглотить.

«Ведь ей, наверное, под силу убить бога», — подумал Бирес.

— Если вы полагаете, — сказал Хозяевам Ксарти, — что я извлек этого питомца из какой-нибудь отдаленной сферы, вы ошибаетесь. Он полностью рукотворен. Его родила моя фантазия, а ваша кровь дарует ему жизнь. Он станет залогом моего пребывания в вашем мире. Сначала я натравлю его на братьев, а затем выдвину ультиматум богам. Они не трогают меня, а он не трогает их.

Глаза Ксарти горели от восторга.

— Люди! — крикнул он. — Вы хоть понимаете, частью чего вам предстоит стать?!

Дух еще раз внимательно изучил лица собравшихся. Иногда довольно улыбался, иногда хмурился. Потом подошел к молодому, двадцати пяти лет от роду, магу второго круга и схватил его за горло.

— Ты, тварь, — сказал он ему, — будешь умирать особенно мучительно. Не допущу, чтоб надо мной насмехались.

Бирес порадовался, что нашелся кто-то, сумевший испортить духу удовольствие.

— Не вижу смысла дальше затягивать, — произнес Ксарти, — наше совместное нахождение в этом мире. Готовьтесь к смерти.

Дух подошел к висевшей в воздухе полупрозрачной оболочке, взял её в руки и аккуратно опустил в круг для заклятия живых существ.

«Не презирает нашей залой, подлец!» — разозлился Бирес. Страха он уже почти не чувствовал, настолько сроднился с ним. — «А презрения к людям на целый сонм богов хватит».

Наверное, многих посетили подобные мысли, потому как Ксарти недовольно посмотрел на магов, скрежетнув при этом зубами. Твари из круга, тем не менее, не убрали. Встав на точку сосредоточения сил, дух принял петь заклятье. Языка, на котором творилась эта волшба, Бирес не знал, но он показался ему чрезвычайно мелодичным и одновременно злым, если вообще это слово можно применять характеризуя речь.

Напряжение среди магов нарастало. Все беспокойно озирались по сторонам в ожидании, когда начнется самое страшное. Не забывали, наверное, и возносить молитвы богам, чтоб не оказаться в числе первых павших.

— А-а-а! — разрезал тишину протяжный крик пожилого мага третьего круга.

Все Хозяева одновременно обернулись к нему. Лицо жертвы исказила гримаса боли. Маг отчаянно махал руками, будто надеялся преодолеть с их помощью заклинание «неподвижности». Затем у него начала трескаться

кожа и стали выпадать волосы. Вопли его сделались просто оглушительными. Стоящие рядом маги закрывали руками уши.

Кончилось всё так же неожиданно, как и началось. Несчастный вдруг начал светиться оранжевым, а тело его стало терять форму, обращаясь в желе. Вскоре от мага осталась только маленькая желтоватая лужица на полу.

Следующим суждено было стать молодому магу тоже из третьего круга. Его Бирес хорошо знал, сын одного видного стигийского военачальника, присланный в Сартос на обучение. Довольно талантливый парень. Был. Он в точности повторил судьбу своего предшественника и после долгих мучений обратился в лужу.

Потом был маг второго круга. За ним пятеро из третьего. Затем снова второй.

Смотреть на это сил ни у кого не оставалось. Люди отворачивались и затыкали уши. Многие умоляли Ксарти выбрать их следующими. Бирес не знал, исполнял ли дух эти просьбы, он тоже не смотрел.

И тут неожиданно наступила тишина. Нет, Ксарти продолжал петь своё заклятье. Но стало это заметно лишь потому, что стихли крики.

«Закончилось?» — встрепенулся Бирес и натолкнулся взглядом на стоящего от него по правую руку Арзареса.

Лицо бывшего стражника заливалась кровь. Но он стоял молча, закусив губу, и сверлил своими черными глазами духа. Голова Арзареса раскачивалась из стороны в сторону. У него, похоже, просто не хватало сил держать её прямо. Кожа стражи пошла трещинами, а он по-прежнему молчал.

«Кричи!» — мысленно призывал его Бирес. — «Наплюй на ублюдка! Не мучайся, не стоит он этого».

Магу стало безумно гадко, что он совсем недавно подозревал Арзареса в измене. Сейчас он бы отдал за него жизнь. Бывший страж боролся с духом, как мог, как умел. Силой воли.

Уже ни одного живого места не осталось на Арзаресе, а он всё еще молчал. Он дождался того момента, когда его плечистую фигуру объял оранжевый свет, и слегка раздвинул уголки израненных губ в улыбке. В своей битве он одержал верх.

После этого многие маги старались повторить подвиг Арзареса. Некоторым удавалось продержаться достаточно долго, но до конца жертвоприношения не дотягивал никто. Бирес мысленно готовился к тому, чтобы тоже принять этот бой. На победу он не наделся, но попытаться стоило.

Однако следующим магом первого круга, принесенным в жертву питомцу Ксарти, суждено было стать не ему, а Слепцу. Вот только Карун-Ра просто так сдаваться не собирался.

Альбинос коротко вскрикнул, как если бы обжегся обо что-то горячее, когда его коснулась магия духа Камня. Потом сделал шаг вперед и послал в сторону Ксарти ответное заклятье.

Бирес тут же перешел на магическое зрение. Внешние эффекты при столкновении магии такой силы обычно совсем не показательны.

Пять нитей шли от Слепца к духу Камня. Они одновременно стремились удушить его и разорвать на части. Большая же часть энергии Ксарти была направлена к рожденному его изощренным умом охотнику за братьями. Альбиносу он отвечал лишь в десятую часть силы. И то чудо, что Карун-Ра еще держался. Дух старался сдержать движение нитей, что оплетали его конечности, одновременно насылая на Слепца подрывающие силы заклятья. Тот пока успевал отводить их в сторону, но напор со стороны Ксарти усиливался.

Тогда Карун-Ра преобразовал структуру своих нитей. Бирес до этого момента считал подобное невозможным. Ментальная магия в мгновение ока превратилась в стихийную. Дух, похоже, тоже не ожидал такого от человека. Вопль боли раздался в мире вещественном, когда в магическом нити прожгли грудь Ксарти. А Карун-Ра продолжал атаковать. Его оружие вновь подверглось метаморфозам. Теперь оно обрело жизнь. Тысячи жучков проникали под кожу духа сквозь рану в груди. Превозмогая боль, Ксарти обрушил на Слепца град ударов. В дело шла в основном стихийная магия, защиту против которой выстраивать тяжелее всего. Бирес мысленно похоронил альбиноса, но тот вскрывал все новые резервы сил и отбрасывал прочь сгустки энергий. Жучки же продолжали пожирать тело Ксарти, и дух вынужден был отвлечься, чтобы изгнать их из своего тела. Карун-Ра воспользовался этой передышкой, чтобы нанести свой решающий удар. Из руки мага вылетела стрела, что сначала показалась Биресу ледяной, но потом он различил, что она состоит из того же вещества, что и Ксарти. Дух это тоже быстро осознал и испугался не на шутку. Прежде, чем стрела приблизилась к нему, он успел поставить на её пути с десяток препятствий, но все они разлетелись вдребезги. И когда снаряд уже находился у самой его груди, Ксарти попытался защититься с помощью потока, направленного к охотнику.

Стрела растворилась в сгустке магической энергии, но и охотника, оставшегося без подпитки постигла та же участь. Он покинул мир Хайбории, так толком и не родившись.

Бирес мысленно зааплодировал Слепцу. Ценой своей жизни он сумел предотвратить воплощение твари, заставил Ксарти использовать все силы для спасения своей жизни. Оставалось надеяться, что Карун-Ра успеет покончить с собой прежде, чем дух Камня лишит его такой возможности. В обратном случае Слепцу оставалось только посочувствовать.

Однако вновь маг ошибся со своим прогнозом. Карун-Ра продолжал атаковать, осыпая Ксарти заклятьями такой силы, по сравнению с которыми его изначальные нити казались детской забавой. Бирес перестал вообще что-либо понимать. Дух тоже сначала, казалось, был немного обескуражен, но потом начал отвечать альбиносу. Вот только делал он это не очень удачно, надеясь больше на силу, а Слепцу хватало умения уклоняться и отводить удары.

В какой-то момент у Карун-Ра вновь прошел трюк с преобразованием магии стихийной в животную. Три мелких грызуна с несколькими рядками острых зубов бросились на Ксарти, стремясь добраться до его сердца, печени и желудка. Дух Камня попытался обратить их в пепел, на Карун-Ра вздиг надежную защиту для зверьков, которая выдержала и этот, и все последующие удары. Тогда Ксарти решил добраться до самого альбиноса. Он жег его, лишил воздуха, травил ядом, но Слепец упорно цеплялся за жизнь и продолжал поддерживать силы в магических зверьках. И вот первый из них пожрал печень духа. Ксарти взвыл и попытался покинуть тело стигийского стражника, но на него обрушилось заклятье, заготовленное альбиносом специально для такого случая, и зашвырнуло его обратно. Он тут же создал молот, что пробил бы отверстие в щите Карун-Ра, но применить его не успел. Два оставшихся зверька добрались до его сердца и желудка.

Так умер Ксарти, дух Камня.

Бирес стоял с открытым ртом, будучи не в состоянии поверить в увиденное. Карун-Ра сумел в одиночку одолеть Ксарти. И сделал он это, опираясь лишь на свои силы. Бирес посмотрел на обессиленного Слепца, лежащего на полу заклинательной залы, и испытал восхищение... и страх.

Вскоре пришло и понимание того, что он должен сделать. Нельзя позволять оставаться в живых магу подобной силы. Неизвестно, к чему он приложит свои способности и чем это обернется для мира. За прошедшую седмицу Бирес научился ценить равновесие и порядок. Как бы он ни относился к Слепцу, сейчас его долг состоит в том, что бы лишить альбиноса жизни.

— Прочь! – рявкнул Бирес на застывших, как истуканы, магов.

Те будто только и ждали его команды. Растирая друг друга локтями,

они рванулись к выходу из заклинательной залы.

Дождавшись когда последний из Хозяев покинет комнату, Бирес медленно подошел к тяжело дышащему альбиносу. Он лежал с открытыми глазами, на губах блуждала блаженная улыбка.

— Я сделал это, Бирес, — прохрипел он.

— Ты молодец, — ответил ему дрожащим голосом лысый маг.

Затем он опустился перед ним на колени, положил ладони на горло и начал душить. Глаза Карун-Ра округлились, ослабевшими руками он старался отпихнуть Биреса прочь, но силы были не равны.

В этот момент Бирес старался ни о чем не думать, вообще отрешиться от происходящего. Надо сделать дело, а слезы лить можно будет потом.

Карун-Ра уже было затих и прекратил сопротивляться, когда некий незримый враг отшвырнул Биреса в противоположную часть заклинательной залы. Маг при этом очень неудачно ударился левой рукой о стену.

«Точно перелом заработал», — между делом подумал Бирес.

Но превозмогая боль, он всё же поднялся на ноги. Слепцу неведомым образом, не прибегая к помощи звуков, обессиленному, удалось создать защитное заклятье! Его надлежало убить, во что бы то ни стало.

Бирес наколдовал большой огненный шар и послал его в сторону Карун-Ра. Хорошее, надежное заклинание. Температура у магического пламени обычно не высокая, но Слепцу должно было хватить. Альбинос постарался увернуться, но не сумел. Часть шара задела его, опалив кожу и волосы.

Карун-Ра кричал, будучи не в состоянии вытерпеть боль от ожогов.

— Что же ты сопротивляешься?! — крикнул Бирес. — Я не желаю тебя мучить!

Он попытался остановить сердце слепца, но тот сумел перехватить смертоносное заклинание. Тогда Бирес решил прибегнуть к более сложной магии. По примеру Ксарти он начал накапливать яды в воздухе вокруг Слепца. Карун-Ра отреагировал, но не сразу, часть отравы попала ему в легкие. Альбинос зашелся в приступе кашля.

Биреса вновь обуяла жалость к старому товарищу, и он поспешил поскорее прекратить его страдания, прибегнув к простым, но действенным стихийным заклятьям. Делать этого, как выяснялось, не стоило. Разрушать сложные магические конструкции Слепец пока еще не мог, а вот с элементарными ужеправлялся. Три потока стихийной энергии, отраженные, помчались назад к Биресу. Разрушил их он без труда, зато не разглядел укрытого среди них ментального, вызывающего паралич

заклятья. Единственное, что успел сделать Бирес, это уменьшить его длительность.

Теперь оставалось только ждать.

Сколько времени прошло, прежде чем к нему приковылял Карун-Ра, Бирес не знал. Ориентироваться было совершенно не по чему. На лице Слепца имелся достаточно красочный след от огненного шара, дышал Карун-Ра еще тяжелее, чем тогда на полу, к тому же, то и дело кашлял.

— Зачем ты пытался меня убить? — спросил альбинос. В голосе его слышалось искреннее удивление.

К Биресу вернулась способность говорить, и он решил, что должен ответить.

— Ты стал слишком силен для этого мира, — сказал маг. — Если ты одолел Ксарти, то кто устоит перед тобой...

— Он слишком много энергии потратил на охотника, — возразил Карун-Ра. — Я лишь воспользовался его временной слабостью. Опомнись, Бирес! Мы же всегда были вместе.

— Не хочу врать тебе, — сказал Бирес. — Если освободишь меня, я постараюсь тебя прикончить. Пока есть шанс... Где границы твоих возможностей, кто знает...

— Я не о магии тебе говорю, — настаивал Слепец. — Ты же знаешь меня, как человека. Неужели я настолько плох, что заслуживаю смерти?! Что я сделал не так?

— Ты украл артефакты, — ответил ему Бирес, — и подставил Карфота.

— Они нужны мне, — не стал вдаваться в подробности Карун-Ра. — И мне жаль, что так получилось с Карфотом. Это случайность, я вовсе не желал ему зла.

— Видишь, — сказал Бирес, — ты уже сейчас играешь чужими судьбами. Я своей позиции не изменю. Можешь меня убить.

— Не буду! — оскалился Карун-Ра. — Даже не подумаю! Ты мой друг, а заблуждения это временное...

Бирес промолчал. Просить о смерти он не собирался. Когда сойдет паралич, он сделает всё, чтобы поскорее отправить Слепца на Серые Равнины.

Сначала чувствительность вернулась к пальцам ног и от них начала поступательное движение наверх. Кое-как поднявшись, Бирес побрел к выходу из заклинательной залы. Для надежности он правой рукой опирался о стену, левая болталась плетью. В таком состоянии запертая дверь могла оказаться серьезным препятствием, если бы не возможность использовать

магию.

Бирес прошептал заклятье, и дверь нехотя начала отворяться.

За ней обнаружилось десятка три Хозяев из нижних кругов. Все выглядели ошарашенными, испуганными и явно ожидали продолжения неприятностей. Бирес не собирался их разочаровывать, но для начала следовало прояснить некоторые детали.

— Куда направился Слепец? — спросил он.

Ответом ему явилась тишина в обрамление удивленных взглядов.

— Такой сложный вопрос? — поинтересовался Бирес.

— Карун-Ра не покидал заклинательной залы, — промолвил наконец один из магов второго круга.

— Проклятье! — прощедил сквозь зубы Бирес.

Значит, альбинос воспользовался искаженным пространством. Переместился в свою любимую белую комнату.

— Ладно, — обратился Бирес к магам. — Слушайте меня все и передайте остальным! Карун-Ра оказался предателем, которого надлежит изловить и предать смерти. Поняли?!

— Но он же убил духа, — удивился всё тот представитель второго Круга. — Кого он предал?

— Всех нас! — ответил Бирес. Объяснять остальным истинные причины, по которым альбиносу дальше жить нельзя, он не собирался. — Он был с самого начала заодно с Ксарти! Или вы думаете, что человек способен в честном бою победить существа подобной силы. Я попытался уговорить Слепца сдаться Черному Кругу, но он оглушил меня и сбежал в искаженное пространство.

Маги внимательно слушали. Бирес и сам не ожидал подобного успеха.

— Вы, наверное, знает об ограблении сокровищницы, — продолжал он. — Но вам известна лишь часть правды. На самом деле было украдено более десятка артефактов. И это тоже дело рук Карун-Ра. Сегодня утром Арзарес предоставил мне убедительные доказательства его вины. Вместе мы собирались установить, какой же артефакт является стрежневым для похищенных. Но в виду всем известных причин сделать этого не успели.

— Для чего Слепцу это могло понадобиться? — сразу несколько младших магов заинтересовались мотивами альбиноса.

— Узнаем это тогда, — ответил Бирес, — когда установим основной артефакт в цепочке. А для этого нам нужно проникнуть в комнату к Арзаресу, у него там хранилась подборка выписок о похищенном. И еще. Нам нужно спешить!

Бирес подумал, что со Слепца вполне станет догадаться, кто мог

навести его на мысль о подлинном похитителе. Значит, он тоже не преминет заглянуть к Арзаресу в гости. Одна надежда, что сил у него осталось немного. В белую комнату он, наверняка, сбежал отлеживаться. Так что небольшой запас времени имелся.

— Пятеро из второго круга, — начал раздавать конкретные приказы Бирес, — и пятеро из третьего отправятся со мной взламывать дверь Арзареса. Шестеро тех и других отправятся в сокровищницу. Двое принесут оттуда нам побольше «идеальных ключей», остальные останутся сторожить. Если увидите Карун-Ра, бейте без предупреждения. Всех касается!

Еще около двух десятков магов осталось незанятыми. Их Бирес разбил на пары и приказал патрулировать поместье. Если натолкнутся на других спасшихся из заклинательной залы, то им все рассказывать и приставлять к делу.

«Что я делаю?» — думал Карфот, ведя младших магов к комнате Арзареса. — «Собираюсь убить лучшего друга, который нам всем жизнь спас... В кого же я превратился?»

Глава 3. «О жизненном интересе»

— Сколько можно?! — возмущался Харольд. — Сначала Хирон, теперь Кри и Орч.

— Я их никуда не выгонял, — оправдывался Бруан, сохраняя самое невинное выражение лица.

— Ты позволил им уйти! — на взгляд старого некроманта это были ни чем не лучше.

— Разумеется, — ответил дух Камня. — Я в отличие от братьев и отца никогда ни кого ни к чему не принуждаю, если это только не делает мир вокруг меня чуточку интересней. Ощущение власти само по себе меня совершенно не прельщает.

Разговор этот происходил на восьмой послеполуночный колокол в комнате Бруана, которую ему любезно предоставил один из его братьев. Харольд, кстати, представлял его совершенно другим. Коратцо оказался вежливым уравновешенным существом, вовсе не одержимым безумными идеями или жаждой крови. О помощниках его некромант не мог сказать ни плохого, ни хорошего. Они вчера, по большей части, помалкивали.

Впрочем, перекинуться парой слов с Коратцо и его подручными маг успел и сегодня. Харольд заходил к ним спросить, не видели ли они его зомбей. Рыжий ответил, что некоторое время назад имел беседу с Орчем, ни после этого с ним не сталкивался. Остальные тоже не знали, где могут находиться живые мертвецы.

Пропажу их Харольд обнаружил, когда отправился в комнату к Орчу, посмотреть, как дела у бывшего конфидента. Не обнаружив зомби на месте, решил заглянуть к Кри на случай, если мертвецы вздумали поразвлечься. Но и там было пусто. Проверив весь дом, Харольд приступил к опросу его обитателей. Бруана он оставил напоследок.

— Это жестоко по отношению к ним, — настаивал Харви.

Дух Камня загадочно улыбнулся.

— Ты правда так считаешь? — спросил он у некроманта. — Посмотрим, изменится ли твое мнение, скажем, к полудню.

— На что ты намекаешь? — Харольд не успевал разобраться в хитросплетении мыслей безумца.

— Ты всё увидишь сам, — сказал Бруан. — Я очень ценю то, что ты отправился со мной в Сартос, и собираюсь вознаградить тебя. Мне хочется, чтобы ты вспомнил, что такое жизнь. Ты же не всегда влачил серое существование.

— Ты знал, что я отправлюсь их искать, — догадался Харольд. — И чего же интересного ты подготовил для меня в городе?

— Ничего, — улыбнулся безумный дух. — Ты сам найдешь, чем заняться. Выбор сегодня будет огромный.

Некромант понял, что нормального ответа ему от Бруана не добиться. Собственно, поэтому он и откладывал до последнего разговор с ним.

— Я пойду, — сказал Харольд.

Он волновался за Орча и Кри. Это Бруана все эти перемены забавляют, а остальным с этим всем потом еще жить. Страшно подумать, во что могут превратиться его зомби.

— Постой! — окликнул его дух. — Я с тобой.

В два прыжка Бруан догнал, идущего к двери Харольда.

— Я запретил брату и его друзьям, — сказал безумец, — покидать дом раньше меня. Им предстоит сыграть весьма важную роль, и я не хотел, чтобы они раньше времени погибли ненароком. Но теперь, мне кажется, уже пора выпускать их на арену.

Харольда посетила мысль, что, скорее всего, уже сегодня всё это безумие закончится. Бруан старательно выверял время и место, расставлял фигурки по своим местам и готовился насладиться представлением. А что дальше?

«Он и сам не знает», — подумал Харви. — «Слишком любит неопределенность».

День, которому надлежало стать роковым, оказался солнечным. Со стороны моря дул сильный, порывистый ветер. Бруан улыбался, глядя как он лохматит его волосы.

Прощаться дух и некромант не стали. Безумец направился в сторону порта, а Харольд решил побродить немного вокруг дома. Магу не давали покоя слова Бруана про отношение к зомби. Скорее всего, дух подразумевал, что с ними должны произойти какие-то изменения. Хотя сам-то Бруан знал, какие именно.

Харольд расспрашивал прохожих, не видели ли они, кого-нибудь похожего на Орча и Кри, но те в ответ лишь качали головами. Похоже, зомби ушли из дома еще несколько колоколов тому назад.

«Жаль, не спросил об этом у Бруана», — сокрушался маг. — «Он бы ответил».

Оставалось одно средство. Испытанное, верное, но, как показал вчерашний опыт, неприятное в использовании. Речь шла о заклинании «поиска мертвый плоти». Отвращение к некромантии в Харольде по-прежнему было достаточно сильно, но теперь он хотя бы знал, каких именно эффектов следует ожидать. На этот раз он не позволит заклинанию распасться, да и цели у него не столь быстроногие как Хирон. Им тоже, кстати, надо будет заняться, но это в последнюю очередь.

Колдовать Харольд ушел в тень одного из домов. Солнце отрицательно влияет на большинство заклятий некромантии. Конечно, хорошо было бы отыскать еще и безлюдное место, но Харви города не знал и проблуждать в поисках такового мог с колокол, а то и больше. Прохожие оборачивались на него, когда слышали, что старик у стены что-то бормочет на непонятном языке, но неизменно проходили мимо.

Заклинание получилось вполне крепкое. Образ мог выйти и почетче, но хотя бы исчезать никуда не спешил. Образовалась, правда, одна несуразица. Если верить магической картинке, то живых мертвецов в Сартосе находилось не три, а четыре. Бруан был не в счет, его Харольд сознательно исключил из заклятия «поиска». Понять, кто из представленных зомбей Хирон, труда не составило, но вот трое оставшихся друг от друга отличались слабо. И Харви, не мудрствуя лукаво, решил идти к ближайшему.

Определившись с направлением, некромант отодвинул картинку заклятия на задний пласт сознанию. То есть просто стал поддерживать её энергией, но сверяться с ней каждое мгновение не сверялся. Он помнил слова Бруана, что выбор, чем заняться, в городе будет огромный. Это вполне могло означать, что опасность может подстерегать за каждым углом.

Харольд твердо решил для себя, что после того, как отыщет зомби, немедленно покинет Сартос. С эффектами, полученными от Бруана, можно будет как-нибудь разобраться и у себя в поместье. Оставаться здесь дальше, казалось, магу слишком опасным.

«Поздно я зашевелился», — ругал себя Харольд. — «Не успею выбраться из этого котла. Один бы успел, а когда мертвецов найду поздно уже будет. Хотя и сейчас уже, наверное, поздно».

Последняя мысль посетила некроманта в тот момент, когда он увидел перед собой толпу бурно спорящих горожан. Собралось их человек тридцать прямо посреди улицы, и все что-то кричали друг другу. Разобрать отдельные слова в таком галдеже возможным не представлялось.

Харольд предпочел обойти спорщиков стороной.

Но не тут-то было. Из толпы высунулся щуплый мужичок лет сорока и

схватил некроманта за грудки.

— Зачем ты, гад, девочку снасильничал?! — заорал он на Харольда. — И почему один? Почему нас-то не позвал?

Говорить с таким толку не было. Харви бросил простенькое заклятие «близости смерти», и мужичок отскочил от него, как от прокаженного. Эффектная магия. Жертве кажется, что заклинатель собирается её прикончить прямо здесь и сейчас, но главное, она верит, что это у него получится.

— С ненормальными тоже срабатывает, — пробормотал себе под нос Харви и пошел прочь.

Из толпы выдвинулись в его сторону еще двое таких же нездоровых мужиков, и некромант ускорил шаг. К счастью, гнаться за ним они не решились и вскоре забыли о его персоне.

Харольду не раз и не два попадались такие вот сумасшедшие. Буйных среди них было мало, большинство, предпочитало ограничиваться словами и не доводить дело до рукоприкладства. Встречались и те, чье сознание съезжало в сторону полного отрещения от мирских проблем. Они брели, казалось, сами не зная куда, с пустыми ничего не видящими глазами. Из чистого любопытства Харви обратился к одному из них с приветствием. Тот, вопреки ожиданиям некроманта, ответил ему и даже поинтересовался состоянием дел мага. Но говорил он совершенно безо всякого выражения, словно это и не человек вовсе, а кукла.

Однако в большинстве кварталов безумие никак не касалось людей. Там Харольда окружали доброжелательные улыбки торговцев, жалостливые гримасы попрошаек и хмурые лица простых прохожих. Находясь здесь, некромант всерьез задумывался над тем, уж не он ли сам всех ненормальных выдумал.

«Это было бы слишком просто», — отвергал это предположение Харви. — «Списать всё на игры воображения. Нет, это Бруан постарался»

Однажды маг забрел на уличку, где нормальных людей уже не осталось. Все они позапирались в своих домах, и Харви полностью одобрял такое их поведение. Агрессивно настроенные безумцы здесь не тратили времени и сил на бестолковые споры. Часть из них устраивала междусобойные потасовки. Другие же, наоборот, объединялись в группы и крушили всё вокруг, не брезгую и избиением одинокого прохожего. Харольду вновь пришлось прибегнуть к помощи магии, чтобы отделаться от них.

Но вот прошел колокол, и волна безумия откатила от Сартоса. Лишь редкие горожане несли на себе его отпечаток. Харви догадывался, что это

лишь зтишье перед следующим ударом. Сколько оно продлиться, одним лишь богам известно.

К этому времени некромант почти настиг первого из мертвецов.

Обиталищем своим зомби выбрал место безлюдное. И дома окрестные иным словом, кроме как лачуги, язык не поворачивался назвать. В одной из них живой мертвец и прятался. Харви приблизил к себе магическую картинку «поиска» и начал аккуратно продвигаться в направлении избранной цели, боясь проскочить нужный дом.

И когда до зомби рукой уже было подать, его символ пропал из заклинания. Мертвецов вновь, как и положено, оказалось трое. Только для Харольда это утешение было слабое.

— Будь всё проклято! — ругался некромант. — Умудрился выбрать не того!

Со злости Харольд пнул валявшийся под ногой камешек. Тот отлетел к дверному проему одного из домов. Оттуда высунулась рука и подняла снаряд. Вслед за ней показались и остальные части тела Орча.

— Не меня ищешь? — спросил он у Харольда.

— Сет! — воскликнул некромант. — Как же я не догадался? Ты просто перешел в другое состояние, вот заклятье и перестало тебя замечать.

— Не объяснишь мне, — попросил Орч, — что я здесь делаю? Ты ведь занимался тем, что искал меня, так?

— Я проснулся утром, — ответил Харольд. — Хотел поговорить с тобой и обнаружил, что вы с Кри пропали. Бруан отказался говорить, куда вы направились, вот и пришлось воспользоваться магией. Хорошо, что ты только сейчас стал человеком, иначе я бы ни за что не нашел тебя.

— Значит он жив? — спросил бывший конфидент.

— Бруан? — не понял Харольд, но Орч кивком показал, что предположение правильное. — Живее некуда. Отправился куда-то к морю очередные гадости творить.

— Удивительно, — сказал Орч и начал ощупывать своё тело. — Я ведь снова стал человеком, настоящим, живым.

— Уверен? — поинтересовался Харви.

— Более чем, — ответил Орч. — Это ни с чем не спутаешь. Получается, что ванир ошибся, и я вовсе не скатился к полужизни. Великолепно!

— Сигурд сказал мне, — заметил некромант, — что вы с ним вчера беседовали.

— Он собирался убить Бруана, — сказал Орч. — Я решал, стоит ли мне вмешиваться. В конце концов, ванир убедил меня остаться в стороне. Хорошо, что у него ничего не вышло. Теперь я жив полностью и

совершенно! Хвала Бруану!

— Погоди бросаться такими словами, — Харольд духу Камня не доверял.

— Почему? — удивился Орч. — Он вырвал меня из лап небытия, а до того, умышленно он это сделал или случайно, мне нет никакого дела.

— Помолчи, пожалуйста, — попросил маг своего ожившего подопечного. — Я что-то чувствую.

Одним из основных плюсов анимагии является то, что после занятий ею у колдуна появляется некое сродство с природой. Он чувствует духовную сущность зверей, птиц, рыб и даже деревьев без обращения к заклятьям. Чем опытней маг, тем сильнее развито в нем это свойство. Когда-то Харольд был очень хорошим анимагом, и сейчас вместе страстью к этому искусству к нему вернулась и способность ощущать живое.

— Орч! — обратился он к бывшему зомби. — Надо уходить отсюда и побыстрее!

Харви на удивление резво для своего возраста побежал в сторону заката. Орч последовал за ним.

— Что произошло? — поинтересовался он у мага на бегу.

Некромант очень боялся сбить дыхание, но всё-таки ответил.

— Я понял, — сказал он, — почему Бруан направил тебя именно сюда. Не спрашивай больше ни о чем. Беги!

Маг переставлял ноги так быстро, как мог, но понимал, что этого недостаточно. У более молодого Орча, конечно же, сил было в разы больше, но он умышленно держался рядом с некромантом. Харольд хотел приказать ему бежать вперед в одиночку, но не успел. Из боковой улочки перед ними выскоцил первый представитель тех, кого почувствовал Харви.

Пес глухо зарычал и начал надвигаться на людей. Шерсть на загривке стояла дыбом, рот был в пене. И без магии было понятно, что этот образчик животного мира страдает от бешенства.

«Всё-таки схватки не избежать», — подумал Харольд. — «Бруан решил посмотреть, какой из меня анимаг, и добился своего».

Для начала Харви воспользовался одним из элементарных заклятий этой школы магии, «ощущением». Нюх, зрение и слух некроманта усилились в несколько раз. Теперь он мог следить за передвижениями всей собачьей стаи, а она была не маленькой. Десятка два особей обоих полов.

Первый пес тем временем приблизился и изготовился к прыжку. Харольд не позволил ему этого сделать. В анимагии существуют заклятья, созданные специально для взаимодействия с конкретными видами животных. Так, на кошку сотворенная только что волшба не оказала бы

никакого действия, а пес благополучно скончался.

«Молодец, Харольд», — похвалил себя маг.

Но долго праздновать победу ему не позволили. Одновременно двое собак спереди и одна сзади бросились на людей. Орч, к счастью, догадался встать к Харольду почти вплотную. Этих псов некромант прикончил тем же заклятьем, что и первого. Но к ним уже подоспела смена. Десяток собак позади людей и почти столько же перед ними.

Перебить их всех Харольд не успевал. Спеленав сознание четырех собак, он заставил их напасть на своих собратьев. К сожалению, всеобщей своры не получилось. Хвостатые твари стремились достать именно людей. Троек собак одновременно взметнулись в воздух. Двоих Харольд успел прикончить в полете, но последняя достигла своей цели и вцепилась зубами Орчу в плечо. Некромант только хотел её скинуть, как на него набросилось еще три пса. Из последних сил Харольд отбил их атаку. Перед уже ним собралась внушительная гора собачьих трупов.

А бедного Орча рвали на части три представителя стаи. К ним мчались на подмогу еще две бешеные твари. Столько же напало на смеившегося в сторону во время схватки некроманта. И их постигла участь собратьев.

Это были последние, если не считать тех, что грызли труп Орча. Харольд стоял, прислонившись спиной к одному из домов, и наблюдал за кровавой трапезой. Сил колдовать у него уже почти не осталось. Он собирался ударить только, если псы нападут первыми. Но те упорно не желали обращать на него своё внимание.

Харольд догадывался, что если он решит уйти, его, скорее всего, отпустят. Однако бросить здесь Орча он не мог. Когда маг понял, что сможет сотворить волшбу, он атаковал. Заклинание вышло на редкость удачным. Все пять псов упали замертво.

Подойти поближе к Орчу некромант не решился. Догадывался, что именно он там увидит.

— Прощай, друг, — обратился он к своему почившему подопечному. — Сначала ты обрел жизнь, а теперь и смерть. В любом случае, это лучше того состояния, в котором ты пребывал. Пусть твоей душе будет легко на Серых Равнинах.

Маг произнес заклинание «стихийного огня», и труп Орча скрылся в языках пламени. За полколокола он должен был обратиться в пепел.

Харольд глубоко вздохнул, вытер рукавом нечаянную слезу и побрел прочь.

Он думал, что было бы, направься он по другому ориентиру. Скорее всего, псы так или иначе напали бы на бывшего конфидента. Харольд

вспомнил, что вчера братья-духи говорили о влиянии Бруана на животных. Безумец рассказывал, что те собаки, которые не убегают прочь при его появлении, вскорости бесятся, сбиваются в стаи и устраиваются жить в пустынных местах, вроде этого.

И сюда Бруан послал Орча именно из-за того, что как-то прознал о возрождении в Харольде страсти к анимагии. Ему показалось забавным устроить испытание. Что-то подобное, наверняка, ждало его и у Кри. А может даже и у Хирона.

Маг решил посмотреть, живы ли они. Заклинание «поиска мертвый плоти», как ни странно, все еще работало. Зомбей в Сартосе по-прежнему, после возрождения Орча, наблюдалось трое. Бегающий Хирон и еще двое, одна из которых Кри.

На этот раз Харви решил действовать от противного и пойти к дальнему мертвецу, надеясь тем самым внести разлад в планы Бруана, хоть и догадывался, что в данном случае задача практически не выполнима.

Выбравшись в людные места, Харви испытал заметное облегчение. Нападения еще одной стаи он бы уже не выдержал, а чутье подсказывало, что эта была не единственная. Люди к этому времени уже полностью избавились от следов безумия и, похоже, даже не подозревали, что оно вообще их касалось. Харольд изо всех сил заставлял себя не думать о том, что это спокойствие воцарилось очень ненадолго.

То и дело некромант обращался к заклятью «поиска». Он беспокоился, как бы что не случилось с Кри и Хироном, пока он к ним идет. К сожалению, о состоянии, в котором пребывали искомые мертвецы, заклинание оповестить не могло.

Получилось так, что по дороге к дальнему зомби, Харольд оказался от ближнего на расстоянии всего в несколько кварталов. Искушение изменить маршрут было очень велико, но воспоминания о ловушке, подстроенной Бруаном для Орча помогли преодолеть соблазн.

Один раз некроманту показалось, что в конце улицы, по которой он шел, мелькнула фигурка Хирона. Харольд сверился с заклятьем и убедился, что зрение его не подвело, однако преследовать быстроного зомби не решился. Вчера тот подходил и на более близкое расстояние, да и до Кри уже идти было всего ничего.

Дом, в котором засела прекрасная зомби, маг обнаружил уже в следующем квартале. Строение это было каменное, одноэтажное. Его можно было бы назвать непримечательным, если бы не толпа у входа, что живо напомнила некроманту те, которые он видел в начале сегодняшнего путешествия.

Казалось разумным постоять и послушать, о чем говорят эти люди, но маг слишком волновался за судьбу Кри, чтобы ждать. Помогая себе локтями, некромант пробирался сквозь толпу к двери. Но оказалось, что сдерживать его особо никто не собирается, люди в дом попасть не стремились. Однако стоило Харольду оказаться внутри, как перед ним возник огромный человек с лиловой повязкой на рукаве.

— Стой, — сказал он Харольду. — Дальше нельзя.

Спорить у некроманта желания не было, и он использовал на здоровяке заклятье «онемения мышц». Магия сработала со скрежетом. На парне, видимо, висела хорошая защита. Повезло, что энергии для заклинания Харольд не пожалел. Охранник зашатался, сделал шаг назад, а потом свалился кулем на пол. С четверть колокола должен был провалиться.

С улицы произошедшего видно не было, так что Харви спокойно двинулся внутрь дома. Там суетилось еще с десяток людей с повязками. На Харольда они внимания не обращали, были уверены, что посторонний внутрь не пройдет. Некромант шел вперед по узкому коридору, заглядывая то в одну, то в другую комнату. Судя по обстановке, в доме располагался довольно дешевый притон. Становилось понятно, отчего Кри направилась именно сюда.

За очередным поворотом обнаружилось четверо людей с повязками. Эти были спокойны, стояли около одной из дверей и чего-то ждали. Когда Харольд приблизился к ним, самый старший протянул ему руку.

— Некромант? — спросил он.

— Некромант, — ответил Харольд, пожимая ему ладонь.

— Хорошо, что вы так быстро, — сказал человек в повязке. — Обычно по колоколу ждать приходится. Проходите внутрь. Мы останемся здесь.

Харви не смущало, что его перепутали с кем-то другим. Это шанс добраться до Кри, и надо им пользоваться.

От открывшейся за дверью картины некроманту стало плохо. На кровати напротив двери сидела его прекрасная обнаженная подопечная и гладила своё тело, а у стен были свалены десятки трупов. У правой лежали мужчины, у левой — женщины. Одежды на них также не наблюдалось.

Кри узнала Харольда и начала ему заискивающе улыбаться.

— Что же ты наделала, дурочка? — опавшим голосом спросил Харольд.

Зомби оторвала правую руку от своей груди и стала указательным пальцем подзывать некроманта к себе, не прекращая ни на миг улыбаться.

— Бедная, — проговорил Харольд, глядя на неё.

Следующими его словами стали те, что составляли начало формулы заклятия «упокоения».

Подобие жизни постепенно оставляло Кри. Она опускалась все ниже и ниже на кровать, и до последнего мига не отводила от Харольда полный обожания взгляд. Когда всё было закончено некромант подошел к своей подопечной, присел рядом и начал ласково гладить по волосам.

Из-за двери стали интересоваться, всё ли в порядке. Упокоение слишком затянулось, и Харви понимал это. Он аккуратно прикрыл глаза зомби и вышел из комнаты.

— Я всё сделал, — сказал он людям в повязках и не прощаясь зашагал прочь по коридору.

На выходе из дома Харольду захотелось пнуть здоровьяка, которого так до сих пор никто и не заметил, и он решил не отказывать себе в удовольствии.

Двое из трех его питомцев были мертвые. Как ловить третьего некромант, и представления не имел. Перспектива повторить вчерашний опыт с беготней по всему городу не внушала Харольду оптимизма.

«Странно, что всё так получилось», — думал некромант. — «Ведь Бруан по своей природе существо не злое, просто он страшно любит яркие жизненные моменты. Спаси я Орча от стаи бешеных псов, это выглядело бы очень красиво. И Кри, наверное, можно было помочь, направься я к ней с самого начала».

Означал ли такой подход, что стоит попытаться найти Хирона? Но некроманту более заманчивой показалась идея расследовать, что же это за неизвестный зомби бродит по Сартосу. Для него Бруан тоже, скорее всего, чего-нибудь приготовил.

Ну, да ничего, на этот раз должно повезти.

Идти до мертвеца оказалось прилично. Он двигался в сторону того района, куда Бруан отоспал Орча. Хорошо, хоть направление немного другое.

По дороге Харольд раздумывал над тем, а не сбежать ли ему из Сартоса. Ведь теперь его здесь никто не держит. Хирон не в счет, его ловить можно до скончания веков. Интересно, предусмотрел ли Бруан такой вариант? Скорее всего, да.

«И еще он знал», — усмехнулся мысленно Харольд, — «что я никуда не уйду, пока не узнаю, кто такой этот невесть откуда взявшийся мертвец. Может статься, именно он и задумывался, как основная цель для меня».

Выглядело это предположение вполне логично. Орча и Кри Бруан загнал в ситуации, в которых окончательная смерть оказывалась наиболее вероятным исходом. Поведение Хирона осталось прежним. А вот последний мертвец так и манил своей доступностью.

В принципе, Харольда не раздражало, что он идет на поводу у духа Камня. Он даже не злился на него за то, как тот поступил с Орчем и Кри. Бруан не желал их смерти, они погибли вследствие его природы. Точно также Харольд не был благодарен духу за возвращение к нормальной жизни. Безумца нисколько не интересовали последствия его поступков, он делал так, а не иначе, потому что ему этого хотелось.

Неизвестный зомби, вопреки опасениям Харольда, свое путешествие по Сартосу завершил в сравнительно людном квартале. Сейчас он активно перемещался внутри него, но за пределы не выходил. Некроманту это напомнило ситуацию с Хироном, который также подманивал его ощущением видимой близости. Но впечатление это оказалось ошибочным, очень скоро зомби вышел на ту же улицу, где находился Харольд, и направился навстречу магу.

Некромант скользил взглядом по лицам встречных прохожих, стремясь понять, кто же из них на самом деле живой мертвец, но выделить никого не мог. Пришлось рискнуть и прибегнуть к магии. Зомби, обычно, чувствовали заклятье «обнаружения» и, если оно исходило не от призвавшего их некроманта, реагировали на него очень нервно. Так что колдовать Харви начал, когда мертвяк должен был находиться приблизительно в десяти шагах от него. С такого расстояния не больно-то сбежишь.

Заклинание сработало отлично, очень четко указало на худощавого смуглого человека, что не торопясь брел ему на встречу. Вот только мертвецом, в привычном понимании этого слова, он не являлся. Душа всё еще находилась в его теле, хотя сердце и легкие не работали. Такое Харольд видел впервые.

«Еще один фокус Бруана», — подумал некромант. — «Только на этот раз я успел. Еще немного, и душа оставила бы оболочку. А так, если сумею воскресить его плоть, она должна повременить с путешествием на Серые Равнины».

Времени на раздумья и приготовления уже не оставалось, очередная игра, рожденная духом Камня, могла в любой момент завершиться поражением некроманта и этого смуглого жгучего. Харольд, не обращая внимания на солнце и уличную толкотню, начал читать заклятье «возрождения плоти». Было такое и в школе некромантии, но имело оно ряд особенностей, главной из которых считались сильные болевые ощущения у цели.

Смуглый закричал в полный голос, когда магия коснулась его. Затем начал озираться по сторонам и увидел Харольда.

— Конан, скорее! — крикнул он огромному черноволосому северянину, что шел по правую руку от него. — Останови того некроманта! Не дай ему завершить заклятье!

Северянин ситуацию оценил в мгновение ока. Подлетев к Харольду, он со всей силы приложил его кулаком в висок. Перед тем, как потерять сознание, маг успел пожалеть, что лишь пары слов ему не хватило до окончания формулы.

Приходил в себя старый некромант постепенно. Сначала вернулась способность мыслить, но в голове всё путалось, и толку с раздумий в таком состоянии не было никакого. Затем Харольд начал слышать голоса. Интуитивно догадавшись, что это может оказаться полезным, некромант постарался сосредоточиться на них. Звуки стали выстраиваться в слова, а слова в фразы.

— Ты уверен, что это он? — спросил первый голос.

— Точно тебе говорю! — отвечал ему второй. — Я его тогда на песке видел вместе с одним из образов полубога, с тем существом, которое ты зовешь духом.

— Они сами так себя называют, — сказал первый. — Если ты не ошибся, мы сможем исключить еще один вариант. Твой дух это не маг и не тот, которого ты видел в компании моего первого помощника. Сейчас проверим заезжего.

— Вдруг он его посланник? — предположил второй.

— Тогда получается, — заметил первый, — что мы зря уже второй колокол подряд пытаемся отыскать мальчишку.

— Надо же было что-то выбрать, — оправдывался второй.

— Я тебя и не обвиняю, — сказал первый и добавил. — Смотри, он приходит в себя.

Харольду плеснули в лицо воды, видимо, для того, чтобы ускорить процесс его возвращения в реальность. Маг осторожно открыл глаза, опасаясь яркого света. Но, оказалось, что находился он в темном, вероятно, подвальном помещении.

— Как ты? — спросил некроманта обладатель первого голоса. Им оказался тот самый северянин, что не дал ему завершить заклинание. Его собеседником, как не трудно догадаться, был смуглый. Состояние его, вроде бы, осталось неизменным. Дышать — не дышал, но и на зомби походил слабо.

Некромант сосредоточился на своих чувствах, силясь отыскать ответ на вопрос северянина. Выяснилось, что болела голова и ныло в пояснице. И еще слегка подташнивало.

— Нормально, — ответил Харольд. — Спасибо.

Черноволосый скептически осмотрел мага и после небольшой паузы кивнул смуглому.

— Отвечай, кто ты такой!? — тут же потребовал у некроманта ненormalный образчик зомби. — И зачем хотел меня вернуть к жизни!?

Харольд вспомнил, о чём говорили эти двое, потом то, что ему сказал с утра Бруан, и махнул на всё рукой. Дух Камня явно желал втравить его в какую-то авантюру с неведомым финалом, и встреча с этой парочкой очень сильно походила на её начало. Означало это то, что сопротивляться бесполезно да и, наверное, бессмысленно. Вот Харольд и решил рассказать северянину и смуглокожему обо всем, что с ним произошло за последнюю седмицу.

Говорил Харви долго, никак не меньше половины колокола. Двое пленивших его людей слушали внимательно, лишь изредка задавали вопросы. Некромант даже впечатлился их такой реакцией, в глубине души он побаивался, что ему не поверят.

Однако еще больше его потрясла реплика северянина после окончания рассказа.

— Значит, не зря мы мальчишку искали, — сказал он своему товарищу. Типичный варварский прагматизм.

Смуглый же отличался более тонким складом ума. Его очень заинтересовала личность Бруана.

— Игру затеял? — переспросил он у Харольда. — Расставил фигуры и предложил им самими разыграть партию.

— Ясуд, это точно не твой полубог, — сказал северянин. — Он и так вполне себе могущественен. Ему достало сил пленить одного из братьев, сделать такой фигуркой, как и этого старика.

— Как и нас, — добавил смуглый Ясуд.

— Думаю, этот Бруан, — предположил черноволосый. Харольд вспомнил, что на улице Ясуд выкрикнул его имя — Конан, — решил помочь нам выйти на его брата. Для этого он и прислал сюда некроманта.

— Скорее всего, это была лишь одна из множества вероятностей, — ответил Ясуд. — Нам крупно повезло, что сработала она.

Разговор начал уходить в сторону от того, что было известно некроманту. Харольд решил, что так дело не пойдет

— Если вам нужна помощь, — вмешался он в беседу, — предлагаю вам поведать мне, кто вы такие и чего добиваетесь.

Ясуд с сомнением посмотрел на Конана. Харольд чувствовал, что он ему не доверяет. Смуглокожий очень болезненно воспринял попытку

некроманта возвратить его тело к жизни.

— Нам не обойтись без некроманта, — сказал Конан своему товарищу, — а заставить его работать на нас силой не получится. Мне кажется, ему можно верить.

— Твой выбор, — пожал плечами Ясуд. — Мне-то уже терять нечего.

Первым свой рассказ начал иранистанец. В общем-то именно из него Харольд узнал о происхождении Ясуга. Судьба странствующего проповедника чем-то напомнила некроманту его собственную, и относиться к иранистанцу он стал куда доброжелательнее. Про момент воскрешения Харольд расспрашивал Ясуга со всем возможным тщанием, но тот, к сожалению, в тонкостях процесса не разбирался.

Повесть Конана оказалась более прозаичной. Больше всего в ней Ясуга заинтересовало то, как боцмана обращали в собаку. Правда, ближе к окончанию рассказа всплыла на поверхность довольно забавная деталь. Конан начал врать Харольду обо всем, что касалось его визита в сокровищницу. Установили это, благодаря Ясуге, который всё знал про договор с Арзаресом. На иранистанца магия «молчания» не распространялась, так как он был мертв, а вот при общении с Харольдом колдовство начинало влиять на волю киммерийца. Пришлось эту часть рассказа доверить Ясуге. Тот, впрочем, этому не противился.

Бруан подгадал всё очень правильно. Хитрый дух Камня не просто столкнул Харольда с Конаном и Ясугом, а еще и подготовил некроманта к тому, чтобы положительно ответить на их просьбу о помощи. Новый Харви, избавившийся от бремени умопомрачения, чувствовал, сколь отвратительной была его прежняя жизнь, хотя даже сейчас признавал он это трудом. Его подопечные зомби невольно держали раскаявшегося мага на привязи, заставляли ощущать себя виноватым перед ними. Теперь, когда их не стало, можно было начинать новую жизнь. И Бруан тут же подбросил некроманту возможность загладить свои старые грехи перед людьми. Вот она та компенсация за смерть Орча и Кри, о которой маг думал ранее.

— Я готов вам помочь, — сказал Харольд. — Только мне кажется, вы ошибаетесь насчет кандидатуры полубога.

— Ты что-то путаешь, — ответил Конан. — Совершенно ясно, что это не дух из поместья Хозяев, и не те двое, в обществе которых ты провел эту ночь. Остается только мальчишка.

— Есть еще кое-кто, — напомнил киммерийцу некромант. — Их отец, маг впервые вызвавший духов из Камня. Бруан в беседах со мной, хоть и говорил о нем с долей иронии, но чувствовалось, что он уважает его. К братьям же он, наоборот, относится пренебрежительно. Как считаете, чем

это может быть вызвано?

По глазам киммерийца Харольд догадался, что северянин всё понял.

— За фантазию, — сказал он, — за размах идеи он отца ценит. Задумка с призывом духов, наверняка, была еще той авантюрой. Вполне возможно, что именно маг выдумал Общество, понимая, что конец его близок.

— Уверен, так оно и есть, — ответил некромант. — Но просто так отцу на свободу не выбраться. Ему необходима помошь одного из братьев, который согласился бы разделить с ним свое сознание. Вот на эту роль любовник подходит идеально.

— Разумно, — подытожил Ясуд. — Только это создает для нас лишнюю проблему. Не достаточно найти духа, надо еще суметь выманить отца. Я начинаю очень сильно подозревать, что одно из колец Общества давало владельцу дополнительные знания. Возможно, и обязывало оно к большему. Две другие линии могли одержать верх только в случае явно физического и интеллектуального превосходства их представителей. Это что-то вроде гарантии от вырождения. Больше Себеру не откуда было узнать, о том кто есть кто среди духов.

— Увидев, что нему пришел, — предположил Конан, — человек из другой линии, отец насторожился бы мог устроить проверку. Возможно, хорошо, что мы его не успели найти, пока среди нас не появился некромант.

— Хотите, чтобы я воскресил Себера? — спросил Харольд. — Вы не думаете, что саббатейцы, как вы их называете, сняли с него кольцо и надели на кого-то другого. Ясуд в его нынешнем состоянии мог этого и не почувствовать.

— Они это сделают, — сказал отошедший от дел странствующий проповедник Эрлика, — если убедятся, что не смогут достать полубога другим способом. На проведение всех ритуалов Общества понадобится не меньше двух дней. Сначала они захотят испытать свое привычное средство. Себера приготовят соответствующим образом и съедят. К счастью, у нас есть еще немного времени в запасе. Сразу жрать они его не станут. Для усиления эффекта надо провести над огнем определенные обряды, этим саббатейцы сейчас и занимаются.

— Только вот, — добавил мрачным тоном Конан, — вопроса о попадании в особняк Золотого Павлина никто не снимал.

Серьезная задачка, насколько помнил Харольд из рассказа киммерийца. Северянин особо упирал на то, что «лиловые» это не просто обычная стражи и на дешевую иллюзию они не купились бы. Скорее всего, саббатейцы использовали искаженное пространство.

Эту версию Харольд и озвучил.

— Я тоже так считаю, — согласился с ним Ясуд. — Причем для его создания явно использовались артефакты. Иначе Хозяева непременно учудили бы волшбу. Золотой Павлин очень богатый культ и может позволить себе дорогие усилители магии.

— Может, объясните мне, — язвительным тоном предложил Конан, — о чем вообще речь идет.

Обязанность рассказчика взял на себя Ясуд.

— Существуют два особняка, — сказал он. — Один в реальном пространстве, другой в магическом. Если не знаешь нужной формулы, попадаешь в то, где тишина, благодать и птички поют. Саббатейцы же скрываются в другом.

— Можно поймать одного из них, — высказался киммериец, — и выпытать у него пароль.

— Исключается! — запротестовал Харольд. С точки зрения магического искусства идея Конана являлась бредом чистейшей воды. Это настолько поразило некроманта, что он отобрал право слова у Ясуга. — Думаешь, поклонники Золотого Павлина не учили подобную возможность? Есть десятки способов покарать таких самоуверенных гостей. Скажем, формула может не сработать, если человек не прошел определенный ритуал. Или если потребовать от саббатейца провести вас с собой внутрь, ему достаточно будет изменить одну букву в заклятье или сделать самый незначительный жест, чтобы кого-то из непрошенных гостей или всех их магический замок отправил на Серые Равнины. Поверь, это еще не все возможные варианты.

— Хорошо, убедил, — согласился Конан. — Но что делать-то? Сомневаюсь, некромант, что тебе под силу разбить их защитную магию.

— Этого сделать я, разумеется, не смогу, — признал Харольд. — Зато заклятье можно попытаться обмануть. Я рассказывал, что прежде, чем заняться некромантией, практиковал анимагию. На одном из первых уроков этого искусства мой учитель сказал мне, что преимущество магов-анимистов состоит в том, что их мало, и амбиции их не простираются дальше ближайшей деревни.

— Я редко сталкивался с такими колдунами, — согласился с Харольдом Конан.

— Взаимодействие с силами природы меняет сознание, — сказал маг. — Я не слышал, чтобы анимисты становились придворными магами или накапливали огромные богатства. Им этого просто не надо. Потому и учеников у них сравнительно мало. Я веду к тому, что в заклятье

саббатейцев может быть и не включен элемент защиты против анимагии.

— Сработает, только если особняк находится в нашей реальности, — заметил Ясуд.

— Думаю, он здесь, — поспешил уверить его Харольд. — Держать его в магической неудобно, и опасностей сразу прибавляется.

— Ладно, — сказал иранистанец. — Выбора у нас, всё равно, нет, а план не самый плохой.

— Он собирается обратить нас в зверюшек? — поинтересовался у Ясида Конан.

— Да, — улыбнулся Харольд. — Кем желаете стать?

— Никаких личных предпочтений! — строго заявил киммериец. — Вариант может быть только один — собаки. Иначе сразу привлечем к себе внимание. А псов в Сартосе предостаточно, они здесь как бельмо на глазу. Лишних трех точно никто не заметит.

— Мне только проще, — пожал плечами Харви. — Чем ближе будет объем мозга к человеческому, тем легче мне будет колдовать.

— Значит решено! — сказал Конан. — Перевоплощаться будем здесь. По дороге изображаем собак, а не держимся, как люди в песьем обличье. В особняке Ясуд послужит проводником, а мы с магом займемся его охраной. Как находим Себера, Харольд возвращает нам прежний вид. Хватаем труп и прорываемся наружу.

— Как-то всё слишком просто, — подумал Харольд и высказал эту мысль в слух.

— Так больше шансов, что сработает, — утешил его иранистанец. — Конан, открой дверь наружу.

Киммериец молча исполнил его просьбу.

— Теперь можно приступать, — сказал Ясуд.

Харольд решил начать перевоплощения с Конана. В варварских народах больше жизненной силы, что делает их представителей восприимчивыми к анимации. Колдуя, Харви получал отменное удовольствие. Он уже забыл, когда в последний раз обращался к столь сложным заклятьям природной магии. Бруан не поскупился, формируя новый тип сознания некроманта. Он не только возродил в полной мере любовь к прошлому искусству, но и заметно усилил способности.

Что же до Конана, то пес из него вышел замечательный для предстоящего предприятия. Огромный черный волкодав с пастью, полной снежно-белых зубов, в чьей остроте сомневаться не приходилось. На всякий случай, Харви решил подстражоваться и сделал так, чтобы заклятье само опало через три колокола. Кто знает, как повернется судьба, а

заставлять киммерийца проходить по своим стопам некромант не желал.

С Ясудом повозиться пришлось немного побольше. Харольда немного нервировала его мертвая плоть. Неправильно составленная формула могла убить иранистанца или, наоборот, дать жизнь его новому телу. В этом случае, странствующему проповеднику предстояло бы сразиться с Конаном. Но к счастью, всё обошлось. Получился рыжий песик средних размеров. Совершенно мертвый.

На то, чтобы самому обратиться в собаку, у Харольда времени ушло всего ничего. Перевоплощать других намного тяжелее.

Увидев, что подготовка окончена, Конан призывно гавкнул, и троица собак отправилась в путь к поместью Золотого Павлина. Всю дорогу киммериец самым активным образом пытался соответствовать песьевому образу. Двигался сравнительно беспорядочно, то забегал вперед, то отставал. Пытался затеять игру с Харольдом и Ясудом, покусывая их за бока, на особо не понравившихся ему прохожих обрушивался с грозным лаем. Постепенно и двое спутников втянулись в этот спектакль и даже начали получать от происходящего удовольствие.

У людей они подозрения не вызывали. Те смотрели на них, как на обычных хвостатых бродяг. А вот Харольд, заглядывая в лица встречных горожан, начинал испытывать беспокойство. С течением времени они менялись. Похоже, к Сартосу подкатывала вторая волна безумия. О том, что будет твориться здесь через несколько колоколов, лучше было не думать.

Рядом с особняком Ясуд начал испытывать волнение, которое очень скоро передалось Харольду, вмиг забывшему обо всех собачьих играх. Конан двумя болезнными укусами вернул их к реальности и напомнил о необходимости соблюдать конспирацию. Во всяком случае, именно так некромант истолковал его поступок.

У самой цели возникло весьма закономерное препятствие. Двери, ведущие за ограду, оказались закрыты. Пришлось устраивать возню у соседнего дома, и ждать пока кто-нибудь не пожалует в гости к поклонникам Золотого Павлина. Кандидатов, внешне подходящих на эту роль, трое псов провожали громким лаем, давая понять, что задачей их является конкретный человек, не попадание в особняк.

Наконец одна из обляпанных персон постучала в двери к сabbатейцем. Те распахнули настолько быстро, что собаки едва успели отреагировать и заскочить внутрь. Попавшихся им охранников они при этом едва не сбили с ног. Дальше всё завертелось с головокружительной скоростью.

Ясуд очень уверенно рванулся по дорожке, ведущей в сад. Конан и Харольд побежали вслед за ним. Киммериец еще успел рыкнуть на

собиравшихся обнажить мечи саббатейцев. В саду у иристианца прыти только прибавилось, старый Харви и массивный Конан едва успевали за ним поспевать.

Троих людей, на которых вылетел Ясуд, некромант заметил в самый последний момент, когда Конан и иристианец их уже атаковали. Азарт возобладал в Харольде над рассудительностью, и он тоже решил принять участие в схватке и прыгнул на спину третьему оставшемуся представителю рода человеческого. Рефлексы, заложенные в собачьем теле, проделали за мага большую часть работы, ему оставалось только их слушаться. Повалить, не дать придти в себя и грызть шею. Добить противника самому Хаольду не позволил Конан, расправившийся с ним прежде. Некромант не сильно расстроился, понимал, что надо спешить.

Помимо трех тел только что убитых собаками людей, на траве лежало еще одно. Ясуд всем видом давал понять некроманту, что это и есть Себер. На то, чтобы вернуть всей троице прежний облик, у мага ушли считанные мгновенья. Заклятья он специально изменил, чтобы разрушить их не составило труда. Колдовать-то в теле животного невозможно, надо делать изначальную привязку на четко сконцентрированную мысль.

— Отлично! — сказал Конан, доставая из-за спины меч. Хороший анимаг умеет осуществлять превращения вместе с одеждой, а Харви был хорошим анимагом. — Хватайте его, а я попытаюсь проложить дорогу.

Путь к воротам троица проделала быстрым шагом, изредка переходя на бег. Дважды Конану приходилось убивать встречных саббатейцев. Они, похоже, еще не поняли, что происходит, и не пытались бросить большие силы на поимку злоумышленников. Единственное серьезное сражение произошло у дверей. Конану было не по силам справиться с четырьмя хорошо обученными стражами, и Ясуду пришлось придти к нему на помощь. По правде говоря, Харольд был даже рад этой заминке, годы у некроманта были уже не те, чтобы вот так вот бегать без передышки.

На выходе из особняка некромант создал у прохожих иллюзию, что трое собак убегают на восход. Люди же, прикрытые слабеньким «отводом глаз» для себя и сильным для трупа, двинулись на закат. Там судьба руками Бруана преподнесла им очередной подарок. Когда троица проходила мимо добротного одноэтажного дома на окраине купеческого района, строение вдруг начали покидать все его обитатели. Старый хозяин, его жена и куча отпрысков и слуг. Глаза у всей этой своры были безумные. Но до их дальнейшей судьбы дела никому не было. Конан указал на освободившийся дом. Ясуд и Харольд спорить не стали.

Внутри, по просьбе некроманта, устроились в подвале. Киммериец и

ирианистанец активно призывали Харольда немедля приступить к церемонии, указывая на то, что саббатейцы уже идут по их следу. Но маг упорно отнекивался и требовал дать ему время на отдых. Но, на самом деле, проблема заключалась не в усталости, хотя и она присутствовала. Возвращаться после анимации к некромантии было невероятно тяжело. Только что ты касался нитей живой природы, а теперь оказываешься вынужден работать с мертвениной, заниматься делом противоестественным для нормального человека.

— Надо, Харольд, — сказал киммериец, похлопывая мага по спине. Харви понял, что он догадался о его истинных мотивах. — Сделай этого ради будущего, своего и остальных людей.

— Если бы ты только знал..., — Харви хотел добавить «какого это», но потом решил, что словами всё равно не передать, и сказал. — Ладно. Отойдите от тела.

Конан с Ясудом послушались и встали за спину некроманту.

Себер лежал на полу подвала, бездыханный, с раскинутыми по сторонам руками и ногами. Раны видно не было, кинжал Конана не пробил немедийца насеквозд.

Харольд начал читать заклятье «быстрого воскрешения». Когда чары опадут, тело библиотекаря рассыплется прахом на веки вечные, зато до этого момента он будет с завидным энтузиазмом отвечать на все вопросы. Обычного разупокоенного зомби пришлось бы долго принуждать к этому или вообще лично лезть к нему в сознание.

После того, как Харви дважды в течение одного дня прибег к анимации, «мертвое» искусство еще дальше отдалилось от него. Знания у мага осталось, а вот способностей заметно поубавилось. Себера он к жизни возвращал примерно с полколокола. За это время с Харольда семь потов сошло, а еще однажды он едва не потерял сознание. Тело библиотекаря тоже спокойно не лежало, а то и дело подпрыгивало в ответ на неверно подобранные слова заклятья.

Когда ритуал наконец подошел к завершению, маг приказал библиотекарю открыть глаза и подняться на ноги. В принципе, можно было обойтись и без этого, но хотелось проверить, как зомби выполняет команды. Себер исполнил всё в точности.

— Отвечай на вопросы, исходящие от меня и этих двух людей, — сказал Харольд и указал на Конан и Ясуда. Потом решил проверить, не повреждены ли связки мертвеца, и добавил. — Понял?

— Да, — коротко ответил Себер. Голос был в полном порядке.

— Спрашивайте, — обратился маг к двум своим новообретенным

товарищам.

Конан кивнул Ясду, давая понять, что предоставляет ему главенствующую роль в предстоящей беседе.

— Помнишь меня? — спросил иранистанец у Себера.

— Да, — ответил библиотекарь. — Ты — Ясд, и я убил тебя.

Харольд довольно улыбнулся. Первоначальное предположение о неразговорчивости зомби оказалось ошибочным. Заклинание всё-таки удалось.

— Зачем ты это сделал? — поинтересовался Ясд.

— Вы с Дамаром нужны были мне, — сказал Себер. Голос его был бесстрастен, что плохо сочеталось с пространностью его ответов и создавало ощущение нереальности происходящего, — чтобы гарантировать безопасность, пока я не встречусь с полубогом. Туранец самоустранился, с тобой же я разобрался, когда убедился, что саббатейцы станут меня охранять.

— Что ты знал такого, — спросил иранистанец, — чего не знали мы с Дамаром? Обо всей этой истории с духами и полубогом, я имею в виду.

— О духах и их отце, — ответил библиотекарь, — я узнал только от саббатейцев. Тогда же я и понял, что последний есть наш полубог. В моем кольце хранились дополнительные знания о том, где должна состояться наша встреча и как я должен к ней подготовиться.

— В чем заключается подготовка? — Ясд явно стремился к тем знаниям, что могут принести пользу на практике.

— Множество ритуалов, — сказал Себер. — Первый из которых...

— Сколько времени нужно на их проведение? — прервал библиотекаря Ясд.

— В идеале три дня, — ответил немедиец.

Иранистанец выругался именами Эрлика и Тарима.

— Ладно, — сказал он. — Расскажи нам о месте встречи с полубогом? Ритуал поиска на песке — всего лишь фикция?

— По большей части, — произнес Себер. — Я считал не лишним увидеть лицо полубога, хотя и не обязательным. То, что образов оказалось четыре, меня обескуражило, иначе я бы уже на месте разобрался с тобой и Дамаром. Для того, чтобы найти полубога, надлежит вычислить, в каком направлении падет твоя тень на седьмой послеполunoчный колокол, когда ты стоишь в географическом центре населенного пункта, где собирается возродиться полубог. Потом необходимо обратиться к календарю, дабы понять, какое количество...

— Постой! — прервал сие занимательное повествование слуга Эрлика.

— Ты ведь составил заклинание для всех этих расчетов?

— Да, конечно, — подтвердил догадку библиотекарь. — Без него я бы не справился.

— Расскажи, — потребовал иранистанец, — где можно встретить полубога?

— Я не знаю, какой сейчас день, — сказал Себер, — и какое время суток. Без этого я не смогу ответить.

— Тебя убили сегодня, — поведал мертвому Ясуд. — А время сейчас, примерно, полдень.

— Тогда у вас в запасе, — ответил библиотекарь, — около колокола. Дальше первого послеполуденного колокола я не просчитывал место. Колдовать сейчас же я не могу.

— Отвечай, где его искать! — повторил свой вопрос иранистанец. Можно было этого и не делать, зомби помнил о предыдущем.

— От того места, — сказал немедиец, — где меня убили, надо идти прямо, пропустить пять домов по правую руку и зайти в шестой.

Харольд нервно слглотнул. Библиотекарь почти дошел до отца четырех духов. Если бы не заклятье, наложенное на Конана, он вполне мог спокойно миновать оставшееся расстояние. А тогда... Ясуд очень красочно описал открывающиеся перед Сартосом и прочим миром перспективы.

— Если я приду туда в срок, — спросил иранистанец, — полубог сольется со мной?

— Да, — непривычно коротко ответил Себер.

— Уничтожь его, — попросил Ясуд Харольда. — Мы узнали всё, что нужно. Ни к чему, чтобы саббатейцы добрались до него.

Некромант не стал говорить, что поступить иначе он просто не мог из-за конструкции изначального заклятья. К чему людей тревожить?

Харольд пробормотал короткую формулу окончания волшбы, и Себер рассыпался пеплом. Получилось это у него зрелищно. Опадала в прах его плоть постепенно, сверху вниз, начиная с головы.

— Красиво вышло, — заметил Конан, наблюдавший процесс распадения ног.

Иранистанец, похоже, тоже впечатлился.

— Сможешь увеличить мой срок пребывания в мертвых? — спросил он у некроманта. — Не хочу, чтобы в самый неподходящий момент Конан набросился на меня с мечом.

— Можешь не беспокоиться на этот счет, — не дал ответить Харольду киммериец. — Заклинание больше на меня не действует, воля моя совершенно свободна.

— Значит, твой маг, — сказал иранистанец, — скорее всего, уже на Серых Равнинах. У Хозяев что-то произошло.

— Надо вытаскивать оттуда Зелтрана, — решил киммериец.

— Хватит разговоров, — оборвал собравшегося продолжить Конана Ясуд. — У нас времени всего ничего. Я хочу, чтобы вы оба пошли со мной. Помощь лишней не будет, а если я не смогу принять в себя отца, остальное потеряет значение.

Киммериец на мгновение задумался, а потом махнул рукой.

— Ты прав, — сказал он. — Поспешим!

— Постой, —казалось, что Ясуд внезапно о чем-то важном. — Харольд, верни мне жизнь. Полубогу может не понравится мертвая плоть.

Спорить с этим утверждением никто не решился, и некромант приступил к ритуалу. Это заклятье далось Харви еще тяжелее, чем предыдущее. Искусство «смерти» доживало в сердце мага последние свои мгновения. К счастью, при воскрешении тела Ясида он сумел обойтись без роковых ошибок.

— Как приятно дышать, — улыбнулся иранистанец. — Жаль, что это ненадолго. Теперь всё готово, пошли.

К великому облегчению Харольда, к месту встречи решили идти просто быстрым шагом. Очередной пробежки некромант бы не выдержал. Очень на руку магу и его спутникам оказалась вторая волна безумия. Теперь Харви не беспокоился на её счет, сменились приоритеты. Куда важнее было дойти до цели незамеченными. Буйных горожан гигантские кулаки киммерийца очень быстро приводили в чувства. Лишь с двумя эта методика не сработала, их пыл смогла охладить только холодная сталь.

Самые большие опасения у всех вызывали сabbатейцы. Это были достойные противники, которые если бы и не задержали их, то попридержали точно. Харольд почему-то не сомневался, что их влияние Бруана не затронуло. Ни у кого из прохожих на руках колец Золотого Павлина некромант не наблюдал, но это совершеннейшим образом ничего не значило.

— Мы почти пришли, — сказал Конан для Харольда. Ясуд и сам всё прекрасно помнил. — Вот здесь Себер и умер. Получается, вон то здание — наше.

Дом, на который указал киммериец, от соседей ничем не отличался. Впрочем, так оно и должно быть. Ориентироваться надлежало не на внешний вид, а на месторасположение.

— Пойдешь один? — спросил Конан у Ясида, когда все собрались перед дверью дома, в котором иранистанца ждал полубог. — Или нам с тобой?

— Я предпочел бы компанию, — усмехнулся странствующий проповедник. — Согласны?

Киммериец кивнул сразу же, Харольд чуть погодя.

— Я рад, что вы со мной, — сказал Ясуд и без стука отворил дверь.

Внутреннее устройство дома отличалось определенной оригинальностью. Деления на комнаты не было, имелось одно огромное пустое помещение. Единственным предметом обстановки был стул, стоявший у противоположной стены. Над ним на крюки висел фонарь, дававший свет столь яркий, что прогонял тьму из всех имевших в наличии углов.

На стуле сидел, закинув ногу на ногу, мальчишка лет десяти с удивительно надменным выражением лица. На появление трех людей он никак не отреагировал, ни один мускул не дернулся на его юном лице.

Ясуд молча направился к мальчишке. Не дойдя до него двух шагов, иранистанец остановился и встал на колени.

— Я здесь, — сказал он, преклонив голову, — чтобы принять тебя в себя.

После этих слов мальчишка соизволил улыбнуться. Он встал со стула, подошел к Ясуду и положил ему руку на плечо. Харольд знал, что для перехода физический контакт вовсе не обязательный элемент. Скорее всего, дух просто хотел покрасоваться.

— Иди, отец, — произнес мальчишка.

Тело иранистанца забилось в судороге. Он упал на пол, рот наполнился слюной.

Мальчишка отскочил в сторону на десяток шагов и удивленно уставился на Ясуда. Еще изредка он кидал подозрительные взгляды в сторону Конана и Харольда, которые так и стояли приоткрытой двери.

— Что это? — прохрипел Ясуд, с трудом поднимаясь на ноги. Только он встал, как новый приступ слабости уронил его на колени. — Почему так происходит?

Харольд понял, что перед ним уже не странствующий проповедник, а древний маг, занявший его тело.

Ясуд поднес дрожащую правую руку к глазам. С неё начала мелкими чешуйками опадать кожа. Как завороженный, возрожденный в иранистанце отец духов Камня наблюдал за этим процессом. Потом внезапно он обеими руками, простой и пораженной, вцепился себе в лицо и принял раздирать ногтями щеки.

Дух-любовник понял, что происходит что-то не то, и теперь затравленно озирался, надеясь найти выход из столь неприятной ситуации.

Вселиться в Конана и Харольда он явно опасался, боясь повторения отцовских неприятностей.

Некромант и киммериец замерли, понимая, что на их глазах творится история, и не желая опошлять момент словом или жестом.

Волосы Ясуда пробила седина, и они начали опадать с его головы, но древний маг этого не заметил, он был слишком увлечен уродованием своего лица. Оторвался от этого дела он только тогда, когда из его ног, словно убрали кости. Он рухнул на пол и заорал, словно свинья на бойне. От этого крика мальчишка вжался в дальний угол комнаты. Маг, не переставая вопить, осматривал своё тело и приходил от этого в еще больший ужас.

— Сын! — прорвалось сквозь крик первое различимое слово. — Подойди ко мне! Возьми мой дух! Унеси меня!

Для мальчишки это оказалось последней каплей. Позабыв о страхе перед спутниками Ясуда, он рванулся к двери. Оттолкнув Конана и Харольда с удивительной силой для своих маленьких локтей, он выбрался наружу и побежал прочь.

В доме остались только киммериец, некромант и умирающий маг. Духлюбовник вывел своей выходкой Конана и Харольда из состояния оцепенения. Северянин затворил дверь, достал из-за спины меч и прошел вглубь комнаты, показывая некроманту, чтобы тот последовал его примеру.

Киммериец собирался добить Ясуда, в случае если что-то пойдет не так. Харольд видел себя исключительно в роли подсказчика. Начни маг творить волшбу, он сможет дать Конану знак.

Тот, кто мнил себя, полубогом по-прежнему брыкался на полу, вопил в полный голос и призывал сына вернуться и помочь ему. Конан с Харольдом спокойно ожидали того момента, когда он погибнет. Оба понимали, что план Ясуда удался и теперь это существо опасности не представляет. Оно вызывало лишь раздражение тем, что так долго умирало.

Скрип отворяющейся двери заставил киммерийца и некроманта отвернуться от мага и посмотреть, кто же там пришел.

— Кром! — ругнулся себе под нос киммериец.

Гостей оказалось восемь числом. Все сжимали в руках обнаженные мечи. У всех на руках красовались кольца Золотого Павлина Саббатеи. Пятеро направились к Конану, трое к Харольду.

«Вот и конец», — подумал маг. — «Выследили таки нас, теперь не отбиться».

Несколько мгновений у Харольда оставалось, чтобы принять решение, в каком облике он примет последний бой. Выбор пал на бурого медведя,

что жил в странах Полуночи.

Обернуться он успел почти одновременно с тем, как его груди коснулся клинок первого из саббатейцев. Он всё-таки успел ранить Харольда, но в следующий миг оказался сметен ударом мощной лапы. Тут же на некроманта напали двое других поклонников Павлина. Одна из ран оказалась смертельной. Но перед тем, как отправиться на Серые Равнины, Харви успел смять обоих противников. Еще он успел пожалеть, что не сумел придти Конану на помощь.

Глава 4.

«О силе мысли»

Это было как озарение.

Мгновение назад Коратцо не знал ничего, а сейчас картина предстала перед ним в полном объеме.

Бруан опять взял его под свое крыльышко. Братец возжелал, чтобы они направились на поиски отца в строго определенное время. А чтобы Коратцо с товарищами не мучались, он заблокировал часть их сознания. До настоящего времени никому из них даже в голову не пришло отправиться в город, хотя о грозящей опасности все помнили. Просто Бруан внушил им уверенность, что находиться здесь намного важнее.

Утешало одно: безумец сейчас настолько силен, что в состоянии предугадать многие грядущие события. Если он решил выпустить их именно сейчас, то потому что считал это время самым подходящим. Коратцо был уверен, что если направить в поиски нужное русло, то можно успеть обнаружить отца до наступления полудня.

Дух Камня отбросил в сторону четки, которые зачем-то перебирал уже второй колокол подряд, взглянул на себя в зеркало и вышел из комнаты.

В коридоре он натолкнулся на Черса. Вид у юнги был обеспокоенный.

— Я забыл обо всем, что ты мне говорил, — быстро проговорил юноши. – Точнее помнил, но значения этому не предавал.

— Знаю, — оборвал его Коратцо. Черс явно собирался продолжать рассказ о своих ощущениях. – Это Бруан постарался. Не переживай, ничего страшного не произошло.

Наверное, стоило дождаться Сигурда и Тару в коридоре, но в тот момент дух Камня об этом как-то не подумал. Он даже забыл постучать перед тем, как войти. Вознаграждением за подобную бес tactность оказался восхитительный вид упругих бедер обнаженной воительницы. Проскочивший в комнату Черс тоже успел насладиться зрелищем, прежде чем Тара надела юбку.

— И где твои манеры? – поинтересовался у духа Сигурд. Из одежды на нем отсутствовала только рубаха, но и её он уже натягивал. – Не мог подождать немного?

— Понравилось хоть? – спросила воительница. Коратцо и Черс

синхронно угукнули. — Тогда помогите кожанку застегнуть.

Дух Камня отправил на эту миссию Черса, не забыв заговорщицки подмигнуть юнге.

— Как думаешь, — спросил у Коратцо Сигурд, расчесывая волосы, — что всё это может означать? Зачем он нас задержал?

— Не хотел, чтобы мы вышли на отца раньше времени, — предположил дух Камня. — Думаю, Бруану интересно посмотреть за нашей схваткой. И он решил не позволять нам найти любовника, пока тот не наберет силу.

— Слишком логично, — возразила Тара. С одеждой она уже покончила, и сейчас занималась тем, что рассовывала по местам свой набор метательных ножей.

— Брат логики никогда не сторонился, — ответил Коратцо. — Цели у него необычные, а вот пути их достижения постичь возможно.

— Ты сказал вчера, что всё наше оружие расколдовано, — отклонился от темы Черс, наблюдавший за процессом снаряжения Тары. — Можешь повторно наложить на него заклятье или надо доставать новое?

— Подойдет и это, — сказал дух Камня. Во всей этой суете со сборами он забыл, о том, что Бруан вчера порушил всю его магию. — Давайте сюда все ваши клинки.

Тара едва слышно выругалась. Зато словечки для выражения чувств использовала отменные. Не хотелось воительнице заново проделывать всю работу по снаряжению метательными ножами.

На этот раз Коратцо решил не скучиться на магию, все равно отец уже нашел союзника. Духу было достаточно коснуться меча или кинжала, как тот получал достаточно энергии, даже чтобы убить Бруана. Остальных братьев подобный заряд разметал бы в клочки.

— Готово, — объявил дух Камня. И оружие вернулось к своим владельцам.

— Чтобы будем делать? — озвучил Черс мучивший всех вопрос.

— Не знаю, — вздохнул Коратцо. — Мы искали братьев пять дней, причем именно на любовника направили основные усилия, но всё безрезультатно. Теперь у нас в запасе только три с половиной колокола. Но раз Бруан счел, что этого времени нам хватит, значит, выход есть.

— Может кто-то из пиратов, — высказался Черс, — получивших золото, уже нашел духа и сейчас ждет нас, чтобы поделиться знаниями?

— Брось, — отмахнулся Сигурд. — Лавочка могла принести успех только в первые дни. Сейчас любовник настороже и не позволит случайному моряку себя выследить.

— Согласна с Сигурдом, — сказала Тара. — Дух должен догадываться, что решающий миг близок, а значит, он внимателен, как никогда.

Коратцо с этими доводами был согласен, но имелся еще один, который он просто счел лишним озвучивать. Бруан никогда бы не позволил себе составить задачку со столь банальным решением. Ответ обязан быть красивым или хотя бы казаться таковым безумцу.

— Хорошо, — признал свою неправоту юнга. — «Сто золотых» оставим в покое, но что тогда?

— Я знаю, кто сможет найти любовника, — как-то с неохотой сказала Тара.

Все трое мужчин одновременно устремили к ней взгляды, требуя продолжения.

— Тот дух, что засел в поместье, — произнесла воительница. — Коратцо не раз говорил, какой он сильный маг. Уверена, если он постарается, то сможет обнаружить брата и отца.

Коратцо недовольно поморщился. Идти к брату-магу на поклон он не собирался, это вообще последнее, что стоит делать.

— Он даже слушать нас не станет, — сказал дух Камня. — А если мы и сумеем донести до него неведомым образом правду о планах отца, он попытается сбежать или вступить с ним в союз. До людей, что погибнут, братцу нет никакого дела. Его заботит только безопасность собственной шкуры.

— Можно, представить дело так, — настаивала Тара, — будто единственная для него возможность спасти — это помочь нам. Ты ведь уже однажды воевал с ним на одной стороне.

— И он помнит, чем это закончилось, — продолжил за неё дух. — Он не повторит своей ошибки. Лучше ему вообще ничего не знать о том, что происходит. С него станется первым принести в жертву Сартос, лишь бы остаться в живых. Поверьте, о брате лучше забыть раз и навсегда.

— Но если дела пойдут совсем плохо..., — сказала воительница.

— То в этом случае, — сказал Коратцо, — мы будем держаться от поместья Хозяев еще дальше.

— Не любишь ты его, — усмехнулся Сигурд.

— Я его знаю, — парировал Коратцо.

— Значит, искать будем сами, — подвел итог Черс.

— Сначала я хочу кое-что попробовать, — сказал Коратцо. — Отцу всегда нравилось со мной болтать. Подозреваю, что я для него вроде любимчика. Может, и на этот раз мне удастся склонить его к разговору.

— И что ты хочешь ему предложить? — спросила Тара.

— Жизнь, — ответил дух Камня. — Если я останусь единственным среди братьев и обрету силу бога, как собирался, то смогу навсегда уничтожить его призрак. Отец очень высоко ценит даже то жалкое существование, что влечит в наших мыслях. Если же он откажется от своих планов и отдаст мне духа-любовника, я пообещаю ему тело. Великим магом в нем ему не стать, но это много лучше, чем ничего.

— Может получиться, — сказал Сигурд. — Он поверит твоему слову?

— Да, — ответил Коратцо. — Он знает, что я его не обману.

— Нам выйти? — поинтересовалась Тара.

— Ни к чему, — сказал дух. — Просто помолчите.

Коратцо даже садиться не стал, только закрыл глаза и постарался очистить голову от посторонних мыслей.

«Отец», — обратился он к призраку мага. — «Ты слышишь меня? Ответь. Нам есть о чем поговорить».

Молчание.

«Это важно», — продолжал Коратцо, уверенный, что отец его внимательно слушает. — «Я не позволю тебе совершить задуманное. Безумец всё рассказал мне о твоих планах. Я найду брата, с которым ты вступил в заговор, и убью его, а потом доберусь до тебя».

Неясный шепот достиг сознания духа Камня. Словно, он услышал фрагмент чьих-то мыслей или какого-то разговора. И Коратцо решил продолжать.

«Прими мою сторону», — убеждал он отца. — «И я сохраню тебе жизнь и подарю тело. Подумай, ты сможешь возродиться».

Шепот усилился, но ответа не было. Дух Камня понял, что уверениями ничего не добиться, но перед тем, как оставить мир собственного сознания, он захотел попытаться пройти на звук голосов.

Невозможно передать человеческим языком, как именно передвигался Коратцо, что он делал, чтобы прочувствовать путь и приблизиться к шепоту. Но, наконец, он достиг той границы, где смог узнавать голоса. То беседовали отец и любовник. Дух возликовал, ему сопутствовала удача. Еще немного, и он сможет различить слова, а из них можно будет понять, где искать брата-предателя.

«Э, нет!» — раздался в сознании Коратцо до боли знакомый голос Бруана. — «Тебе сюда нельзя. Мы так не договаривались!»

«Мы вообще об этом не говорили!», — возмутился Коратцо.

«Ты прав!» — сказал Бруан и звонко рассмеялся. — «Но я сильнее, братишка. Тебе пора оставить это место».

Неизвестный поток подхватил сознание Коратцо и зашвырнул его

прочь от отца и братьев. Исчез даже шепот.

— Проклятье! — выругался в голос дух Камня.

— Не удалось договориться? — спросил Сигурд, хоть ответ и был очевиден.

— Я почти нашел любовника и отца, — сказал Коратцо. — Но Бруан не позволил мне добраться до них. Он же мог не дать отцу услышать мой призыв. Безумец закрыл этот путь, ему не по душе вариант с мировым договором.

— Следовало догадаться, — мрачно сказал ванир. Коратцо помнил, как Сигурд относится к Бруану. Северянин ждал от него исключительно неприятности.

— Он не вредит нам, — сказал дух Камня. — Просто ему не хочется видеть одну из сторон в заведомо ущербном положении. Бруан понимает, что если мы отыщем любовника, когда он еще не будет готов освободить отца, участь предателя окажется предрешена.

— Так что же нам, — возмутился Сигурд, — сидеть на месте и ждать?!

— Не думаю, что это повторится, — поспешил успокоить ванира Коратцо. — Бруану больше нравится наблюдать, а не руководить. Он и так сильно помог любовнику.

— Ты решил, что будешь делать с безумцем? — спросил Сигурд. — Если получится справиться с отцом.

— Давай, мы им сначала займемся, — осекла своего любовника Тара.

— Бруан никуда не денется, а отец собирается уничтожить Сартос прямо здесь и сейчас.

Сигурд посмотрел на неё, как на предательницу. Но потом сумел взять себя в руки.

— Простите, — сказал он. — Конечно, вы правы. Поиски отца — это первостепенная задача.

— Я, кажется, знаю, с чего начать, — произнес молчавший долгое время Черс. — Вспомните, как мы первый раз обнаружили любовника.

— Сигурд сказал, что он вселился в Тару, — ответил Коратцо, не понимающий, куда ведет Черс. — Потом мы отправились её искать, устроили засаду.

— Самое главное, — сказал юнга, — как мы узнали, где любовник обитает. Базарные торговцы знают очень многое, к ним стекаются все новости. Если уж мы имеем пустоту в наличии, то можно наведаться на базар и послушать, о чем там говорят.

— Черс прав, — согласился с пареньком Сигурд. — Там центр жизни. Кто-нибудь из купцов или посетителей, наверняка, видел любовника. Если

бы нам повезло узнать такого человека...

Коратцо с трудом представлял, как определить, кто из сотен посетителей базара встречался с любовником, но идея Черса показалась ему достаточно красивой. Значит, в разрез с планами Бруана она не шла, а это уже значительный плюс.

— За неимением лучшего, — огласил своё решение дух Камня, — вариант принимается.

Дом покидали молча. Коратцо казалось, что люди чувствовали, что они сюда уже не вернутся. Оглядываясь в недалекое прошлое, дух признавал, что и сам он будет с теплотой вспоминать проведенные здесь дни. Именно в этом доме был заложен фундамент его будущего божественного мировоззрения. Здесь он узнал, что такое любовь, дружба и преданность. Коратцо подумал, что он уже очень близко подошел к разрешению проблемы человеческой сути.

На городе и его обитателях присутствие Бруана отразилось не лучшим образом. У многих увиденных духом людей рассудок помутился. Ему даже не надо было проникать в их головы, чтобы понять это, внешние проявления были вполне себе красочными.

Сигурд завел разговор на тему этого безумия и того, как ему можно противодействовать. Коратцо объяснил ваниру, что бороться, в принципе, бесполезно. Это всё равно что пытаться противостоять цунами. Лучше всего в такой ситуации не напрягать рассудок и податься влиянию Бруана, меньше проблем будет, если однажды суждено придти в себя.

Когда первая волна сумасшествия схлынула, Коратцо указал своим спутникам на тех несчастных, что слишком продуктивно вели борьбу с помутнением сознания. Выглядели эти люди заметно поглупевшими и вдобавок какими-то ошарашенными.

— Скоро это все повторится? — узнал у духа Камня Сигурд.

— Не знаю, — пожал плечами Коратцо. — Зависит от того, сколько силы набрал Бруан.

— Я думаю, — сказал ванир, — мы смогли бы использовать это явление. Ведь близость от других духов положительно оказывается на сопротивляемости безумию, исходящему от Бруана. Значит, в том районе, где нормальных людей окажется непривычно много, и находится наш любовник.

— Интересно, даже очень, — ответил Коратцо. — Если не найдем другого решения к началу второй волны, обязательно воспользуемся этим предложением. Плохо только, что любовник самый слабый из нас. Участок его воздействия на людей будет сравнительно небольшой.

— Уже хоть что-то реальное! — сказала Тара.

Коратцо начал подозревать, что это только начало. Бруан просто обязан был заготовить великое множество вариантов для поиска отца. Большая часть из них, конечно, липовая, но среди остальных можно будет выбрать.

Перед входом на базар дух Камня и трое людей остановились у прилавка торговца фигами и купили у него дюжину плодов. Отойдя на десяток шагов в сторону, они устроились в тени большого трехэтажного дома, где можно было спокойно поесть и поговорить.

— Что именно мы собираемся искать на базаре? — спросил у спутников Коратцо.

— Можем заглянуть на «Магическую», — предложил Сигурд. — Там в основном торгуют безделушками, но тебе с твоими способностями не составит труда найти ценную вещь. Ведь есть же на свете артефакты, которые используют для поиска людей.

— Но не духов Камня, — возразил было Коратцо, но потом передумал. — Хотя я мог бы попробовать изменить их структуру, чтобы они искали призрак отца. Он сейчас, скорее всего, окончательно перебрался в тело любовника.

— Вот вы вдвоем этим и займитесь, — сказала Тара. — А мы с Черсом навестим винные палатки, послушаем, о чем там люди говорят. Вдруг уже пошли слухи о незатронутом безумием районе.

— Дело говоришь, — поддержал воительницу Сигурд. — Коратцо, согласен?

— Попробуем, — сказал дух Камня.

Доев оставшиеся фиги, они продолжили путешествие к базару.

На «Магической», по словам Сигурда, бывавшего здесь ранее, обстановка царила самая обычная. Как оценивать этот факт, ни он, ни Коратцо не знали. Вообще-то эта часть базара пришлась духу Камня особенно по душе. Глядя на окружающие его магические пустышки, он представлял себе лицо брата-колдуна, попади он сюда. Того бы наизнанку вывернуло от такого издевательства над его искусством.

Еще очень забавляло Коратцо сравнивать истинные свойства артефактов с теми, что предписывали им торговцы. Вот только, когда он начал делиться этими знаниями с Сигурдом, ванир слегка вспылил и напомнил, что надо не подделки изучать, а искать подлинники. Пришлось духу Камня признавать свою неправоту и виниться.

Настоящим здесь был приблизительно каждый тридцатый артефакт, если не считать мелочевки. К сожалению, подавляющее большинство

магических усилителей служило для защиты от различных видов волшбы. Еще частенько попадались «идеальные ключи». Однажды Коратцо показалось, что ему повезло и он обнаружил поисковый артефакт достаточной силы. Но при более тщательном изучении выяснилось, что его магическая структура чересчур нежна, чтобы выдержать нагрузку, которая возникнет при поисках отца. Сигурду об этой вещице он решил не говорить, чтобы лишний раз не расстраивать ванира.

Таким образом, за полколокола блуждания по «Магической» человек и дух не обнаружили ровным счетом ничего полезного.

— Здесь еще магических животных продают, — вдруг вспомнил Сигурд. — Нельзя кого-нибудь из них напустить на след любовника?

— Обман это всё, — авторитетно заявил Коратцо. — Природу животных и птиц изменить под силу лишь богам. То, что делают люди, мишура, пускание пыли в глаза.

— Понятно, — расстроился ванир. — Давай, пошли тогда отсюда. Посмотрим, как дела у Черса и Тары.

Но на выходе из «Магической» им всё-таки пришлось задержаться. Там какой-то сумасшедший продавал статуэтки одного малоизвестного бога. По его словам, только-только пришедшего в мир Хайбории. В Сигурде тут же возобладало варварское любопытство, и он отправился смотреть на лик божества.

Стоило ему достигнуть торговца, как он схватился за живот в приступе хохота.

Дух Камня решил сходить узнать, что так позабавило его товарища. Сигурд, не прекращая смеяться, указал ему на небольшие, размером с мизинец, статуэтки бога. Им оказался Коратцо собственной персоной. Черты лица духа были переданы с потрясающей точностью.

— Смотри, — сказал сквозь смех Сигурд, — мы с тобой стараемся, отца ищем, думаем, как с магом и безумцем совладать, а всё оказывается предрешено. Этот парень заглянул в будущее и увидел тебя в сонме богов.

— Это Бруан так забавляется, — отмахнулся Коратцо.

— Да ну?! — изумился ванир. — Быть такого не может!

Тут дух Камня понял, что Сигурд над ним откровенно издевается. Назло наглому северянину он купил у продавца, так и не обратившего внимания на его лицо, три статуэтки.

— Подарок моим первым жрецам, — объявил он. — Женщине, юноше и ваниру.

Сигурд рассмеялся и одобрительно похлопал Коратцо по спине.

Тара и Черс сидели на «Хлебной» под одним из навесом и с видимой

неохотой попивали из кружек охлажденное вино. По всему было видно, что они со своей частью задания уже разобрались и сейчас изнывали в ожидании, когда же наконец Сигурд и Коратцо соизволят к ним присоединиться. Но те, вместо радостного приветствия, в первую очередь потянулись к вину. Мотание по «Магической» из конца в конец пробудило в них нешуточную жажду.

— Отмечаете что-то? — усмехнулась Тара.

Сигурд оторвался от позаимствованной у девушки кружки и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Ничего мы не нашли, — откровенно заявил он.

Такая ни чем не прикрытая прямота произвела на Тару и Черса впечатление, достаточное чтобы воздержаться от дальнейших издевок.

Коратцо предположил, что раз таковые вообще наблюдались, значит части их группы, побывавшей на «Хлебной», удалось узнать что-то интересное. Спустя мгновение он убедился, что и впрямь стал лучше разбираться в людях.

— Нам повезло чуть больше, — сказала Тара. — О людях, ведущих образ жизни нашего духа, и кварталах, не подвергшихся влиянию Бруана, здесь, к сожалению, никто не слышал. Зато нам посоветовали, к кому можно обратиться за советом, где искать любовника.

— Горожане утверждают, — перенял нить повествования Черс, — что один старичок, живущий неподалеку, помогает за небольшую плату тем, у кого пропали друзья или родственники. Говорили они об этом деде с заметным уважением. Очень непохоже, что это байка.

— Я считаю, — продолжила Тара, — надо обязательно его навестить.

— Очень уж сказку напоминает, — с известным скепсисом произнес Сигурд. — Почему, если он такой талантливый, Хозяева его себе на службу не поставили?

— Он святой, — ответила воительница. — Он живет рядом с храмом Иштар и пользуется покровительством богини, а идти наперекор её воли даже Хозяевам не с руки. Тем более, случай не тот.

— Я же говорю, сказка, — хмыкнул ванир.

— Ладно тебе, Сигурд, — попытался урезонить пирата Коратцо. — Мы-то с тобой ничего не нашли. Кроме этого святого старика, других вариантов нет.

— Люди верят ему, — продолжала убеждать ванира Тара.

— Хорошо, — кивнул Сигурд, — пошли к вашему деду. Вы узнали, как до него добраться?

— Это, между прочим, было не так просто, — попеняла ему Тара. —

Люди не хотели нам говорить, где искать святого, боялись, как бы мы не причинили ему вреда.

— Так узнали всё-таки? — настаивал ванир.

— Узнали! — крикнула ему Тара, но через мгновение улыбнулась.

Не допивая вино, Коратцо и люди поднялись из-за стола и отправились в сторону «Разбойной» части базара. У одного из её выходов и располагался храм Иштар. По дороге дух Камня прикидывал, какие есть шансы, что именно старика подготовил Бруан для их поисков. Получалось, что очень маленькие. Слишком много еще времени до полудня. Но вообще-то кто сказал, что святой не является лишь одним из этапов длительного пути.

«Разбойная» за последние дни заметно обезлюдила. Торговали здесь в основном товаром, доставленным с пиратских кораблей. Прибывшие в Сартос до шторма капитаны уже давно распродали последние запасы из своих трюмов, а новые корабли в порт пока не заходили. Вот и пришлось купцам выкладывать на прилавок забракованные остатки от предыдущих поставок. Покупатели, не будь дураками, качество их оценили довольно быстро. Так что за чертой базара горожан наблюдалось больше, чем внутри этой его части.

Как искать храм Иштар, Таре объяснили на «Хлебной» подробно: свернуть направо, как выйдете из «Разбойной», пропустить одну улицу, потом повернуть налево, а там всё сами увидите.

И действительно, увидели.

Вторым зданием по правую руку оказалось большое белокаменное строение, перед которым стояла статуя пышнотелой улыбающейся женщины.

— Страшная какая, — прошептал Сигурд, проходя мимо скульптуры.

— Ты поаккуратнее, — посоветовала Тара. — Она всё-таки богиня.

— Тогда пусть покарает того, — сказал ванир, — кто это лепил. А не меня. Я же правду сказал. Посмотри только на эти глазки поросьячи и на слой жира на боках. Натурально получилось, не спорю, но...

— Заткнись! — слово это Тара и Коратцо произнесли одновременно.

— Может, её ваш святой изваял? — предположил Сигурд.

— Не вздумай, у него это спросить! — предостерегла ванира Тара. — Нам в третий дом от храма вверх по улице надо, там задняя дверь есть.

Дверь с тыльной стороны означенного дома, и впрямь, обнаружилась. Тара тихонечко постучала в неё кулаком. Сигурд во всю потешался над таким её поведением. Коратцо к концу путешествия тоже начал удивляться, что такого могли сказать ей люди на «Хлебной», что воительница

прониклась к деду таким почтением. Вроде бы раньше излишней впечатлительностью не отличалась...

— Проходите, — раздался приглушенный голос из-за двери. — Прошу вас.

Комнатка, в которой проживал святой, была небольшой, семь шагов на четыре. У одной из стен стояла узкая кровать, забросанная тряпками. Примерно посередине помещения находился письменный стол. За ним сидел святой, лицом к гостям. Перед ним лежала раскрытая книга. Единственным источником света служила толстая зеленая свечка.

— Закройте дверь, — попросил святой. На вид ему было лет шестьдесят. — Если вам не сложно.

Сигурд, вошедший в дом последним, исполнил пожелание старика. Тара тем временем подошла поближе к святому Иштар.

— Нам нужна ваша помощь, — обратилась она к нему.

— Я никогда не отказывал страждущим, — ответил старик. — Говорите.

— Нам нужно найти одного человека, — сказала воительница.

Святой закрыл книгу и внимательно оглядел девушку.

— Опишите мне его, — попросил он.

— В этом и заключается одна из проблем, — Тара понизила голос, словно стеснялась. — Это не простой человек, он одержим древним духом, который может путешествовать из тела в тело.

— Я слышал о таком, — сказал святому. — Не уверен, что у меня получится помочь вам, но я попытаюсь. Для начала мне нужно встретиться с человеком, в чьем теле побывал дух. На нем должен был остаться его след.

— Он был во мне, — ответила Тара и сделала еще один шаг к святому.

— Замечательно, — улыбнулся старики. — Раздевайтесь.

— Это обязательно?! — вмешался в разговор Сигурд.

— Нет, — ответил святой. — Но так больше вероятности, что я найду духа.

— Обойдемся без обнажения! — твердо сказал ванир.

Ни Тара, ни старики не решились вступить с ним в спор.

— Что я должна делать? — спросила воительница у святого.

— Ложитесь на кровать, — велел он. Дождавшись, когда Тара исполнит указание, продолжил. — Закройте глаза, расслабьтесь, пострайтесь дышать ровно и неглубоко.

Сигурд поморщился, глядя как Тара располагается на грязных старииковских тряпках.

Святой встал на колени перед кроватью и начал молиться своей богине. Занимался он этим добрую четверть колокола.

— Коратцо, наше время тает, — прошептал на ухо духу подошедший к нему на цыпочках ванир. — Надо заканчивать или поторопить деда.

— Подожди немного, — попросил его Коратцо. — Это важно.

Сигурд пожал плечами и отошел в сторону.

Старик же, наконец, закончил с молитвой и начал творить свой обряд. Он водил руками над телом Тары и шептал что-то неразличимое с дальнего расстояния.

— Поздравляю тебя, — обратился шепотом Коратцо к Сигурду. — Ты оказался прав насчет старика. Всё это мошенничество чистой воды. Я читал его мысли.

— И чего же ты ждал? — спросил ванир, также не повышая голоса.

— Хотел посмотреть на всю его схему, — ответил дух Камня. — Он работает на бандитов, которые контролируют базар и прилегающие к нему районы. Они и похищали тех людей, что обнаруживал наш святой. Если же к нему обращались люди, к пропаже близких которых бандиты отношения не имели, старик говорил, что случай тяжелый и требовал дополнительного времени. За этот срок либо воры с базара отыскивали означенных людей, либо святой плел сказку про какую-нибудь завесу тьмы и посыпал клиентов помолиться Иштар.

— А сейчас он чего делает? — поинтересовался Сигурд, с беспокойством поглядывая на Тару и святого.

— Ничего, — сказал Коратцо. — Шепчет себе под нос чушь какую-то, заканчивать собирается. Потом назовет нам наугад место, где духа искать, и потребует денег. Согласиться вернуть их, если мы по его наводке ничего не обнаружим. Сейчас его задача, понять насколько мы богаты и следует ли натравливать на нас бандитов. Если согласимся заплатить ползолотого, нас точно пустят под нож.

— Почему мы разговариваем шепотом? — вновь обратился ванир к духу.

— Не знаю, — тихо ответил Коратцо, а потом в полный голос добавил.
— Заканчиваем балаган!

Святой удивленно уставился на духа, страха в нем не чувствовалось.

— Тара, вставай! — велел Коратцо воительнице. — Пойдем. Ты свободна от заклинания «веры», которое на тебя наложили на базаре.

— Вы не уйдете отсюда, — сказал святой, — пока я вам не позволю. За домом следят мои люди. Если я не подам им знак, они последуют за вами и убьют.

— Ты о них? — спросил Коратцо.

Из воздуха материализовалось шесть человеческих тел. Мертвых. Сложил их дух Камня аккурат перед бойким стариком.

Тот попытался что-то ответить, но язык его не слушался.

— Теперь твоя очередь! — сказал Коратцо, и святой исчез.

Вслед за ним дух убрал и тела, чтобы Тара могла спокойно выбраться с кровати. Воительница отряхивалась, морщила носик и виновато смотрела на Сигурда. Черс, которого тоже околдовали на «Хлебной», явно разделял её смущение.

— Успокойтесь вы, — примиряюще сказал Коратцо. — Это я во всем виноват, не догадался проверить вас на магию.

— Что ты сделал с дедком? — спросил Сигурд.

— Поместил его душу внутрь статуи Иштар, — ответил дух Камня. — Срок смерти назначил через пятьдесят лет. Пусть постоит в этом уродстве, помучается. Знали бы вы, скольких людей он на смерть обрек!

— Так кто он такой? — спросила Тара, Черс к ней присоединился.

— Вам Сигурд по пути расскажет, — сказал Коратцо. — Этот святой навел меня на мысль, как искать любовника. Кто знает слухов больше, чем люди обитающие на базаре? Бандиты, которые там промышляют. А кто больше, чем они? Те, кто их ловит. «Лиловые»!

— Сет, меня возьми, — выдохнула Тара.

— Надо будет найти их главного, — продолжал дух Камня, — и выжать из него всё, что только можно. Там будут сведения и обо всех необычных событиях, и о том, в каких районах первая волна безумия себя не проявила. Идемте скорее! У нас в запасе чуть больше колокола.

На улице в процессе споров изначальный план немного скорректировали. Главного «лилового» решили не искать, так как он, наверняка, сидит в поместье Хозяев, а там Ксарти. К тому же Сигурд с пеной на устах доказывал, что все новости до него не доходят, только самые важные. Их отбраковкой должен заниматься один из помощников главного, и именно его и следовало навестить.

Но для начала требовалось найти простого «лилового», чтобы узнать у него, где обитает начальство. А их, как назло, поблизости не наблюдалось.

— Коратцо, ты не мог бы, — спросила у духа Тара, — доставить «лилового» сюда, как тех шестерых бандитов?

— Мертвым что ли? — попытался пошутить Коратцо, и потом уже серьезно добавил. — Мне надо хоть приблизительно знать место, откуда его брать, и внешность нужна. Святой подручных вспомнил, вот я у него образ и позаимствовал.

— Глядите! — оборвал Черс разговор духа и воительницы. — Навстречу нам идет парень, у него на шляпе лиловая ленточка повязана.

— Хватаем его, как приблизится. На счет три, — велел Сигурд и, когда расстояние сократилось до нескольких шагов, начал отсчет. — Раз, два, три.

Сигурд, Тара и Черс набросились на не ожидавшего подобной наглости «лилового» и повалили его на землю. Коратцо поколдовал, чтобы никто их не мог видеть, а заодно желал обойти стороной.

— «Лиловый»? — спросил Сигурд у пленного.

— Немедленно отпустите! — потребовал тот. — Иначе хуже будет.

— Наш это парень, — сказал подошедший Коратцо. — Он сейчас думает, как бы нас достать, когда освободится.

Пленный удивленно уставился на духа Камня, но ничего не сказал.

— Он догадался, — продолжал Коратцо, — что я один из тех троих, кого им поручил найти мой братец. Пытается ни о чем не думать, чтобы не выдать лишнего. Трудно нам с ним придется.

— У нас времени нет, — напомнил Сигурд духу. — Ты должен в него вселиться.

— Я ослабею, — ответил Коратцо. — Мне придется постоянно заниматься подавлением его личности в себе. Это очень сильно помешает, если придется биться с братьями.

— Выбора нет, — настаивал ванир. — Вспомни, ты говорил, что Бруан желает уравнять силы сторон. Это его подарок для нас. Если ты его примешь, ослабнешь. Если нет, то мы не успеем найти твоего отца.

— Братец мастерски всё подготовил, — сказал дух. — Придется побить немного «лиловым».

При этих словах пленник оттолкнул Сигурда и Тару и попытался бежать. Коратцо с помощью магии вернул его на место.

— Не дергайся, болван, — обратился он к «лиловому». — Я верну тебе тело, как только ознакомлюсь со всеми воспоминаниями. Мне в своем намного привычней.

Безо всяких предупреждений Коратцо вступил в сознание пленника. Принял в себя его личность и тут же раздавил в зародыше ростки её воли. Духа интересовала только возможность обращаться к воспоминаниям. Анализом он их решил заняться в собственном теле.

Казалось, его перемещения никто, кроме «лилового» не заметил. На исход и возвращение у Коратцо ушло времени не больше, чем человеку понадобилось бы, чтоб сделать пару вздохов.

— Готово, — объявил дух. — Нам нужен человек по имени Рашил. Он обитает в таверне «Морской Змей».

— Я знаю, о ком ты говоришь, — сказал Сигурд. — Не думал, что он такая важная шишка. Больше ничего интересного у него в голове не обнаружил?

— Мало, — признался Коратцо. — Наш парень один из самых младших чинов в иерархии «лиловых». Знает только, кого надо искать и в каком виде надлежит доставить.

— Что с ним делать будем? — поинтересовался Черс.

— Отпустим, — сказал Коратцо. — Я уничтожу его воспоминания об этой встречи.

— Делай и пошли, — поторопил духа Сигурд.

— Уже сделал, — ответил Коратцо.

Парень лежал без сознания, но дышал ровно, и за жизнь его беспокоиться не приходилось.

До «Морского Змея», не сговариваясь, решили добираться бегом. Коратцо, на всякий случай, снабдил всех заклинанием невидимости. Поначалу с ним возникли проблемы из-за того, что прохожие не замечали трех бегущих мужчин и одну женщину и не стремились освободить им дорогу. Но вскоре все четверо приорвались маневрировать меж этих ходящих препятствий.

Примерно на полпути Коратцо начал замечать, как к городу подкатывает вторая волна безумия. Она была в разы сильнее предыдущей. Теперь не останется случайных мест, не попавших под влияние Бруана. То ли братец решил подсобить, то ли просто так совпало.

Достигнув прибрежной таверны, дух Камня попросил обождать товарищней пару мгновений с визитом внутрь. За это время он успел произнести заклятье «недвижения».

— Теперь, прошу проходить, — объявил он, когда покончил с волшбой.

Внутри всё было, как и прежде, но только замершим на своих местах. Люди, мыши, насекомые и даже воздух и звуки. Сигурд, Тара и Черс изумленно оглядывались по сторонам. То был один из тех редких типов красоты, что человеческому глазу узреть чаще всего не суждено.

— Сигурд, — сказал Коратцо, касаясь плеча ванира. — Ты говорил, что знаешь о Рашиле. Где он?

Духу Камня не хотелось лишний раз по пустякам обращаться к воспоминаниям «лилового». Они подтачивали его силы.

— Идем, — ответил Сигурд, отрываясь от созерцания. — Я покажу.

Ванир отправился вглубь таверны, в огороженный шелковой тканью уголок у одной из двух сцен. Там находилось несколько столов, за каждым

из которых сидели люди. Сигурд указал духу на толстого офицера в наряде лилового цвета.

Коратцо взял себе свободный стул, уселся напротив Рашила и оживил «лилового». К столику уже успели подтянуться и Черс с Тарой, желавшие послушать разговор.

Стоило Рашилу ощутить в себе способность двигаться, как он немедля подпрыгнул на месте от удивления. Нормальная реакция. В «Морском Змее» использовалось столько защитных артефактов, что ни одному человеческому магу было не под силу повторить опыт духа Камня с «недвижением».

— Догадываешься, кто я? — спросил Коратцо у «лилового».

— Примерно, — ответил Рашил.

— Вижу, — сказал дух Камня, — кем ты меня считаешь. Ты не так уж и далек от истины. Возможности мои ты представляешь, «лиловый». Я желаю, чтобы ты честно и подробно ответил на мои вопросы. Если ты скажешь правду и поможешь мне, я сохраню тебе жизнь и сделаю так, чтобы ты забыл об этом визите. Есть другой вариант. Ты станешь увиливать, и тогда я вселюсь в тебя и заберу все твои воспоминания. Мне не хочется этого делать, подобные вещи лишают меня силы, но если у меня не будет выхода, я буду готов претерпеть неудобства. Тебе же после того, как я вернусь в своё тело, я подберу очень мучительную смерть. Ты понял меня?

— Я отвечу на вопросы, — сказал Рашил.

— Ты знаешь, где искать в городе существ, подобных мне? — спросил Коратцо.

— В поместье Хозяев, — ответил «лиловый».

— А еще? — настаивал дух Камня.

— О других мне не известно, — сказал офицер.

— Расскажи мне теперь, — попросил Коратцо, — обо всех необычных событиях за два последних дня. То, что лично ты считаешь важным.

— Главу «лиловых» обвинили в краже артефактов из сокровищницы Хозяев, — начал Рашил. При этих его словах лицо Сигурда удивленно вытянулось. — За ним устроили охоту, но результатов она не принесла. Разве что сегодня утром видели, как он зарезал одного из наших, спасая преступного митрианского монаха. С ним связано второе крупное происшествие. Мы его наняли на службу, как тайного агента, всего несколько дней назад. Но внезапно он сошел с ума и зверски убил настоятеля своей обители. Сегодня утром с помощью неизвестной магии он справился с тринацатью нашими людьми. Его пока тоже не можем

обнаружить. Еще второй день мы охотимся за двумя заезжими типами. Кто они, неизвестно, но приказ об их поимке предположительно исходил от того существа из поместья. Велено приложить все силы к их уничтожению. Их надо не просто убить, но еще и разрушить тела. Только мы до этих двоих и добраться-то не можем. Удалось проследить их до особняка, на окраине купеческого района. Но достать их из дома нет никакой возможности. Там действует какое-то защитное заклятье, а нам в помощь не выделили ни одного Хозяина, даже из третьего круга.

— Монах может быть как-то связан с существом из поместья? — спросил Коратцо.

— Вроде бы, нет, — сказал Рашил. — Если только через Карфота, прошлого нашего начальника, но и то вероятность очень маленькая.

— А сейчас сосредоточься, — обратился к «лиловому» Коратцо, — и представь, где находится особняк с двумя беглецами. Проложи отсюда мысленную дорогу к нему.

Толстый офицер нахмурил лоб и начал непроизвольно водить глазами из стороны в сторону. Зрелище было настолько комичным, что улыбки появились на лицах всех четырех зрителей.

— Молодец, — похвалил Коратцо Рашила, когда тот завершил свой путь у ворот особняка. — Ты всё правильно сделал. Сейчас мы уйдем, а ты всё забудешь.

Дух Камня погрузил офицера в «недвижение» и пошел к выходу из таверны. На улице он остановился, дождался, пока к нему присоединятся остальные, и вернул жизнь в «Морского Змея».

— Любовника найти не удалось, — сказал Коратцо, — зато вышло подойти с другого конца. Эти двое из особняка, наверняка, носители оболочки для отца. Братец-маг как-то прошелся про это и приказал их разрушить, только всей опасности он так, похоже, и не осознал.

— Далеко этот особняк? — спросил Сигурд.

— Прилично, — ответил дух Камня. — Лучше будет поторопиться, времени совсем в обрез.

И снова они побежали.

Коратцо, не жалея магии, подпитывал физические силы своих соратников. Вроде бы, они и так успевали добраться до особняка, но лучше было подстраховаться. Бруан мог приготовить еще пару неприятных сюрпризов. Безумие, кстати, уже вовсю разгуливало по городу. Без невидимости пары драк со взбесившимися горожанами было не миновать.

Постепенно в сердце духа начал закрадываться страх. Даже если они успеют расправиться с отцом, то останется Бруан, который такими темпами

уничтожит Сартос. А как убивать безумца, Коратцо не знал.

Погруженный в свои мысли дух Камня не сразу заметил стоящего посреди дороги человека с широко расставленными руками.

«Он видит нас», — догадался дух.

Но магии никакой от человека не исходило. Присмотревшись повнимательней Коратцо понял, что уже встречал его. В мыслях Рашила. Это тот самый спятивший митрианец, только слегка изменившийся в лице. На его счет у духа тоже имелись подозрения, что и он мог служить потенциальной оболочкой для отца.

Потому он остановился и попросил Сигурда, Тару и Черса последовать его примеру.

— Прошу вас, — сказал митрианец. — Снимите невидимость. Жутко неудобно так с вами общаться.

Коратцо удовлетворил его просьбу.

— Спасибо, — поблагодарил митрианец.

— Кто ты такой? — спросил его Коратцо.

— Мое имя — Ганеш, — сказал человек. — Я — пророк, что три сотни лет служил стигийцам, а теперь обрел свободу. И я не желаю, чтобы в этот же момент мир вокруг меня отправился в пасть к Нергалу. Я хочу вам помочь. Загляни в мои мысли, Коратцо. Убедись, что я не вру.

Коратцо посмотрел не только в мысли, но и чуть глубже.

Ганеш не врал, а прошлое его было полно ужаса, боли и страха. Удивительно, как ему удалось сохранить в целости рассудок.

— Нам надо спешить, — в очередной раз напомнил духу Камня ванир.

— Это не мошенник, Сигурд, — сказал Коратцо. — Мы задержимся.

Пророк удовлетворенно кивнул.

— Чем ты можешь нам помочь? — поинтересовался у него Коратцо.

— Он прав, — Ганеш указал на Сигурда. — У вас очень мало времени. Поэтому ничего объяснять не буду. Умоляю, примите мои слова на веру. Во имя жизни!

— Мы всё исполним, — согласился дух Камня. Он точно знал, что этот человек видел будущее, и сейчас собирается его изменить.

— К отцу пусть направятся Тара и Сигурд, — начал давать указания пророк. — Их помочь там придется там к месту. Тебе же, Коратцо, надо будет найти Бруана, он сейчас устроился на побережье. В противном случае, он всех здесь убьет.

— Я встречусь с ним, — сказал дух, хоть и понимал, что это верная смерть.

— Сначала возьми из моей головы, — велел Ганеш, — образ того

места, где укрылся твой отец, и передай его Сигурду с Тарой.

Коратцо выполнил его просьбу.

— Теперь можете идти, — сказал пророк.

— Погоди! — перебил его Черс. — А что я? Что мне делать?

— Твой путь свободен, — улыбнулся ему пророк. — Можешь пойти с Сигурдом и Тарой, можешь с Коратцо, а можешь остаться здесь, если хочешь.

— Я с Коратцо, — не раздумывая сказал юнга.

Дух сначала собирался возразить, но потом понял, как сильно хочет, чтобы кто-нибудь отправился вместе с ним к брату.

— Бежим, — хлопнул он по спине Черса и сказал Сигурду и Таре. — Прощайте, счастья вам.

— Ты победишь, Коратцо, — сказал ванир. — Ты тоже, Черс.

— Удачи вам, друзья, — попрощалась дева-воительница.

Того, как они с Черсом добрались до побережья, дух Камня словно и не заметил. Он напитал и себя, и юнгу энергией настолько сильно, что они практически летели. Особого смысла торопиться, наверное, не было. Четверть колокола, которую они выиграли, по сути ничего не решала. Просто так было меньше шансов допустить в сердце страх или сомнение. Коратцо хотел лишить себя возможности повернуть назад. А Черс слепо следовал за своим другом, чьей силе и уму безоговорочно доверял.

Ганеш показал духу, где следует искать Бруана, но он бы и так обнаружил брата. Коратцо почти физически ощущал мощь, исходившую от безумца.

Бруан стоял на самой кромке воды и смотрел вдаль. Никакой агрессивности он не проявлял.

Коратцо подошел к нему, встал по правую руку от брата и тоже устремил свой взгляд к горизонту.

— Мне очень нравится море, — вдруг сказал Бруан. — Когда я гляжу на него, мне становится грустно. Ты, наверное, даже не веришь, что мне знакомо это чувство.

— Отчего ж, — неясно ответил Коратцо.

— Не веришь, — проговорил Бруан. — Я знаю. Но я всё равно скажу тебе. Мне всегда хотелось после смерти стать чем-то вот таким бесконечно прекрасным. Чтобы смотрели на меня, грустили, а на сердце от этого становилось бы тепло.

— Ты всегда любил большие масштабы, — заметил Коратцо.

— Я сейчас совершенно о другом, — сказал Бруан. — Жаль, что тебе этого не понять. Мне жалко тебя, брат. Я хотел бы, чтобы все вокруг стали

счастливыми, и ты в первую очередь. Но это невозможно.

— Не знаю, — ответил Коратцо.

— Невозможно, — покачал головой Бруан. — Я старался изо всех сил, но у меня ничего не вышло. Я не смог дать счастье каждому. И я решил, что стоит дать его кусочек всему миру сразу.

— Вздумал стать морем? — пошутил Коратцо.

— Еще лучше, — улыбнулся Бруан. — Просто здесь, у моря, мне хотелось умереть. А влиться я собираюсь в тебя. Мне кажется, ты станешь хорошим богом, брат. Пусть исполнится твоя мечта.

— Но я еще не готов..., — попытался возразить Коратцо.

— Прости, — сказал Бруан. — Но выбор здесь не за тобой.

Ноги безумца подкосились, и он свалился на песок.

Теплая соленая вода омывала мертвое лицо Бруана, на котором навсегда застыла улыбка.

Коратцо наклонился, чтобы закрыть глаза брата, понять которого он так и не смог.

Вскоре вся сила, накопленная безумцем, должна была влиться в него. Он уже ощущал её первые толчки. На всякий случай, Коратцо отошел подальше от воды, чтобы не захлебнуться, если он вдруг потеряет сознание.

Черс стоял чуть в стороне и молча наблюдал за происходящим.

Коратцо подмигнул ему, уселся на песок и стал ждать.

Это было не просто наслаждение, это был экстаз. Хотелось кричать от восторга. Дух чувствовал в себе силы сдвинуть горы, изменить очертания континентов, а энергия всё прибывала. Бруан не соврал. Коратцо предстояло стать единовластным богом этого мира.

Дух готовился вступить на другой пласт реальности, чтобы воочию узреть небожителей Хайбории. Но они первыми вытянули его к себе и сделали это весьма неласково.

Находясь в четырехмерном пространстве оказалось довольно неудобно. Различить между собой существ, обитавших здесь, видимо богов, Коратцо не мог. Выглядели они, как белесые сгустки тумана, чем-то напоминавшие медуз. Внезапно дух понял, что и сам уподобился им.

Но времени поразмыслить о своем внешнем виде, боги духу не дали. Четверо медуз перекрыли поток энергии, идущий из тела Бруана, а остальные набросились на Коратцо. По отдельности дух с ними бы справился, но очень уж мир был непривычный да и числом боги давили знатно. Коратцо чувствовал, что ранит богов, но они медленно, но верно пожирали его. Итог схватки представлялся очевидным. Духа он, однако же,

не устраивал, и Коратцо рванулся назад, в мир Хайбории, где преимущество оказалось бы на его стороне. Там боги не смогли бы помешать ему получать энергию от Бруана.

Не обращая внимания на боль и телесные потери, Коратцо двигался к Хайбории. Поначалу боги запаниковали, их атаки сделались беспорядочными, и они скорее мешали друг другу, чем духу Камня. Но потом среди них сыскались и организующие силы. Белесые медузы ставили заслоны, стремясь задержать его. Наиболее хищные боги нападали на него с флагов, вырывая куски плоти. Однако Коратцо не сдавался, и вот впереди показалось побережье Стигии. На песке лежало тело духа, рядом с ним сидел Черс, а Бруана волны уже утащили в море.

Последнее усилие, и вот лишь едва заметная дымка отделяет духа от Хайбории. Боги поняли, что их жертва уходит, и удесятерили свой натиск. Коратцо кое-как скинул их и узрел, что поток энергии Бруана перекрывает дюжины крепких богов. Справиться с ними в нынешнем состоянии дух не мог. Он уже приготовился сдаться, как увидел новый источник силы. Если убить Черса сквозь остатки дымки, это будет засчитано, как человеческое жертвоприношение. Тогда он разрушит барьер перед Бруаном.

Коратцо уже занес трепещущую белесым туманом конечность над Черсом, когда понял, что не сможет осуществить задуманное. Юнга считал его другом, пришел с ним к Бруану, чтобы разделить печальную участь. И теперь дух не мог его предать.

«Наверное, это и называется дружба», — подумал Коратцо и шагнул назад в Хайборию.

Когда Коратцо пришел в себя, никаких богов рядом не было.

Он поднялся на ноги и увидел Черса и Ганеша, стоявших у кромки воды. Дух Камня медленно подошел к ним.

— Ты рассказал ему? — спросил он у пророка.

— Ты — теперь человек? — вместо ответа дух получил вопрос, и исходил от Черса, а не от Ганеша.

— Да, — кивнул Коратцо. — Я стал таким, как вы.

Глава 5. «О победе»

На то, чтобы принять решение оставались считанные мгновения.

Восемь сabbатайцев – это та сила, с которой нельзя не считаться. Конан оценивал свои шансы выйти победителем из схватки с ними, как внушающие опасение.

Надо было быстро думать, что делать с умирающим полубогом. Киммериец сомневался, не поможет ли он ему, если добьет. Вдруг он только и ждет этого, чтобы переменить тело...

И Конан решил положиться на собственные силы, сделать ставку на то, что ему удастся выйти живым из схватки с поклонниками Павлина. В худшем случае он умрет, а полубога съедят. Пусть уж лучше сabbатайцы причастятся к его силе. Куда хуже будет, если у древнего мага получится вырваться из тела Ясуга.

Действовали сabbатайцы очень слажено. Воспользовавшись замешательством Конана и Харольда, они отсекли их друг от друга, так чтобы у киммерийца не было никакой возможности защитить мага. Конан мысленно обругал себя последними словами за то, что позволил совершить им этот маневр. Загороди он Харольда от нападавших, и колдун смог бы помочь ему заклятьями из-за спины. А теперь некромант обречен.

Но Харольд решил удивить всех напоследок. Превратился в огромного бурого медведя и прикончил всех троих напавших на него сabbатайев. Правда, и сам погиб, получив колотый удар мечом в шею.

«Достойная гибель», — подумал киммериец. — «Хороший был человек, несмотря что маг».

Пять врагов это уже не восемь. С ними можно драться и побеждать их.

Конан добавил к мечу в правой руке кинжал в левой, в ограниченном пространстве любимый киммерийцем двуручный хват использовать было неудобно. В два шага варвар сместился поближе к углу комнаты так, чтобы и размахнуться, где было, и напасть на него могли без вреда для себя одновременно только двое сabbатайцев. Те, правда, это осознали не сразу и полезли сначала втроем. В результате, нормального удара ни у кого из них не получилось. От одного киммериец успел увернуться, два других заблокировал мечом. Кинжал его в это время отправился в путешествие в

живот одного из саббатейцев.

После гибели своего товарища поклонники Золотого Павлина стали действовать более аккуратно. Двое терзали своими выпадами киммерийца, третий стоял неподалеку, готовый прийти на помощь, но в схватку пока не вмешивался. Четвертый, как заметил боковым зрением Конан, вообще отправился караулить дверь.

«Самоуверенные ребята», — мелькнула мысль у киммерийца. — «Не сомневаются в своей победе».

Но основания рассчитывать именно на такой исход схватки у саббатейцев, в принципе, имелись. Двое сражавшихся с Конаном бойцов были очень хорошими мечниками, которых не глядя бы записали в гвардейцы большинства хайборийских стран. Бились они очень спокойно, старались обойтись без лишнего риска. Все раны полученные Конаном на деле были пустяковыми царапинами, но зато киммерийцу не дали ни единой возможности для контратаки. Саббатейцы явно стремились измотать варвара, чтобы более свежие товарищи, пришедшие им на смену, смогли его легко добить.

Конан не знал, что противопоставить их такому плану. Разве что пуститься в безрассудную атаку, когда саббатейцы начнут меняться, и постараться смять их напором и физической силой.

Но до этого не дошло. Киммерийцу неожиданного подсобил сраженный кинжалом поклонник Павлина. Из него уже вытекла приличных размеров лужа крови, и в неё угораздило наступить одного из бойцов. Всего лишь на миг он потерял равновесие. Но Конану этого хватило. Вновь кинжал варвара нашел незащищенное место на теле противника. Второй саббатейец тут же атаковал киммерийца, но Конан успел отреагировать. Отведя его меч в сторону, он бросился на третьего саббатейца, что толком не успел подготовиться к схватке. Увернувшись от его неуклюжего удара, киммериец рубанул его мечом по шее и метнул кинжал в лицо четвертому, стоявшему наизготовку у двери. Острье вонзилось точно в левый глаз саббатейца. Теперь оставался только один противник.

Он постарался добраться до незащищенной спины киммерийца. Но Конан каким-то звериным чутьем ощутил этот удар и в последний момент сделал шаг в сторону. Однако инициатива по-прежнему оставалась в руках поклонника Золотого Павлина. Он находился в более выгодном положении и продолжал атаковать. Киммериец только и успевал отбивать его удары. Но вскоре за счет превосходства в физической силе Конан понемногу выровнял ситуацию, а потом начал откровенно давить противника. Кончилось тем, что отступая, саббатейец споткнулся о труп своего

товарища. В этот миг его судьба оказалась решена. Меч киммерийца очень точно нашел сердце поклонника Золотого Павлина.

Стоило Конану, расправиться со своим последним противником, как вновь послышался скрип открываемой двери.

На пороге показался тот самый мальчишка, телом которого воспользовался дух-любовник. Впрочем, ничто не говорило о том, что сейчас его в пареньке нет. Мальчишка не смотрел ни по сторонам, ни под ноги, взгляд его был устремлен точно к отцу, подло обманутому Ясудом. Древний маг был всё еще жив, хотя внешне скорее напоминал груду испорченного мяса, нежели человека. В том шипении, что доносилось из его рта, с трудом угадывались призывы к сыну придти на помощь.

Мальчик сделал небольшой шагок в сторону отца, затем еще один покрепче. На лице его отражалась сильнейшая внутренняя борьба. Дух явно не желал приближаться к полуживому телу, но отец, похоже, как-то сумел подавить его волю.

Конан со всей возможной скоростью прокручивал в голове варианты развития событий. Убивать духа никак нельзя. Он тут же сменит тело и переселится в самого киммерийца. Пытаться просто остановить тоже опасно, сметет с дороги и всё. Для него люди считай что муравьи. Оставалось только одно – добить мага. А там будь, что будет.

Киммериец подбежал к отцу вперед мальчишки, двигавшегося очень мелкими шагами да еще умудрившегося споткнуться о сabbатейца, занес меч над головой... и понял, что все завершилось и без него. Маг умер, так и не дождавшись помощи от сына.

Любовник, отошедший от отцовского заклятия, встряхнул головой и начал оглядываться, стараясь понять, куда это его занесло. Взгляд его остановился на Конане. На лице духа вспыхнула кровожадная улыбка и он начал приближаться к киммерийцу. Вселяясь в него он, видимо, не собирался, помня об отцовской судьбе, а вот приданье мучительной смерти, судя по всему, входило в его планы.

Конан решил, что бегство в данной ситуации вариант не зазорный, но любовник предусмотрел и это. Ноги киммерийца словно вросли в пол. Да и руками он пошевелить не мог, оставалось только вертеть головой в надежде узреть что-нибудь годное для дела спасения собственной жизни. Ничего такого, к сожалению, не наблюдалось.

Мальчик остановился в шаге от Конана. Улыбка его стала еще шире.

Он медленно протянул правую руку к киммерийцу, но коснуться его не успел. Два метательных ножа вонзились ему в спину. Дух-любовник коротко вскрикнул, и упал замертво к ногам киммерийца, в тот же миг

обретшим подвижность.

В дверях стояла довольно ухмыляющаяся дева-воительница, которую они с Сигурдом несколько дней тому назад встретили на базаре. Собственно, и сам ванир возвышался за её спиной.

— Мы вовремя, — сказала Тара, проходя внутрь.

— Надо было догадаться, что ты здесь, — Сигурд дружески похлопал Конана по спине. — Разве ты когда-нибудь пропускал такое веселье?! Кстати, не в обиде на меня за тот случай?

Киммериец не сразу понял, что имеет в виду его первый помощник. Потом вспомнил, что ванир хорошенько приложил его, когда он вернулся из поместья без Зелтрана.

— Ты всё правильно сделал, — сказал Конан. — Я поступил бы так же.

— Рад слышать! — улыбнулся Сигурд.

— Вы-то как здесь оказались? — поспешил узнать киммериец.

Скольких трудов им самим с Харольдом и Ясудом стоило найти это внешне неприметное место, даже вспоминать не хотелось. Конан не представлял, кто кроме Себера и любовника знал о нем, а уж они-то точно с первым помощником в беседы не вступали.

— Мы искали духа-любовника, — объяснил Сигурд, — чтобы не дать ему выпустить на волю своего отца. Коратцо удалось обнаружить двух людей, что являлись заготовленными для него ходячими оболочками. Через них мы и хотели выйти на духа, но внезапно всю нашу компанию отловил по дороге в особняк, где прятались те двое, человек, назвавшийся Ганешем. Он объявил себя древним пророком обретшим новую жизнь, а Коратцо сказал, что ему можно верить. Вот этот самый Ганеш и велел нам со всех ног бежать в этот домик. Его и следует поблагодарить за то, что ты остался жив, а любовник так и не освободил отца.

— Он его освободил, — разочаровал друга Конан.

— Что?! — в один голос закричали Сигурд и Тара. Похоже, кто-то успел растолковать им последствия обретения древним магом воли.

— Один из тех людей, за которыми вы охотились, — сказал киммериец, — нес в своем теле смертельный яд для отца духов. Он отдал жизнь, чтобы убить его.

— Это он? — спросила Тара, указывая на разложившийся труп Ясуда.

— Да, — ответил Конан. — Надо его похоронить, когда все это закончится. И мага, он тоже хорошо сражался.

После смерти Харольд вновь обратился из медведя в человека.

— Я знаю его, — сказал Сигурд, отбрасывая мертвых саббатейцев с тела некроманта. — Один из спутников Бруана, безумного духа.

— Он очень сильно нам помог, — поведал ваниру Конан. — Без него бы мы не нашли духа. Но это прошлое. Надо идти в поместье и постараться спасти Зелтрана. Боюсь, там творится что-то неладное. Маг, пленивший меня, погиб.

Подробности своего визита в сокровищницу и последующего пленения киммериец пересказывать не стал. Сигурд и Тара люди не глупые и в общих чертах произошедшее, наверняка, уже представляют.

— И Ганеш сказал, что мы должны туда отправиться, — поведала Тара. За время разговора воительница уже успела осмотреть импровизированное поле боя и сделать какие-то свои выводы. — Только он упомянул, что кроме воина к нам присоединиться и маг. А он мертв.

— Пророк имел в виду другого мага, — сказал стоящий у двери человек.

Сколько он уже находился в доме, никто не ведал.

Конан узнал его, и с трудом подавил желание броситься на него с мечом. К Тот-Амону, а это был именно он, у киммерийца накопилось множество долгов.

— Я тоже рад тебя видеть, старый друг, — улыбнулся стигиец. — Если бы Ганеш сказал мне, что предстоит иметь дело именно с тобой, меня бы здесь не было. Но на то он и пророк, чтобы и это предвидеть.

— Что тебе надо? — спросил Конан. Руку с эфеса меча он убрал, не желая демонстрировать свои чувства.

— Ганеш предупредил меня, — сказал Тот-Амон, — что в моем деле окажется не лишней помощь воина с хорошей сопротивляемостью магии. Еще он рассказал, как можно с этим человеком договориться. Конан, у тебя в поместье есть друг, обращенный в собаку?

— Да, — ответил киммериец, жестом призывая Сигурда и Тару не делать глупостей. Те казались готовыми в любой момент броситься на мага. Но сейчас это было лишним. Тот-Амон не был замечен в том, что нарушал заключенные договоренности. — Можешь его спасти?

— Могу, — кивнул Тот-Амон. — Пророк сказал, что заклятье там сложное, и кроме меня с ним смогут разобраться не более десятка хайборийских магов.

— Что ты хочешь взамен? — спросил Конан.

— Чтобы ты пошел со мной, — ответил стигиец. — Большего я и сам не знаю. Твои друзья, если захотят, тоже могут к нам присоединиться.

— Договорились, — согласился киммериец. — Я последую за тобой и постараюсь помочь, если возникнет такая необходимость.

— Я с тобой, — тут же произнес Сигурд.

— Я тоже, — присоединилась к нему Тара.

— Тогда идемте, — сказал Тот-Амон и, не дожидаясь никого, вышел на улицу.

Конан, Сигурд и Тара догнали мага только через два дома. Походка у стигийца была быстрая, размашистая. Даже по ней чувствовалось, насколько глава Черного Круга уверен в себе.

Киммериец появлению Тот-Амона удивился не очень сильно. Скорее странно, что это произошло только сейчас. Когда творятся события вселенского масштаба, верховный маг Стигии просто обязан находиться где-то неподалеку. Еще Конан предполагал, что Тот-Амон вполне мог быть не простым наблюдателем, а кем-то гораздо большим. Сидел в тени и дергал за ниточки, вполне в характере стигийца.

— Коратцо всё-таки победил Бруана, — вдруг произнес Сигурд.

— Ты о чём? — не понял Конан.

— Посмотри на людей, — сказал первый помощник. — Безумие схлынуло, дух, его вызвавший, мертв.

И действительно, Сартос за время битвы с отцом и сabbатейцами стал иным. С лиц горожан исчезли злоба, страх, отрешенность. Никто не стремился выяснять отношения посредством кулаков. Даже обычного уличного гвалта поубавилось. Всё чаще и чаще взгляд киммерийца встречал добродушные улыбки.

— Они все мертвые, — поправил Сигурда Тот-Амон. — Все четверо. Духов Камня не стало.

— Ты не сильно расстроен, — заметил Конан.

— Думаешь, я как-то связан с ними? — спросил маг. Киммериец кивнул безо всякого стеснения. — Только косвенно. Я прибыл в Сартос по другой причине. Думаю, имеет смысл рассказать вам о ней. В поместье эти знания лишними не будут.

— Твоя воля, маг, — ответил киммериец. На самом деле, червячок любопытства все сильнее подтачивал его душу.

— Ну, не ваша же! — отозвался Тот-Амон. — Я приехал в Сартос, чтобы определить судьбу одного могущественного мага. Карун-Ра, альбинос, по прозвищу Слепец. Он является главой местных Хозяев Побережья. В его отношении подозрения у Черного Круга зародились еще много лет назад, когда во время магического эксперимента он сам себя лишил зрения. Наши специалисты по магии исцеления клялись именами всех известных божеств, что от этого изъяна ему уже не избавится. Карун-Ра советовали оставить бесплодные попытки заставить свои глаза работать и начать учиться жить по-новому. Но альбинос, вместо этого, отстранился от нас и

продолжил свои изыскания в одиночку. И однажды он прозрел. Разумеется, Черный Круг заинтересовался тем, как он это сделал, и Карун-Ра любезно предоставил в наше распоряжение формулу. Она, и в самом деле, работала, но уже тогда у меня зародилось подозрение, что это новая магия.

— Что это значит? — спросил Конан. Киммериец внимательно следил за рассказом Тот-Амона. Вполне возможно, что им придется вступить в схватку с альбиносом, и лучше узнать всё о его плюсах и минусах.

— Я могу произнести одну комбинацию слов на древнестигийском, — ответил маг, — и вспыхнет пламя. Могу произнести другую, и ничего не произойдет. Но если слегка, совсем чуть-чуть, изменить структуру нашего мироздания, то вторая комбинация сможет заставить пламя угаснуть. То есть возникнет новая магия. Её сотворение исключительная прерогатива богов, но они редко прибегают к этой возможности, дабы не поколебать баланс мира.

— Тогда на чем было основано твое предположение? — поинтересовался киммериец.

— На интуиции, — сказал маг и обернулся к Конану, чтобы последить за его реакцией.

Киммериец кивнул, в знак понимания. Воин ты или маг, не важно, но если хорошо знаешь свое дело, то многое ты способен предсказать и без помощи рассудка, и даже вопреки ему.

— Но обвинять Карун-Ра я не торопился, — продолжил рассказ Тот-Амон. — Мне стало интересно, как ему удалось принести в мир новую магию, кто из богов ему помогает. Я стал следить за ним. Смотрел, как он набирает силы и растет в искусстве волшбы, но про его союзника так ничего и не знал. Альбинос оказался большим хитрецом и умеючи заметал следы. Наконец, мне всё это надоело, я собрал совет Черного Круга и объявил о своих подозрениях. Мне не верили, со мной спорили, но, в конце концов, признали мою правоту. Карун-Ра стал опасен для нашего сообщества. Он обратился к одному из божеств в обход Сета, и за это не могло быть прощения.

Конан хмыкнул. Насколько он успел изучить природу Змея, тот подобных талантливых хитрецов, наоборот, привечал.

— Это с формальной точки зрения, — объяснил Тот-Амон. — На самом деле, все боялись, как бы секрет Карун-Ра не попал бы в руки кого-то другого, а не в их собственные. Вот и поклялись не вступать с альбиносом ни в какие договоренности. Но выступить открыто против Слепца мы не могли, так как не имели на руках никаких доказательств его вины. И тогда Черный Круг организовал его назначение главой Хозяев Сартоса. Здесь уже

несколько лет находилось тело полуживого пророка, который занимался исключительно отвратными предсказаниями. Мор, войны, ураганы. И главное, никакой возможности изменить это будущее. Мы надеялись, что пророк выдаст что-нибудь этакое альбиносу. В теории, несмотря на весь свой талант Карун-Ра должен был умереть. Предсказание, считали мы, учетет его силу и подберет соизмеримое несчастье. Но пророк молчал, а Слепец делал всё, чтобы избавиться от этого груза на своей шее. Когда он, наконец, договорился о передаче тела предсказателя в храм Сета вблизи Кеми, совет Черного Круга решил поступиться принципами и убить Карун-Ра. Я тогда попросил немного отложить исполнение приговора и с десятком учеников отправился в город, где альбинос проживал до Сартоса. Мне уже давно хотелось проверить это место на предмет магических следов, но каждый раз находились более срочные дела. Две седмицы я проторчал там, искал, забыв о сне и отдыхе. И в итоге, удача пришла ко мне. Мы с учениками восстановили фантомный образ той библиотеке, которой пользовался Карун-Ра. Конечно, нам удалось нащупать следы не всех книг, но самый важный том мы узрели. В нем говорилось о боге, что помогал альбиносу. Из фантома мы смогли извлечь только его имя, Ибара. Но и это было достаточно. У Черного Круга немалая библиотека, и я не сомневался, что вскоре мы узнаем все о помощнике Карун-Ра. И действительно, Ибара упоминался в сразу нескольких источниках. Оказалось, что это не какой-то могущественный дух или демон, а вполне полноценный бог. Только много столетий назад его изгнали с небес. Знаешь, за что, варвар?

— Не хочу гадать, — сказал Конан. Вариантов у него в голове возникло с два десятка, а то и больше. — Расскажи.

— В некий момент своей жизни, — продолжал Тот-Амон, — Ибара вообразил себя людским благодетелем. Начал исполнять все человеческие просьбы, даровал силу воинам, энергию магам. Представляешь что из этого вышло?

— Ничего хорошего, — ответил киммериец.

— Правильно, — сказал Тот-Амон. — И боги, чтобы не допустить еще больших бед, лишили Ибара его могущества. Они, наверное, рады были бы его и вовсе убить, но не смогли, слишком много почитателей у него было. Думаю, что к тому времени, когда вся его паства поумирала, боги просто забыли об Ибаре, в силу его безвредности. А Карун-Ра, спустя долгие годы, обнаружил предмет, который в качестве убежища избрал для себя низвергнутый бог. Скорее всего, его статуэтку, но значения это не имеет. Теперь, когда стало понятно, с кем именно мы имеем дело, можно было провести расчеты, узнать, какую мощь обрел Карун-Ра.

— И что? — заинтересовано спросил Конан.

— По силам он стал равен всему Черному Кругу, — ответил стигиец, — и это для него еще не предел. Тут же стали составлять план по устраниению Карун-Ра. Сколько магов привлекать, какие артефакты использовать. Но даже при самом удачном раскладе крови пролилось бы море. Только всё согласовали, как приходит известие из Сартоса, что пророк заговорил. Мы приняли это за знак богов и решили повременить с атакой на альбиноса. Тогда же я сказал, что отправляюсь в Сартос. Совет пытался удержать меня, говорили, что это и глупо, и опасно, ведь на Побережье сойдутся в битве величайшие силы. Но я не мог упустить шанс посмотреть на всё своими глазами.

— Не верю, что не пытался вмешиваться? — заявил киммериец.

— Потихоньку, — хитро улыбнулся Тот-Амон. — Именно я сделал так, что пророк ходит по улицам Сартоса, а не лежит полумертвым в поместье. Он ведь вам жизнь спас!

— Ему я за это благодарен, — сказал Конан.

— Значит, и мне, — добавил Тот-Амон. — Но тем не менее, я по большей части наблюдал. Однако я, похоже, тоже являлся частью происходивших процессов, как и ты, Конан, как и твои товарищи. Я верю, что существует некий всемирный закон, который отвечает за равновесие. Как он действует, мне не ясно, но результаты на лицо. Если где-либо проявляет себя одна могущественная сила, то там же неизменно возникает противодействующая. Я уверен, что если бы Черный Круг не отправил Карун-Ра в Сартос, то духи и их отец так бы и жили в своем Камне, ты бы не завел корабль в этот порт, а я совершил бы сейчас путешествие по Кхитаю. Так же и в обратную сторону. Возможно, именно грядущее пришествие духов определило наше появление здесь.

— Слышал я о такой точке зрения, — совершенно честно сказал Конан. Что он с ней в корне не согласен, киммериец добавлять не стал. — Так почему же тогда духи мертвые, а Карун-Ра всё еще жив, и мы идем драться с ним?

Конан уже принял, как должное, предстоящую схватку с альбиносом.

— Он бился с одним из духов, — ответил Тот-Амон, — и сейчас Слепец настолько слаб, что нам по силам его одолеть.

— Пророк не сказал, победим мы или нет? — не удержался от вопроса Конан. Он хоть в судьбу и не верил, но узнать результат было любопытно.

— Победим, — сказал стигиец и добавил. — Но очень уж он таинственно это произносил. Понятия не имею, что за этим словом кроется.

— Сейчас всё сами узнаем, — уверенно произнес киммериец.

К этому времени они уже добрались до ворот поместья Хозяев Побережья.

Двоим «лиловым» стражникам, не хотевшим их пускать внутрь, Тот-Амон, на удивление спокойно, объяснил, кто он такой, и вызвал в их сознании специальный образ, служащий для опознания. Те в мгновение пали перед ним колени. Не говоря больше ни слова, Тот-Амон миновал пост и махнул Конану, Сигурду и Таре, чтобы следовали за ним.

Внутри поместья суета стояла невообразимая. Маги и старые, и молодые, разбившись на пары, быстрым шагом обходили коридоры. Видя Тот-Амона, неизменно падали перед ним на колени. Двух внешне смышленых Хозяев черноглазый стигиец задержал для разговора.

— Мне нужно, чтобы ты, — Тот-Амон указал на того мага, что был чуточку пониже, — отправился в покой к Биресу и привел мне оттуда пса.

Хозяин кивнул и поднялся, готовый отправиться в путь.

Тот-Амон поморщился, достал из мешочка на поясе маленький кристаллик и протянул его магу.

— Используешь у дверей, — сказал Тот-Амон, — иначе тебя убьет. Найти меня сможешь в покоях у Арзареса. Иди.

Хозяин молча поклонился и побежал прочь. На третьем шаге споткнулся и упал. Но тут же вскочил и продолжил движение.

Тот-Амон вновь поморщился.

— А ты покажешь мне, — обратился он ко второму коленопреклоненному Хозяину, — где собственно проживает Арзарес. Давненько я у вас не был, успел всё позабыть.

Маг кивнул, но с пола не поднялся.

— Веди! — крикнул на него Тот-Амон.

Подействовало.

Внешне смышленый Хозяин встал на ноги и повел гостей вдаль по коридору. Во второй раз Конан оказался в поместье уже не в качестве вора, а как некто вроде почетного гостя. Встречные маги смотрели на него и остальных с уважением и опаской.

Жил Арзарес не очень далеко от входа. До сокровищницы той злосчастной ночью киммерийцу пришлось идти раз в пять дальше. Почему именно в комнату покойного мага Тот-Амон решил направить свои стопы, Конан понятия не имел. Было, правда, предположение, что это Ганеш насоветовал стигийцу, что делать.

Выдержке магов, охранявших покой Арзареса, можно было только позавидовать. В их глазах прямо-таки читалось желание рухнуть на колени

перед главой Черного Круга, но они не могли себе этого позволить.

— Бирес приказал никого внутрь не пропускать, — сказал один из них.

— Отменяю это распоряжение, — тихо произнес Тот-Амон. — Отойдите в сторону.

Маги в мгновение убрались с пути черноглазого стигийца и тоже встали на колени. Но Тот-Амон на них уже не смотрел и прошел внутрь комнаты. Конан, Сигурд и Тара тоже не стали задерживаться на входе и последовали за ним.

Комната Арзареса Конану понравилась. Он решил, что если однажды остеинится и купит дом, то обстановка у него будет такой же. Лишних вещей в покоях не наблюдалось. Кровать, большой рабочий стол, маленький обеденный, четыре огромных стеллажа с книгами и коллекция оружия на одной из стен.

За столом сидел стигиец, внешне очень похожий на Тот-Амона, только еще более худощавый. И лицо у него было осунувшееся.

Когда четверо людей переступили порог комнаты, стигиец яростно водил пальцами по разложенным перед ним папирусам.

— Вот оно! — неожиданно вскричал он.

Такое проявление восторга покорило даже Тот-Амона. Глава Черного Круга, подобно остальным, невольно сделал шаг назад.

И тут Бирес заметил, что в комнате он теперь не один. Конан не верил, что лицо человеческое способно выразить большую степень восторга, чем та, что была, когда Хозяин отыскал что-то в папирусах. Киммерийцу пришлось признать, что он ошибся. Увидевший Тот-Амона Бирес просто лучился счастьем.

Он подбежал к главе Черного Круга и упал перед ним колени.

— Встань, — велел Тот-Амон.

Бирес поднялся.

— Теперь говори, — приказал черноглазый, — что ты обнаружил. Ты знаешь, где искать Карун-Ра?

— Мне это было известно и раньше, — почтительно склонив голову, произнес Бирес. — Я стремился узнать, какую цепь артефактов задумал выстроить Слепец.

— И что же? — заинтересовался спросил Тот-Амон.

— Ключевым в ней является артефакт «Фонтан Жизни», — сказал Хозяин Побережья. — Ты слышал о таком? Остальные служат лишь для усиления эффекта.

— Проклятье! — заорал Тот-Амон, подошел к столу и ударил по нему со всей силы. — Сет дери этого ублюдочного альбиноса!

Конан был готов поспорить, что возникли проблемы, о которых Ганеш верховного стигийского мага не предупреждал.

— Но он же не сможет применить его на себя, — изумился Бирес. — Хуже было бы, если ключевым оказался бы уничтожающий или преобразующий артефакт. Этот же служит только для лечения. Хотя, конечно, я мог ошибиться, и Слепец специально подстроил, чтобы все подумали на «Фонтан Жизни».

— Не ошибся ты! — прорычал Тот-Амон. — И не для себя он этот артефакт приготовил. Карун-Ра хочет воскресить одного почившего бога!

— Отца духов? — спросил Бирес.

— Нет, другого, — ответил Тот-Амон. — Все духи мертвые, и их отец тоже. Где этот проклятый пес?! Мы не можем больше ждать!

Конан понял, что стигиец говорит о Зелтране. Глава Черного Круга решил вернуть ему облик прямо сейчас. Хорошо, конечно. Но это значило, что схватки с Карун-Ра он побаивается, несмотря на внешнюю браваду.

На свое счастье, посланный за собакой Хозяин влетел в комнату почти одновременно с окончанием фразы черноглазого мага. В противном случае, о его участи можно было бы только догадываться. Зелтрана посыльный нес на руках, уснувшего.

Бирес удивленно взорвался на то, как глава Черного Круга принимает пса и укладывает его на полу, но ничего не сказал.

Тот-Амон опустился на колени и начал колдовать. Вмиг с его лица исчезли гнев и напряженность, хороший маг должен всегда сохранять спокойствие, когда творит волшбу. Текли мгновения, а стигиец все что-то тихо пел на незнакомом Конану языке. Бирес пристроился рядом с главой сообщества, и сейчас сидел и внимательно слушал. Постепенно голос мага стал угасать, превращаясь в едва различимый шепот. Потом лишь по движениям губ было возможно понять, что звуки магии продолжают литься.

Когда Тот-Амон, наконец, завершил обряд, киммерийцу показалось, что воздух в комнате наполнился маленькими капельками влаги. Но вот с Зелтраном никаких видимых изменений не произошло.

— Всё в порядке, — сказал Тот-Амон. — Надо только немного подождать. Лучше пока отвернитесь, зрелище будет неприятное.

Конан, Сигурд и Тара последовали совету мага. Один лишь Бирес остался смотреть. Киммериец ожидал услышать звуки, вроде треска раздираемой кожи, хруста костей или чего-то в этом роде, но тишина стояла полная. Конан решил, что это означает, что метаморфозы еще не начались.

— Уже всё, — словно угадал мысли варвара Тот-Амон.

Киммериец обернулся. На полу, свернувшись клубочком, лежал обнаженный Зелтран.

— Я исполнил свою часть договора, — странно было слышать громкую речь от Тот-Амона после шепота творимого заклятья. — Теперь, киммериец, твоя очередь.

— Я знаю, — коротко ответил Конан.

— Бирес, — обратился глава Черного Круга к магу. — Если я вдруг погибну, отпустишь всех этих людей и не будешь чинить им неудобств. Понял?

— Да, — кивнул Хозяин Побережья.

— Теперь проложи мне дорогу к Карун-Ра, — сказал Тот-Амон. — Я знаю, что он обучал тебя этому.

— Мне не хватит сил, — ответил Бирес.

— Я буду помогать тебе, — пообещал ему Тот-Амон. — Но поведешь нас именно ты, мне еще предстоит биться со Слепцом. И еще, этот черноволосый северянин отправится вместе с нами. Колдуй, Бирес! Начинай!

Бирес взял за руки Конан и Тот-Амона, и они стали выхаживать вокруг стола с папирусами. Сигурд и Тара предусмотрительно отошли в сторону и оттащили Зелтрана. Хозяин Побережья заклятье пел громко, будто боялся, что его слова звучат недостаточно убедительно. Но вскоре его голос обрел твердость и необходимость кричать отпала. Конан подумал, что сказалась обещанная помощь Тот-Амона.

Постепенно окружающий мир стал претерпевать изменения. Сначала комната Арзареса стала круглой, потом приобрела овальную форму, и из неё исчезли все предметы обстановки, кроме стола. А через пару кругов пропал и он. Конан внезапно осознал, что идет вместе с магами по длинному узкому туннелю. Цвет его с течением времени менялся от грязно-серого в сторону белизны.

— Постой! — оборвал Тот-Амон Биреса. — Я вижу поворот.

— Где? — дрожащим голосом произнес маг. — Здесь только стены. Идем, мне тяжело говорить.

Конан, признаться честно, тоже поворота не видел, но Тот-Амону в вопросах колдовства склонен был доверять.

— Тогда дальше поведу я, — решил глава Черного Круга. — Бирес, передай мне заклятье и отдавай свою энергию, когда мы пойдем.

Хозяин Побережья начал что-то шептать себе под нос. Когда закончил, испустил вздох облегчения, словно скинулся тяжелый груз.

Тот-Амон сделал три шага вперед, затем развернулся вправо и ударил кулаком по стене. Она рассыпалась на сотни мелких осколков. Черноглазый маг повел спутников по новому туннелю. Завершился он, как и предполагал Конан, в тот момент, когда стены, пол и потолок стали снежно-белыми.

Трое людей ощутили, как их кожи коснулась невидимая глазу водянистая пленка, и в следующий миг очутились в огромном белом храме.

Конан именно так воспринял это сооружение. Колоны, арки, купальни, все украшенное великолепным орнаментом. У стен стояли мягкие кушетки, где могла отдохнуть уставшая паства. Пол был отполирован столь гладко, что отражал окружающий мир не хуже зеркала. В центре храма стоял постамент, а на нем возвышалась статуя симпатичного юноши, вытянувшего вперед руку, будто он предлагал принять некий невидимый дар.

«Ибара», — подумал Конан.

Сейчас бог сжимал в руке небольшую серебряную чашу, в которой плескалась вода. Делала она это без какого-либо видимого внешнего вмешательства. Это вполне мог быть тот самый артефакт, «Фонтан Жизни». Еще двенадцать предметов были разложены на постаменте вокруг статуи.

— Вы всё-таки пришли, — сказал светловолосый человек, вышедший из-за спины Ибary. — Очень вовремя. Я как раз собирался начать обряд. Вы сможете первыми принять дары бога.

Вместо ответа Тот-Амон бросил в Карун-Ра заклинание. Бирес присоединился к его волшбе. Слепец отбивался, но продолжал говорить.

— Зачем вы это делаете? — вещал альбинос. — Я не желаю никому причинять зла. В том числе, и вам. Особенно тебе, Бирес! Остановитесь, прошу!

Но маги, судя по напряженным лицам, только усиливали натиск. Конан не знал, что ему делать. Бросаться на альбиноса с мечом казалось безрассудством. Но внезапно вопрос выбора линии поведения оказался решен сам собой. Конан обнаружил, что потерял способность двигаться.

«Предусмотрительные маги обитают на Побережье», — горько подумал он.

— Прекратите же! — кричал на Биреса и Тот-Амона альбинос. — Я не смогу долго сдерживать вас, не причиняя вреда. Представьте только, что Ибара подарит миру. Исчезнут болезни, голод. Люди обретут такую силу, что войны станут бессмыслицей. Избранные смогут постигать мироздание, а остальные будут наслаждаться жизнью. Ибаре ничто не нужно взамен, он отдаст это просто так.

Карун-Ра чуть не плакал, оттого что не мог убедить магов прекратить

битву.

Конан представил себе мир, который обрисовал Слепец. Ему самому там бы не было места, также как и Тот-Амону. Но остальные люди, и впрямь, обрели бы счастье. Киммериец подумал, что он был бы готов пожертвовать личным благом ради остальных, а вот главу Черного Круга такая перспектива не устраивала. Потому он и сражается, потому он и спас Зелтрана, чтобы и у Конана рука не дрогнула.

«Смотри внимательно!» — в голове киммерийца раздался голос Тот-Амона. — «Это тот путь, которым ты пойдешь, когда я скажу».

От киммерийца к Слепцу бежала извилистая красная линия, напоминавшая на снежно-белом полу полоску крови. Конан внимательно изучил все повороты, запомнил их, а через мгновение линия исчезла.

Теперь требовалось ждать. Будь воля киммерийца, он бы с места не стронулся, но обещание помочь магу было превыше личных желаний.

— Бирес, хоть ты! — умолял Карун-Ра. — Он же не знает меня, а ты мой друг! Остановись! Я не хочу тебя убивать!

«Беги!», — приказал Тот-Амон киммерийцу.

Невидимые пути опали с ног Конана, и он устремился по проложенному магом пути. Вокруг него сверкали молнии, летали огненные шары, струился ядовитый дождь, но Тот-Амон хранил киммерийца.

Карун-Ра понял, что проиграл это сражение. Он сделал шаг назад, пытаясь спрятаться за статую Ибара, но не успел.

— Прости, — тихо прошептал Конан и отрубил магу голову.

Эпилог. Еще немного о...

«Вестрел» покидал порт Сартоса в теплый безоблачный день. Совсем другая погода царила в сердце первого помощника капитана, ванира, по имени Сигурд. Прошлая ночь была последней, которую он провел с Тарой. Вчера воительница сказала ему, что они не могут быть вместе, что рано или поздно или чувства друг к другу охладеют, а если нет, то еще хуже. Жить без опасности они не смогут, а это значит, что к путешествию на Серые Равнины надо быть готовым в любой момент. Девушка спрашивала, ванира, что тот почувствует, если узнает о ее смерти, как будет дальше жить. Сигурд обещал не умирать сам и дать умереть Таре, но воительница сказала, что так не бывает. В эту ночь она любила ванира столь яростно и самозабвенно, как никто не до, не после нее. Когда пират проснулся, постель была уже пуста, хоть простыни и хранили тепло женского тела. Тара стала для ванира той самой любовью, которую, и принято называть единственной.

* * *

Сама воительница в этот миг скакала на лошади в сторону Бильнаса. По щекам Тары бежали горькие слезы. Она думала о том, что если бы только Сигурд вчера настоял и не отпустил её, все было бы иначе. Еще она надеялась, что этим утром ванир отправится на её поиски. Целый колокол дева караулила у «Морского Змея», чтобы посмотреть, в какую сторону он пойдет. Сигурд выбрал море. Девушка нещадно хлестала лошадь, желая поскорее оказаться подальше от Сартоса, и проклинала себя за то, что вчера была так убедительна. Тара не сомневалась, что больше ей не встретится мужчина подобный этому рыжему ваниру. Воительница кричала небесам, что любит Сигурда, но они молчали. Хотя возможно, это именно боги исполнили просьбу девушки, когда спустя седмицу на неё напалиочные грабители. Ведь Тара молила, в том числе и о смерти.

* * *

Комната Карун-Ра Бирес так и не решился занять. Ныне она пустовала. У нового главы Хозяев Сартоса забот было много как никогда, но магу на дела поместья было плевать. Он часто и подолгу пропадал в маленькой белой комнате, доставшейся ему по наследству от Слепца. Здесь он извлекал из воздуха бутылки с вином и осушал их в честь погибшего друга. Бирес много думал о том, что говорил Карун-Ра в храме Ибара. Если бы альбиносу удалось осуществить задуманное, мир, наверное, стал бы лучше, чище и светлее. Маг не понимал, что его толкнуло встать на сторону Тот-Амона. Еще Бирес вспоминал, что за миг до того, как глава Черного Круга освободил северянина, он решил помочь Слепцу... Но не успел. И теперь, когда статуя Ибара разбита, а дух его уничтожен окончательно, мечты Карун-Ра так навсегда и останутся мечтами.

* * *

Коратцо, Черс и Ганеш стояли на берегу моря и смотрели вслед бегущему по волнам «Вестрелу». Дух Камня и пророк по сути начинали жизнь с нуля. Первый никогда не был человеком, а второй был им слишком давно. И тот, и другой решили навсегда забыть о своем прошлом, ибо оно несло исключительно душевные терзания. Вчера вечером в «Морском Змее» на проводах капитана Конана, Коратцо предложил Черсу отправиться вместе с ним путешествовать. Денег у бывшего духа от «Ста золотых» осталось прилично, а юнга успел побывать во многих странах и мог бы быть идеальным проводником. Черс с радостью согласился. Ганеш, сидевший неподалеку от них, тут же заявил, что не против составить им компанию. Отказывать пророку не стали.

* * *

А примерно в пятистах шагах в сторону полуночи от этой компании, свесив ноги с обрыва, сидел зомби Хирон. Бегать по открытому пространству ему понравилось, это намного лучше, чем городская толкотня. Сейчас был редкий момент, когда мертвец отдыхал. Пройдет совсем немного времени, и он побежит снова. Что еще надо для счастья?